

446

II

Проф. А. П. ОГЛОБЛИН

**ОЧЕРКИ
ИСТОРИИ УКРАИНСКОЙ ФАБРИКИ**

МАНУФАКТУРА В ГЕТМАНЩИНЕ.

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
УКРАИНЫ**

[67(47.71)(09)]

Проф. А. П. ОГЛОБЛИН

**ОЧЕРКИ
ИСТОРИИ УКРАИНСКОЙ ФАБРИКИ**

МАНУФАКТУРА В ГЕТМАНЩИНЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО УКРАИНЫ

:: :: ТРЕСТ :: ::
«КИЕВ - ПЕЧАТЬ»,
7-я ЛИТО - ТИ П.
улица Горовица 20.
:: :: 1925 г. :: ::
Р. У. П. № 5656.
Зав. № 303—3000.

Предисловие.

Настоящие очерки представляют собою часть специального исследования по истории украинской фабрики. Задача этого исследования—путем изучения обширного и разбросанного архивного материала установить последовательный ход развития украинской фабрично-заводской промышленности, выделить главные моменты этого развития, характеризовать основные формы этой промышленности—короче говоря, дать историю украинской фабрики.

Предлагаемая работа является одной из первых попыток систематизации материалов по истории украинских мануфактур первой половины XVIII столетия и изучения этой мануфактуры, как таковой. Территориальные и хронологические рамки этого изучения удачно определяются понятием Гетманщины, уже давно и прочно установленным в украинской историографии. Материал по истории мануфактур второй половины XVIII столетия, в частности вотчинной фабрики, которой предположено уделить специальное внимание в дальнейших частях исследования, привлечен лишь постольку, поскольку это необходимо было для уяснения основной темы.

Современное состояние науки экономической истории Украины не позволяет еще давать общие обзоры, широкие обобщения специальных студий. Исследователям предстоит еще долгий труд архивных изысканий. Очерк общих условий развития украинской мануфактуры оказался поэтому несколько схематичным. В предлагаемой работе намечены лишь контуры изучения, дан сырой, не проработанный достаточно материал. Пока не изучены основные моменты экономической истории Гетманщины, в частности развитие крупно-

владельческого хозяйства и влияние на украинское хозяйство XVIII столетия внешней и внутренней политики Империи, правильная постановка вопроса об украинской мануфактуре, история украинской фабрики—немыслима. Внимание неизбежно дробится по мелочам. История отдельных предприятий, в изучении деталей выясняющая форму промышленности, выдвигается на первое место. Форма очерков оказалась единственно возможной.

Современные условия научной работы заставили автора значительно сузить рамки своих архивных изысканий. Ему пришлось временно отложить работу в архивах Харькова и Петрограда, ограничившись киевскими и частично московскими хранилищами, чтобы не задерживать и без того затянувшегося, не по вине автора, дела печатания настоящих очерков. В виду этого ряд специальных вопросов внутренней жизни украинской мануфактуры, требующих дополнительных архивных разысканий, перенесен в дальнейшие выпуски ¹⁾.

Киев. XI. 1922.

Книга выходит с большим опозданием. Переданная в Государственное Издательство Р.С.Ф.С.Р. еще в конце 1922 года и принятая им, она появляется только теперь, благодаря вниманию Государственного Издательства Украины. Автор ограничился лишь некоторыми дополнениями.

¹⁾ Настоящая работа была уже закончена, когда в Киев дошла недавно вышедшая в Одессе книга проф. М. Е. Слабченко „Организация хозяйства Украины от Хмельнищины до мировой войны, том II. Судьбы фабрики и промышленности в Гетманщине в XVII—XVIII стол.“ (Одесса, 1922). Однако, украинской мануфактуре автор уделил немного внимания и мало места, используя весьма недостаточно и, к сожалению, неточно лишь скудный печатный материал. Оценка соответствующей части книги проф. Слабченко сделана пишущим эти строки в докладе „Старая украинская фабрика“, прочитанном в Киевском Историческом Обществе Нестора-Летописца.

Мануфактура в Гетманщине

Введение.

I.

Последний правитель Гетманщины граф Румянцев-Задунайский, развертывая в 1765 году широкую программу правительственных мероприятий, подчеркивал в своей „Записке о усмотренных в Малой России недостатках и неурядицах, о исправлении которых Малороссийской Коллегии трактовать должно“, что: „климат и свойства земли, ко многим плантациям способствующие, без всякого в натуре испытания поныне остаются, исключая один табак; но и в том начали уже оказываться разные небрежения; а чаятельно, что многие травы, особливо же к краскам удобные, могут с успехом здесь быть заведены, так и разные мануфактуры, яко пенковых полотен, кожаные и шерстяные; хотя для сих последних и были здесь заведены силезские обцы, по указу бессмертной памяти государя императора Петра Великого в 1722 году без заплаты присланные, но и сие вовсе не в то обратилось, для чего было начато. Надлежит трактовать, какие, где по способности завести произведения и мануфактуры, к пользе и выгоде государственной, чрез искусных и способных к тому людей“. Соответствующий пункт доклада Румянцева, в значительной степени совпадавший с данной ему инструкцией, был утвержден Екатериной II ¹⁾. Мы знаем ряд фактов, правда, несколько случайных, характеризующих деятельность Румян-

¹⁾ Чтения в Обществе Нестора-Летописца, кн. V, отд. 3, с. 104 Авсеенко, Малороссия в 1767 году, 14; Сборник русского Исторического Общества, т. VII, с. 382—83; т. X, с. 18; Максимович, Деятельность Румянцева-Задунайского по управлению Малороссией, т. I с. 48—49, 57—58. См. Слабченко, Малорусский полк, 21, пр. 1.

цева в этом направлении. Нельзя забыть и тех энергичных улучшений, какие были внесены им в собственное хозяйство, достаточно крупное, чтобы иметь значение в экономической жизни Левобережной Украины второй половины XVIII века. Считаясь с указаниями президента, Малороссийская Коллегия, в наказе своему депутату в Комиссию 1767 года Натальину, озабочена была расширением фабрично-заводской промышленности в Гетманщине. Повторив замечания Румянцева о печальном положении этой отрасли украинского народного хозяйства, отметив необходимость заведения полотняных, кожевенных и шерстяных мануфактур, наказ подчеркивал важность „приведения в хорошее состояние пенежного промысла, делания лучшим образом кож“ и усовершенствования украинского овцеводства при помощи иностранных колонистов. В целях „лучшего поощрения частных“, предполагалось „завести коронные фабрики“²⁾. Однако, почти все это не вышло за пределы благих пожеланий.

Общие результаты были невелики. А. Ф. Шафонский, описавший в 1786 году Черниговское наместничество, давая общую характеристику экономического состояния б. Гетманщины, мог сказать, что „Малая Россия как ремесленными людьми, так и художниками весьма бедна, и с великою нуждою можно какую-нибудь порядочно сделанную вещь получить, а должно почти все из Москвы или Петербурга доставать“³⁾. Шафонский писал еще до реализации очень интересных результатов в области развития украинской промышленности, какие были созданы открытием Черно-

²⁾ Сб. Р. И. О., т. 43, с. 227; Максимович, Выборы и наказы в Малороссии в Законодательную Комиссию 1767 г., I, 297—299. В своем Возражении Г. А. Полетика указывал на то, что „прежде надлежит употребить надлежащие средства, чтоб малороссийские произрастения получили настоящую свою цену, а потом уже смотреть, будет ли, в разведении и приращении оных малороссийский народ иметь рачение“. Коронные фабрики, по мнению Полетика, „завести и содержать не бесполезно, если оные заведены и содержатся будут без народного отягощения“ (Чтения Моск. Общ. Истории, 1858, III, отд. V, с. 86).

³⁾ Шафонский, Черниговского наместничества топографическое описание, 21.

морья и оживлением южных торговых путей. Впрочем новые веяния стали заметными и в это время, что и отразилось на его труде. Тот же Шафонский мог назвать целый ряд предприятий фабрично-заводской промышленности, из которых иные достигали крупных размеров. Тем не менее общий вывод остается незыблем. Наука экономической истории Украины должна была только учесть и изучить те исключения из общего правила, какие были указаны наблюдательным и вдумчивым современником, оставляя в полной силе его общие выводы, только освещенные светом научного знания. В процессе этого изучения надлежало собрать тот архивный материал, который оставлен был XVIII веком. Внимание исследователей неизбежно должно остановиться на промышленности Гетманщины, в частности на мануфактурной промышленности, сразу выделившейся огромными размерами единичных предприятий и своею незначительностью, как части народного хозяйства Гетманщины. Приходится признать, что историография почти ничего не сделала в этом направлении.

Мануфактура в Гетманщине не имеет специального исследования. Разбросанные по архивам различных учреждений и рукописным собраниям материалы истории ее опубликованы до сих пор в крайне незначительном количестве. Самая постановка вопроса нова и требует специальных объяснений. Опубликованный материал касается лишь отдельных мануфактур, и эта индивидуализация научного внимания характерна для соответствующего периода украинской историко-экономической науки. Однако, ни одна из этих мануфактур не имеет своей писанной истории. Историки Гетманщины слишком мало внимания уделяли истории экономического быта ее, и в работах наиболее крупного из них—А. М. Лазаревского—нас поражает эта досадная невнимательность по отношению к соответствующему материалу, что, между прочим, было подчеркнуто в свое время И. В. Лучицким⁴⁾. И все же Лазаревский собрал большой материал, изображающий промышленную деятельность в Гет-

⁴⁾ Рецензия Лучицкого на I том Описания Старой Малороссии в Киевских Университетских Известиях, 1889, кн. 12 (с. 285).

манщине: в Описании Старой Малороссии заключен, к сожалению, разбросанный, случайный и сырой материал по данному вопросу, материал тем более ценный, что очень часто он является единственным⁵⁾. Представители „школы Лазаревского“—исследователи истории Гетманщины не только не умножили данного Лазаревским, но даже еще не изучили собранного им. В несколько особом положении оказались две мануфактуры, находившиеся за пределами Гетманщины—Путивльская и Ахтырская. Они также не имеют специального исследования. Но каждой из них было посвящено по заметке на страницах Киевской Старины. Начальная история первой в общих чертах рассмотрена в заметке Н. Добротворского „Историческая справка о Глушковской суконной фабрике“⁶⁾. Печальная история второй рассказана А. Твердохлебовым в сообщении „Судьба табачной фабрики, заведенной при Петре I-м в Ахтырке“⁷⁾. Более полно опубликован был архивный материал, касающийся Почеповской мануфактуры. Наиболее ценные данные изданы И. Ф. Токмаковым в приложениях к его труду „Историко-статистическое описание города Мглина Черниговской губернии“⁸⁾. Некоторый материал, касающийся Почепа и его мануфактуры при Меншикове, был опубликован Лазаревским в I томе Описания Старой Малороссии и Д. И. Багалеем в его рецензии на этот том Описания⁹⁾. Барановская Опись Сенатского Архива, Сборник Русского Исторического Общества и некоторые другие издания сообщили интересный, хотя случайный материал¹⁰⁾. Рясковская мануфактура нашла себе приличное место в III томе Описания Старой Малороссии

⁵⁾ Ал. Лазаревский, Описание Старой Малороссии. т.т. I—III (Киев, 1888—89, 1893, 1902).

⁶⁾ Киевская Старина, 1886, т. XVI, декабрь, с. 741—43.

⁷⁾ Ibid., 1886, т. XVI, сентябрь, с. 178—82.

⁸⁾ Токмаков, Историко-статистическое описание города Мглина Черниговской губернии (Киев, 1888), с. 101—14. См. *ibid.*, 57.

⁹⁾ Лазаревский, Описание Старой Малороссии, т. I (полк Стародубовский), с. 302; Отчет о 32 присуждении наград графа Уварова, с. 123.

¹⁰⁾ Баранов, Архив Правительствующего Сената. Опись высочайшим указам и повелениям, т. III, с. 22; Сб. Р.И.О., т.т. 79, 117, 138.

Лазаревского¹¹⁾. Автор историко-генеалогического труда „О роде князей Юсуповых“ привел несколько интересных деталей касательно истории этой мануфактуры в середине XVIII столетия¹²⁾. Тому же Токмакову обязана Шептаковская мануфактура ценным, почти единственным материалом для истории этого неудачливого предприятия, которому Лазаревский посвятил всего несколько строк, ссылаясь на те данные, какие были приведены в Барановской Описи¹³⁾. В несколько более сложном, хотя столь же мало выгодном положении оказалась Топальская мануфактура. Ранняя история ее нам почти неизвестна. Во второй половине века мы знаем ее больше. Важный материал Румянцевской Описи и Описания Новгород-Северского наместничества 1781 г. был опубликован Лазаревским в приложениях к Малороссийским Посполитым Крестьянам и в I томе Описания Старой Малороссии¹⁴⁾. Об общем положении украинской мануфактуры, как таковой, и об отдельных мануфактурах мы находим некоторые сведения и упоминания в трудах Бурнашева, Семенова, Нисселовича, Слабченко, Удинцева, Подолинского, Авсеенко, В. И. Семевского, Лаппо-Данилевского, Милюкова, Туган-Барановского, в общих и специальных трудах по русской и украинской истории первой половины XVIII столетия—Соловьева, Бондаренко, Джиджоры, Барвинского¹⁵⁾, в таких изданиях, как Журнал

11) Лазаревский, Описание Старой Малороссии, т. III (полк Прилудский), с. 318—20.

12) (кв. Н. Б. Юсупов), О роде князей Юсуповых, ч. I (СПб., 1866), с. 123—25.

13) Лазаревский, Описание, I, 184, 186.

14) Лазаревский, Малороссийские посполитые крестьяне (1645—1783). Историко-юридический очерк (Киев 1908, изд. 2), с. 94—96 (приложение II); Лазаревский, Описание, I, 417—18.

15) Б(урна)шев, Очерк истории мануфактур в России; Семенов, Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности с половины XVII столетия по 1858 год, ч. I—III; Нисселович, История заводско-фабричного законодательства Российской Империи, ч. I—II; Слабченко, Малорусский полк в административном отношении (историко-юридический очерк); Удинцев, Посессионное право; Подолинский, Ремесла і хвабрки на Україні (Genève, 1880); Авсеенко, Малороссия в 1767 году (Киев, 1864); Семевский, Крестья-

мануфактур и торговли, Обзор различных отраслей мануфактурной промышленности России, Домонтовича—Черниговская губерния, Русова—Описание Черниговской губернии, Васильчикова—Семейство Разумовских¹⁶⁾, и, наконец, в целом ряде статей и заметок по общей истории Восточной Европы и истории восточно-европейской промышленности. Ценный сырой материал мы находим в Полном Собрании Законов, Сборнике Русского Исторического Общества, Сборнике военно-исторических материалов, Барановской Описи, Описи Сенатского Архива, Сенатском Архиве, каталогах Кайданова, Материалах для отечественной истории—Судиенко, Исторических Материалах—Андриевского, Материалах военно-ученого архива Главного Штаба, описаниях Шафонского и Пашенко, Обозрении Румянцевской Описи, в дневниках Марковича и Ханенко, письмах графини Е. М. Румянцевой, описаниях путешествий Гильденштедта, Намшард'а, Зуева, фон-Гуна, Долгорукого, в трудах Кириллова, Голикова, Чулкова, Германа, Friebe¹⁷⁾ и целом ряде других работ,

яне в царствовании императрицы Екатерины II, т. I—II (т. I—изд. 1903 г.; т. II—изд. 1901 г.); Лаппо-Данилевский. Русские промышленные и торговые компании в первой половине XVIII столетия; Милюков, Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого (Спб. 1905); Туган-Барановский. Русская фабрика в прошлом и настоящем, т. I (изд. 2); Соловьев, История России с древнейших времен, кн. IV—VI (изд. „Обществ. Польза“); Бондаренко, Очерки финансовой политики Кабинета Министров Анны Иоанновны; Джиджора, Економічна політика російського правительства супроти України в 1710—1730 р.р. (Зап. Наук. Тов. ім. Шевченка у Львові, т.т. 98, 101, 103, 105); Барвинский, Крестьяне в Левобережной Малороссии в XVII—XVIII веках.

¹⁶⁾ Журнал мануфактур и торговли; Обзор различных отраслей мануфактурной промышленности России, т.т. I—III (Спб., 1862, 1863, 1865); Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального Штаба: Домонтович, Черниговская губерния (Спб., 1865); Русов, Описание Черниговской губернии, т. II (Чернигов, 1899); Васильчиков, Семейство Разумовских, т.т. I—V (Спб., 1880, 1882, 1887, 1894).

¹⁷⁾ Первое Полное Собрание Законов Российской Империи, т.т. V—XVI; Сб. Р.И.О., т.т. 55, 56, 63, 69, 79, 84, 94, 101, 104, 106, 108, 111, 114, 117, 120, 124, 126, 130, 138, 146; Сборник военно-исторических материалов, т.т. X, XI, XIII; Баранов, Архив Правительствующего Сената. Опись высочайшим актам и повелениям, т. II—III; Опись Сенатского

более или менее крупных, более или менее близких задачи изучения украинской мануфактуры.

Но опубликована лишь ничтожная часть того большого и неприступного материала, который хранится в раз-

Архива, отд. I, т. I—II; Сенатский Архив, т.т. II—XV; Кайданов, Систематический каталог делам Комиссии о Коммерции и о Пошлинах, хранящимся в Архиве Департамента Таможенных Сборов (Спб., 1887); Материалы для отечественной истории. Издал Михаил Судиенко, т. I—II (Киев, 1853, 1855); Исторические материалы из Архива Киевского Губернского Правления, изд. А. Андреевский, вып. I—X; Материалы военно-ученого архива Главного Штаба, т. I; Шафонский, Черниговского наместничества топографическое описание (Киев, 1851); Пашенко, Описание Черниговского наместничества (Зап. Черн. Губ. Стат. Ком., 1868; Черн. Губ. Вед. 1867, №№ 45, 47, 48; 1868, №№ 1, 4, 6, 7, 9; не закончено печатанием); Лазаревский и Константинович, Обзорение Румянцевской Описи Малороссии (Чернигов, 1866); Дневник Якова Марковича, т. I—IV (изд. Лазаревского и Модвалевского; в тексте нашей работы не оговор.), т. II (изд. 1859 года; в тексте—оговор.); Дневник Николая Ханенко (изд. „Киевск. Старина“); Письма гр. Е. М. Румянцовой к ее мужу фельдмаршалу гр. П. А. Румянцову-Задунайскому (Спб. 1888); D. Johann Anton Gldenstdt, Reisen durch Russland und im Caucasischen Gebrge. Zweiter Theil (St. Petersburg, 1791); C. F. E. Hamnard, Reise durch Oberschlesien zur Russisch-Kaiserlichen Armee nach der Ukraine. Erster Band (Gotha, 1787); Путешественные записки Василия Зуева от С.-Петербурга до Херсона в 1781 и 1782 г. (Спб., 1787); Поверхностные замечания по дороге от Москвы в Малороссию в осени 1805 года. Сочинение Оттона фон-Гуна, ч. I—III (Москва, 1806); Путешествие в Одессу и Киев 1810 года кн. И. М. Долгорукого (Чт. М. Общ. Истории и Др., 1869, II—III); его же, Путешествие в Киев в 1817 году (Чт. М. Общ. Истории, 1870, II); Кириллов, Цветущее состояние всероссийского государства, кн. I—II (Москва, 1831); Голиков, Деяния Петра Великого (изд. 2); Чулков, Историческое описание российской коммерции, т. VI, кн. 3 (Москва, 1786); W. Ch. Friebe, Ueber Russlands Handel, landwirtschaftliche Kultur, Industrie und Produkte. Erster Band (Gotha und St. Petersburg, 1796); B. F. I. Hermann, Statistische Schilderung von Russland, in Rcksicht auf Bevlkerung, Landesbeschaffenheit, Naturprodukte, Landwirtschaft, Bergbau, Manufakturen und Handel (St. Petersburg. — Leipzig 1790). Сообщения некоторых путешественников второй половины XVIII-го и начала XIX века об украинской промышленности пересказаны, не всегда впрочем точно, Л. Синицким в статьях „Малороссия по рассказам путешественников конца прошлого и начала нынешнего столетия“ (Киевская Старина, 1892, II, 226—59) и „Путешествия в Малороссию академика Гильденштедта и кн. Долгорукого“ (Киевская Старина, 1893, II, 274—92; III, 412—41; IV, 29—49).

личных архивах и рукописных собраниях. Солидный материал находится и в Киеве. Лазаревским лишь отчасти использованы документы сборника „Почеп при Меншикове“¹⁸⁾, находящегося ныне в Отделе рукописей Киевской Университетской Библиотеки, куда он был пожертвован Лазаревским. Это, главным образом, „Книга описная маестностям, городу Почепу и Почепскому уезду, что имеет быть князя Меншикова в Почепе“, составленная по приказу Наумова в ноябре 1727 года, в самом начале Меншиковской опалы. Она дает небольшой, но интересный материал и для истории Почеповской мануфактуры, представляя нам ее изображение и состояние в 1727 году. Если данные ее, касающиеся организации мануфактуры, и незначительны, все же они позволяют нам судить о положении этого предприятия в обширном меншиковском хозяйстве¹⁹⁾. Почти неиспользованные историками данные заключены в „Отдаточно́й книге волости Великотопальской“, составленной в 1771 году, при передаче купленных казною имений Рагузинских Румянцеву, находящейся также в Библиотеке Киевского Университета. Для нас особенно важна „Ведомость парусинной фабрики“, обстоятельное описание Топальской мануфактуры, почти единственный источник наших сведений о внутреннем быте ее²⁰⁾. Еще Лучицкий, в своей рецензии на I том Описания Старой Малороссии Лазаревского, указывал на этот материал, подчеркивая его важность для экономической истории Гетманщины²¹⁾. Некоторые данные, касающиеся последних лет Топальской мануфактуры, имеются в „Журнале представлений“ Румянцеву—Подлузского 1792 года²²⁾. В литературе на него было указано Лазаревским, напечатавшим и немногие выдержки²³⁾.

18) Лазаревский, Описание, I, 274—94, 302.

19) Отдел рукописей Библиотеки Киевского Университета, № 247; см. в приложениях к настоящей книге, № 1.

20) Отдел рукоп. Библ. Киев. Университета, № 263; см. в прилож. к наст. кн., № 2.

21) Киевские Университетские Известия, 1888, XII, 285, пр. 1.

22) Собрание рукописей Лазаревского, № 20.

23) Лазаревский, Очерки, заметки и документы по истории Малороссии, IV, 22—26.

Некоторый материал, освещающий промышленную политику Румянцева, находится в бумагах его, поступивших впоследствии, вместе с рукописной коллекцией М. О. Судиенко, в Библиотеку Киевского Университета²⁴). Значительный и мало еще использованный материал по истории экономического быта Гетманщины находится также в Отделе рукописей Библиотеки Киевского Университета и в рукописном собрании А. М. Лазаревского²⁵). Большая часть архивного материала для истории украинских мануфактур разбросана по разным архивам и рукописным хранилищам²⁶), которые нам незачем все перечислять здесь. Мы отметим лишь некоторые интересные материалы по истории украинской промышленности, хранящиеся в Рукописном Отделении Московского Румянцевского Музея, в Архиве Марковича²⁷).

²⁴) В частности „Журналь отправленныхъ отпусковъ 1767 году“ (Отдел рукописей Библиотеки Киевского Университета, № 118).

²⁵) Часть Румянцевской Описи; „Разные указы Генеральной Войсковой Канцелярии“ (№ 101); Генеральное следствие о маестностях Стародубовского полка; Днариуш Ген. Войск. Канцелярии (Собр. Лазар., № 19); Материалы для истории торговли (Собр. Лазар., № 39); Малороссийский Сборник (Собр. Лазар., № 46); папки Лазаревского и др.

²⁶) Харьковский Исторический Архив (Отчет Рагозина, 22, 29—32; Отчет о 32-м присуждении уваровской премии, с. 72, 123; Плохинский, Опись Исторического Архива, *passim*, и др.); Московские Архивы Мин. Ин. Дел и Мин. Юстиции (см. Токмаков, 104—14); Архив Департамента Таможенных Сборов (см. каталоги Каїданова); остатки фамильных и вотчинных архивов (Иконников, Опыт русской историографии, I, кн. 2, с. 1087, пр. 1; с. 1097, пр. 7; с. 1110—13; с. 1213, пр. 2; с. 1349; Лазаревский, Описание, I, с. XIV—XV; Васильчиков, Семейство Разумовских, I, с. IX—X; Сборн. Археолог. Института, V, 28). Неизданные части Описания Черниговского наместничества 1781 года Пашенка и Описания Новгородсеверского наместничества 1781 года заключали в себе богатый материал и по истории фабрично-заводской промышленности в Гетманщине. Рукописи обоих описаний, находившиеся в библиотеке А. М. Лазаревского (Описание Старой Малороссии, I, с. XI; III, с. VI, пр. 1) не найдены нами в Библиотеке Киевского Университета, куда поступили библиотека и собрание рукописей Лазаревского. Некоторый, большей частью случайный материал по данному вопросу находится в Киевском б. Центральном Архиве, Киевском Губернском Архиве и в Отделе рукописей Библиотеки Киевской Духовной Академии.

²⁷) Некоторые из этих материалов были указаны И. Соколовским в статье „К вопросу о состоянии промышленности в России в конце

Масса архивного материала почти не использована в науке и даже не приведена еще в большей своей части в известность. Последнее обстоятельство, в связи с чрезмерной разбросанностью архивных материалов, затрудняло и продолжает затруднять научную работу в данной области. Опубликование сырого материала шло очень медленно и происходило случайно. Все это ждет еще неутомимого изыскателя и усердного издателя.

Таковы итоги изучения украинских мануфактур XVIII века. Мы говорим „мануфактур“, потому что внимание исследователей дробило фабричную промышленность Украины не только на отдельные отрасли производства, но и на единичные предприятия, не шло дальше первоначального собирания материала. Понятие украинской мануфактуры еще не является установленным в науке экономической истории Украины.

II.

Если мы обратимся к нашим источникам, перед нами возникнет вопрос относительно названия и характера изучаемой формы промышленности. Для украинских мануфактур XVIII столетия, подобно русским, мы находим все три названия предприятий крупной промышленности—мануфактура, завод, фабрика. Самым распространенным, узаконенным современной правительственной и общественной практикой была „фабрика“. Термин „завод“ употреблялся на Украине реже, обозначая преимущественно определенный момент (начальный) в развитии предприятия; в практическом значении он почти всегда совпадает с „фабрикой“ (в России он имел также более широкое собирательное значение²⁸⁾). Наконец, „мануфактура“ — сравнительно редкий

XVII и первой половине XVIII столетия (Ученые Записки Казанского Университета, 1890, кн. III, май—июнь, с. 45) и Д. И. Багалеем в рецензии на I том Описания Старой Малороссии Лазаревского (Отчет о 32-м присуждении наград графа Уварова, с. 123).

²⁸⁾ П.С.З., IV, № 2467 (1712—„завод суконный размножать не в одном месте“); см. *ibid.*, № 2324; „розмножити ігольний заводъ“ (1722—Разные указы Генеральной Войсковой Канцелярии 1722 года, рукопись Библиотеки Киевского Университета, № 101, т. I, л. 21); „в Можайском уезде два железные вододействуемые заводы, один домен-

термин в Гетманщине²⁹). Необходимо оговорить известную связь украинской и русской промышленной терминологии. Значительное однообразие исторической жизни украинской и русской фабрик, их общая подчиненность интересам государственного хозяйства Империи и общая организация главного управления ими—обусловили сильное воздействие правительственной терминологии. Правительство Гетманщины обычно повторяло указы имперского правительства, сохраняя их номенклатуру, и этим путем в украинское общество проникали новые понятия и новые слова. Все же своеобразие украинской жизни наложило на них свою печать. В свою очередь русская промышленная терминология отразила с достаточной последовательностью все изменения и колебания западно-европейской терминологической практики, которая могла и непосредственно влиять на украинскую среду.

История европейской промышленности знала эту очень интересную неустойчивость и пестроту терминологии. В Западной Европе XVII—XVIII веков слово „мануфактура“ употреблялось в значительно ином смысле, чем в настоящее время. В тогдашней литературе разумели под мануфактурой „не известную форму предприятия, известный способ производства, а промышленность вообще, независимо от той или другой формы производства; суконная мануфактура означало суконная промышленность, при чем она могла иметь и ремесленный и кустарный характер“³⁰). В

ный с двумя молотовыми фабриками верхний“ (1765—Сен. Арх., XV, 711). Понятие завода пережило сложную эволюцию, подобную эволюции понятия фабрики на Западе.

²⁹) Шептаковская „мануфактура“ в 1726 году (Сб. Р.И.О., т. 63, с. 505); Путивльская „мануфактура“ (Сб. Р.И.О., т. 130, с. 637—41; Дневник Марковича, II, изд. 1859 г., с. 130). У Марковича „мануфактура“, в значении отдельного фабричного предприятия, встречается чаще, нежели „фабрика“ (Дневник, I, 228; но II, изд. 1859 г., с. 306).

³⁰) Кулишер, Эволюция прибыли с капитала в связи с развитием промышленности и торговли в Западной Европе, I, 598. В таком широком значении „manufacture“ встречается в ряде энциклопедических изданий XVIII века. „Manufacturen heissen: 1) alle von Menschen-Händen gefertigte Wercke; 2) solche Kaufmanns-Waaren, die aus Metallen, Steinen, Holtz, Seide, Wolle und andern dergleichen Materialien zu berei-

таким смысле это слово употребляется у многих писателей того времени. Бехер в 1668 году, Schröder в 1686 году, Hörnigk и Лаффема подразумевают под мануфактурой промышленность вообще, что очень характерно для эпохи до-машинного производства. Английское слово *manufacture* очень широко обозначает всякого рода промышленность, от ремесленной и до фабричной. Еще А. Уре называет свою книгу о фабричном производстве— „*Philosophy of manufactures*“ (фр. пер. 1836)³¹⁾. Широта термина делала его равно пригодным для обозначения общих понятий и равно неудобным в применении к конкретному случаю. Еще в 1767 году Румянцев разграничивал „плантации и мануфактуры“, в противопоставлении которых термин „мануфактура“ расширен характерно для XVII—XVIII в.в.³²⁾. „Коммерция

tet werden; 3) die Verfertigung solcher Waaren selbst“ (Zincken. Curieuses und reales Natur-Kunst-Berg-Gewerck und Handlungs-Lexicon, Leipzig 1716 u. 1762, s. 1260; Jablonski. Allgemeines Lexicon der Künste und Wissenschaften, Königsberg und Leipzig 1748, s. 638; см. Zedlers Grosses vollständiges universal Lexicon, 19-ter Band, Halle und Leipzig 1739, s. 1135—6; Dictionnaire des gens du mond, t. III, Varsovie et Paris 1773, p. 366; Словарь Академии Российской, ч. IV, Сиб. 1793, ст. 80; ч. V, Спб. 1794, ст. 207; Encyclopaedia Britannica, vol. X, 3-d ed., Edinburgh 1797, p. 549): „Manufacture, die Hand-Arbeit; it. die mit Händen verfertigte Waaren von Metall etc...: es werden auch die Arbeits-Häuser oder Werckstätte, allwo dergleichen Waaren, Gezeuge, Spitzen, Galonen, Strümpfe und dergleichen verlegt, fabriciret und bereitet werden, Manufacturen genennet“ (Nehring's Historisch-politisch-juristisches Lexicon, 9-te Auflage, Gotha 1736, s. 730). См. Nowe wiadomości ekonomiczne i uzone... przez W. Mitzlera de Kolof, t. I, cz. II (Warszawa 1758), str. 81—95 („manufaktury i handle“, но „manufaktury lub fabryki“).

³¹⁾ Кулишер, I, 598—99; Hatschek, Das Manufakturhaus auf dem Tabor in Wien (Leipzig 1886), passim; Encyclopaedia Britannica, vol. X—Edinburgh 1797—p. 549; см. Корсаков, О формах промышленности, 5, пр. 2.

³²⁾ Авсеенко, op. cit., II. В столь же расширенном значении „мануфактури“ встречаются: в инструкции Ф. Наумова подполковнику Сухареву от 4. XI. 1727 („Почеп при Меншикове“, л. 55 об., § 6); „мануфактура“ Рагузинского, где выделялся поташ в 1724 году (Кайданов, с. 150); „шелковные деревья и прочие зелья, к мануфактурному делу потребные“ (1728—Материалы Судненко, I, отд. 1 с. 17); „послан в Шлезию для мануфактурных дел“ (Сен. Арх., XIII, 360); „мануфактурския избы“ в противоположность „караульным избам“ на казенном шелковом заводе в Киеве (1772—Киевский б. Центральный Архив, старые дела из Архива Киевского

и мануфактуры“—формула правительственных актов в России середины XVIII столетия, значительно расширяющая термин „мануфактура“³³⁾. Бесспорно, в XVIII веке происходит некоторое ограничение данного термина. Это отмечено по отношению к Западной Европе³⁴⁾; мы можем

Губернского Правления, дело о поручении состоящего на Подоле шелкового казенного завода... капитану Суковкину, *passim*).

Мало понятен „мануфактурный майстръ“ в Стародубе (?) в 1730 году (Диарнуш Ген. Войск. Канцел. 1730 г., рукопись собрания Лазаревского, № 19, т. II, л. 399 об.). См. Сб. Р.И.О., т. 94, с. 598; т. 130, с. 40.

³³⁾ Сев. Арх., XIII, 153. „Самая первая мануфактура или руко-месло есть земледелие“ (Сб. Р.И.О., т. 43, с. 204—205). См. II. С. З., XII, с. 181.

³⁴⁾ Кулишер, I, 598—600. Некоторое ограничение появляется уже в первой половине XVIII в.: „(oder) Manufacturen sind gewisse Oerter, wo viele Arbeiter zu finden sind, welche allesamt eine Arbeit verfertigen“ (Zedlers Grosses vollständiges universal Lexicon, 19-ter Band, Halle und Leipzig 1739, s. 1135—36; см. Hübners Neu-vermehrtes und verbessertes reales Staats-Zeitungs- und Conversations-Lexicon, Regensburg u. Wien 1761, s. 658). В менее отчетливой форме встречаем это ограничение у Савари (Savary des Bruslons, Dictionnaire universel de commerce, t. II, éd. 1750, p. 1215, 1219—20). В энциклопедических изданиях второй половины XVIII столетия это ограничение устанавливается определенно. „Manufacture—lieu où plusieurs ouvriers s'occupent d'une même sorte d'ouvrage“ (Encyclopédie ou dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers, t. X, éd. 1765, p. 60; Encyclopédie, troisième édition, t. XX, éd. 1778, p. 1031; см. Abrégé du dictionnaire universel françois et latin, vulgairement appelé dictionnaire de Trévoux, par M. Berthelin, t. II, éd. 1762, p. 791—95; Formey, Dictionnaire instructif, Halle 1767, p. 331; см. Encyclopédie méthodique, Commerce, t. III, éd. 1784, p. 65; Cyclopaedia or an universal Dictionary of Arts and Sciences. By E. Chambers, vol. III, № 215, ed. London 1786; Левшин. Словарь коммерческой, ч. IV—Москва 1790—с. 27). Существенные дополнения в обычное определение мануфактуры вносит уже первое издание Энциклопедии. „Par le mot manufacture on entend communément un nombre considerable d'ouvriers, réunis dans le même lieu pour faire une sorte d'ouvrage sous les yeux d'un entrepreneur“ (Encyclopédie, t. X, éd. 1765, p. 60; см. Encyclopédie méthodique, Finances, t. III, éd. 1787, p. 60; Dictionnaire des notions primitives, Varsovie et Paris 1773, t. II, p. 159). Особенно интересно различие двух типов мануфактуры: manufactures réunies и manufactures dispersées (Encyclopédie, t. X, éd. 1765, p. 60—62; Encyclopédie méthodique, Finances, t. III, éd. 1787, p. 60). См. Дух Журналов, 1815, ч. VIII, с. 18—32; *ibid.* ч. IX, с. 6—7, 18—19. Наказ Мануфактур-Коллегии 1767 года

указать примеры в России и на Украине. Правительственный указ 1719 года, заботившийся о том, „дабы коммерции, мануфактуры и мещанские промыслы не умялялись“, значительно суживал понятие „мануфактура“³⁵). В середине столетия практика в данном случае не являет единства. В одном и том же документе идет речь о „фабриках и мануфактурах“ и о „поправлении мануфактур“³⁶). К концу XVIII века этот процесс был закончен. В таком ограниченном значении „мануфактура“ приближалась к „фабрике“ и могла сливаться с ней³⁷). Общее понятие „мануфактура“, примененное к частному случаю фабрики, вмещалось в рамки последней, определяя соответствующую форму предприятия³⁸). В Польше в 60—70-х годах XVIII века *Kompania Manufaktur Węlnianych* имела целью организа-

как бы подводил итоги эволюции данного термина. „Слово мануфактуры по точному и прямому своему содержанию не значит ничего иного, как токмо рукоделие. Время и обыкновение присвоили сие имянование особливим заведениям, где великое число мастеровых вместе собрано для делания какого-либо товару под смотрением одного содержателя; и как сии заведения весьма казисты и гораздо умножились, то слово мануфактура и пришло со временем в сие тесное знаменованіе, как бы одним сим заведениям принадлежало, хотя подлинно принадлежит оное всякому роду рукоделія“ (Сб. Р.И.О., т. 43, с. 204). Мануфактуры—„великие собранных рукоделій заведения“ (ibid., 207). См. Дух Журналов, 1815, ч. VIII, с. 18. О различиях в понимании данного термина в первой половине XVIII в.—Zincken, *Allgemeines oekonomisches Lexicon*, 2-te Aufl. (Leipzig 1744), s. 1773—75. Во второй половине XVIII-го столетия понятие „manufaktur“ употреблялось в Польше в широком значении промышленности вообще.

³⁵) П.С.З., V, 765.

³⁶) Сен. Арх., XIV, 259. См. наказ Мануфактур-Коллегии 1767 года (Сб. Р.И.О., т. 43, с. 204—10). „К распространению и протчихъ манифактуръ“ (1750) Журн. делопр. гетманск. канц. 1750 г., л. 214).

³⁷) „Мануфактурные заводы“ — „суконные заводы“ (1722 — Черн. Губ. Вед., 1850, № 10, с. 89, 92); „манифактурные и протчие заводы“ Дубровского в Глушкове (1726—Разные указы Ген. Войск. Канцел. 1726 года, рукопись Библиотеки Киевского Университета, № 101, т. IV, л. 29). См. Дух Журналов, 1817, ч. XVIII, с. 66.

³⁸) „Дабы на той фабрики мануоактур остановки последовать не могло“ (1739) Румянц. Музей, Архив Марковича, № 1351); „мануфактурная фабрика“ (1721—Опис. Арх. Морск. Мин., II, 679). См. Сен. Арх., XIV, с. 2—1 (слово всех принадлежностей и разных частях худо-

цию соответствующих отдельных предприятий³⁹⁾. Эта конкретизация понятия мануфактуры особенно ярка в нескольких случаях из ранней истории украинской фабрики (Шептаковская „парусная мануфактура“ — 1726 г.⁴⁰⁾; Путивльская „суконная манифактура“ — 1726 г.⁴¹⁾; „путивльские деревни и половина мануфактуры, которая в тех деревнях обретается“ — 1729 г.⁴²⁾. Целый ряд указов российского правительства еще в первой половине XVIII столетия говорит о „фабриках и мануфактурах“, не проводя, повидимому, никакого различия между ними. Переходной момент в развитии данного термина на Украине очень отчетливо запечатлен в тех, несколько курьезных „мануфактурных овцах“ Меншикова, о которых говорит один документ⁴³⁾.

Впервые слово „мануфактура“ было использовано для характеристики определенной формы промышленной деятельности Марксом. Характеризуя общие признаки мануфактурной промышленности, подробно останавливаясь на роли рабочего в ней, устанавливая две основных формы мануфактуры и подчеркивая ее капиталистический характер, Маркс дал сжатое и меткое определение ее конечной идеальной формы: „ein Produktionsmechanismus, dessen Organe Menschen sind“⁴⁴⁾. В мануфактуре — „более или менее значительное количество рабочих соединяется в определенном здании под надзором предпринимателя“⁴⁵⁾.

Совершенно очевидно, что до конца XVIII века и не могло быть противопоставления мануфактуры и фабрики.

жеств, составляющих сию мануфактуру“, „таковая мануфактура“, „вновь в России обретаемую мануфактуру“; речь идет о заведении камертуховой фабрики).

³⁹⁾ Т. Korzon, *Wewnętrzne dzieje Polski za Stanisława Augusta*, II, 281—35.

⁴⁰⁾ Баранов, II, № 1567; Сб. Р.И.О., т. 63, с. 505—506.

⁴¹⁾ Разные указы Ген. Войск. Канц. 1726 года, л. 29; Дняриуш Ген. Войск. Канцел. 1729 года, л. 16.

⁴²⁾ Сб. Р.И.О., т. 104, с. 175.

⁴³⁾ Русские Записки, 1915, № 8, с. 172.

⁴⁴⁾ Karl Marx. *Das Kapital. Kritik der politischen Oekonomie. Erster Band. Buch I* (Hamburg 1867), s. 321.

⁴⁵⁾ Кулишер, I, 598; см. Корсак, 5—6.

Они могли или мирно уживаться рядом, по крайней мере в правительственных актах, или же первая покрывала вторую, как родовое понятие об'емлет видовое. В XVII—XVIII в.в. в Западной Европе между мануфактурой и фабрикой обычно не проводится никакого различия. Мозер и Бергиус считают их синонимичными. Фабрикантом называется всякий промышленник, не только скупщик-предприниматель, но и самостоятельный ремесленник и кустарь, работающий на скупщика⁴⁶). К этому можно добавить еще, что и на

⁴⁶) Кулишер, I, 599; см. Savary, Dictionnaire, t. II, p. 365; Encyclopédie, t. VI, Paris 1756, p. 350. Понятие „fabrique“ в Западной Европе XVIII в. не отличалось определенностью и устойчивостью. Широта его в то время несомненна (Encyclopédie, t. VI, éd. 1756, p. 351—52; Encyclopaedia Britannica, vol. VII, p. 83; „ce mot vient du latin et de l'italien fabrica, et il est synonyme en français du mot fabrication“ — Encyclopédie méthodique, Architecture, t. II, Paris an. IX, p. 382). Все же оно ранее, чем мануфактура, связывается с формой промышленного предприятия; отсюда его индивидуализация. „Fabrique—façon ou manière de construire quelque ouvrage“ (Savary des Bruslons, Dictionnaire universel de commerce, éd. 1750, t. II, p. 365; Encyclopédie méthodique, Commerce, t. II, éd. 1783, p. 115; см. Encyclopédie, t. VI, éd. 1756, p. 351; но „fabrique—manière de construire quelque ouvrage; façon de certains ouvrages et de certaines manufactures“ — Abrégé du dictionnaire universel françois et latin, par M. Berthelin, t. II, p. 178; „Fabric wird bey den Kaufleuten eine angerichtete Manufactur genannt“.—Zincken. Curieuses... Lexicon, s. 726); „Fabric, die Werkstatt, das Verlags Haus... die Vertertigung Wehr, Waffen und Waaren, als: er läst gold und silberne Spitzen, Spiegel, Hüte, Zeuge oder dergleichen fabriciren, oder machen. so auch von allen anderen Manufacturen derer Kaufleute gebraucht wird“ (Nehring's Lexicon, s. 482; см. Hübners Lexicon, s. 398; Zedlers Lexicon, IX Band, Halle und Leipzig 1735, s. 35; Jablonski. Allgemeines Lexicon, s. 315); „фабрика—завод или место, где в большем количестве производится какое-либо рукоделие“ (Словарь Академии Российской, ч. VI—СПб. 1791—ст. 479).

Понятие „фабрика“ пережило много изменений и в Восточной Европе, при чем последовательности в них мы не находим. Близкими к современной западно-европейской промышленной терминологии являются следующие примеры, не случайно связанные с горной промышленностью: „разные к железному делу фабрики и машины“ (Олонекские петровские заводы, 1728—Сб. Р.И.О., т. 84, с. 401), „водяные фабрики и медных плавильных печей три, домен две“ (Екатеринбург, 1728—Сб. Р.И.О., т. 84, с. 403); „а в каком оный завод состоянии и на сколько печек в нем плавится меди и какие другие производятся мастерства и фабрики состоят“; „плавильная фабрика“, „рас-

Украине, равно как в Польше, фабрикантами назывались не только владельцы и арендаторы фабрик, но также—отчасти по местным социально-экономическим условиям—рабочие этих предприятий⁴⁷⁾. Зонненфельс (1771) считает слова „мануфактура“ и „фабрика“ однозначными⁴⁸⁾. Юсти, устанавливая три категории фабричных предприятий, почти не различает фабрики и мануфактуры⁴⁹⁾. Лионская шелковая промышленность, которая производилась исключительно кустарным способом, по всей Европе была известна, как „la grande fabrique“⁵⁰⁾. Быть может, очень характерно подчеркнула это русская терминологическая практика в области хозяйства и литературы, введя в употребление термин „фабричка“, что для нас, воспитанных в понятиях современной экономической науки, выросшей на Марксе и его

ковочная фабрика“ (Вознесенский медноплавильный завод, 1765—Сен. Арх., XV, 68, 75); „сколько же, сверх фабрик, потребно к тому переделу денежному (меди в сибирскую монету) людей всякого звания, припасов, материалов, инструментов и прочего, что до экономии касается“ (Колывано-Воскресенские заводы, 1765—Сен. Арх., XV, 37); в „Можайском уезде два железные вододействуемые заводы, один доменный с двумя молотовыми фабриками верхний, другой с двумя же молотовыми фабриками нижний“ (Сен. Арх., XV, 711). См. Дух Журналов, 1817, ч. XVIII, с. 74. Перед нами характерное для того времени расширение понятия фабрики, а вместе с тем его индивидуализация. В одном и том же документе (1765 г.) находим: „в российском государстве наисовершеннейшую фабрику с красильнею завесью“ и „красильная фабрика“; речь идет о заведении красильной фабрики (Сен. Арх., XV, 210; см. *ibid.*, 43, 182). Для выяснения некоторых деталей эволюции понятия фабрики: в Гетманщине, см. Рум. Муз., Арх. Марковича, № 5200 (1766 г.); в Польше, см. *Nowe wiadomości... przez W. Mitzlera de Kolof, t. I, cz. II str. 87, 95; Dziennik Handlowy, 1786, str. 32, 33—36.*

⁴⁷⁾ Лазаревский, Посполитые, 95. *Naruszewicz, Dyaryusz podróży Stanisława Augusta... na Ukrainę... roku 1787, str. 160.*

⁴⁸⁾ J. von Sonnenfels. *Grundsätze der Polizey, Handlung und Finanzwissenschaft. Zweiter Theil* (Wien 1771), s. 136. Повидимому, их не различает и Darjes (*Erste Gründe der Cameral-Wissenschaften—Leipzig 1768—s. 318, 339; ср. Suckow. Die Cameral-Wissenschaften nach dem Grundrisse des Herrn... Darjes—Jena 1768—s. 193, 198, 206, 213.*

⁴⁹⁾ J. H. G. von Justi. *Staatswirthschaft oder systematische Abhandlung aller Oekonomischen und Cameral-Wissenschaften. Erster Theil* (Leipzig 1755), s. 250—51.

⁵⁰⁾ Кулишер, I, 599.

определении фабрики, звучит почти юмористично. Если „мануфактура“ в XVII—XVIII в.в. обозначала промышленность вообще, то „фабрика“ локализовывала свое определение на общем признаке промышленного предприятия, независимо от внутреннего характера его.

Постепенно появляется некоторое разграничение понятий мануфактуры и фабрики. Различие между ними устанавливается не в плоскости различных форм производства, а лишь в качестве различных отраслей промышленности: фабриками называются предприятия тех отраслей промышленности, где работа происходит при помощи огня и молота, т. е. металлургической промышленности, тогда как словом „мануфактура“ обозначается производство шерстяных, льняных, хлопчатобумажных, шелковых тканей, т. е. предприятия текстильной промышленности. „Слова мануфактуры и фабрики обыкновенно употребляются в одном значении, но в самом деле значат различное. Под словом мануфактуры разумеется такое дело, которое отправляется без огня и без молотов; а фабрика означает такую работу, к которой требуются огонь и молоты, или другие тому подобные инструменты. Сия разность, которая основана на произведении слов, в просторечии редко наблюдается; всегда говорят; суконная, камлотовая, камортуковая фабрика; а оные самую вещь должно было называть мануфактурами“⁵¹).

Несколько своеобразно устанавливает различие фабрики и мануфактуры Татищев: „(заводы) бывают двойкие:

⁵¹) Чулков, Историческое описание российской коммерции, т. VI, кн. 3, стр. 22. Ср. Scherer, Histoire raisonnée du commerce de la Russie, II, 40. Dictionnaire universel de commerce Савари, наиболее популярный из коммерческих словарей XVIII века, знакомый и в России и в Польше, почти не различает мануфактуры и фабрики (Savary des Bruslons, Dictionnaire universel de commerce, t. II, éd. 1750, p. 1215, 1219, 365; см. Лаппо-Данилевский, *op. cit.*, 5—6; Dz. Handl., 1786, przemowa). Вышеуказанное различие встречается в некоторых энциклопедических изданиях XVIII в. (Zincken. Allgemeines oecologisches Lexicon, 2-ten Aufl, s. 1773—4; Zincken. Curieuses und reales Natur-Kunst-Berg-Gewerck-und Handlungs—Lexicon, Auflag. 1746, 1762, s. 726; Deutsche Encyclopädie, IX B., s. 371—72, Frankfurt am Mayn 1784).

одни людьми, другие водою или ветром действуют; к первым всякие великие фабрики, яко суконные, полотняные, селитренные, стеклянные и тому подобные; сии гречески называются мануфактуры, т. е. рукоделия; ко вторым все крушцовые, золотые, серебряные, медные, железные, оружейные, яко же пильные и бумажные мельницы принадлежат, и сии французы называют фабриками, немцы Верк называют, обоя точно руски, работа⁵²⁾. Различие между мануфактурой и фабрикой проводит иногда Юсти⁵³⁾. Однако, Зонненфельс подчеркивает, что „обычай почти совсем уничтожил это различие; слово фабрика стало всеобщим; ежедневно говорят о суконной фабрике, ситцевой фабрике“⁵⁴⁾.

Несомненно, в связи с вышеприведенным, Лампрехт, „лишь в виде исключения“ в 1797 году, а еще раньше, в XVII столетии, автор „Entdeckte Goldgrube in der Accise“, определяют, в качестве характерной черты фабрики, здание (обширное здание, мастерскую), в котором соединены рабочие⁵⁵⁾. Эта характерная черта несомненно учитывалась и в русской промышленной терминологии, и вот условия появления термина „фабричка“. В восточно-европейской промышленной терминологии существовало старое слово „завод“, определявшее также общий признак предприятия и сохранившее свое употребление и в XVIII столетии, в области горной промышленности оставаясь единственным. „Полотняный завод“, „парусный (парусинный) завод“, „суконный завод“, „стеклянный завод“, „железный завод“— вот, быть может, самое распространенное название подобных

⁵²⁾ Татищев, Лексикон, ч. III (Сиб. 1793), с. 3—4. Но ср. Дух Журналов, 1817, ч. XVIII, с. 66, 74.

⁵³⁾ Justi, I, 251.

⁵⁴⁾ Sonnenfels, II, 12. К концу столетия это различие исчезает вовсе. Его не употребляют: Encyclopédie méthodique (Commerce, t. III—éd. 1784—р. 65; Finances, t. III—éd. 1787—р. 60; Economie politique et diplomatique, t. III—éd. 1788—р. 226), Encyclopaedia Britannica (vol. X—Edinburgh 1797—549), Словарь Коммерческий Левшина (ч. IV—Москва 1790—с. 27) и др. издания.

⁵⁵⁾ Кулишер, I, 599—600; G. F. von Lamprecht. Von der Cameralverfassung und Verwaltung der Handwerke, Fabriken und Manufakturen. (Berlin 1797), s. 2.

заведений в первой половине XVIII века⁵⁶), если не считать старого термина „двор“ [„(большой) полотняный двор“, „(большой) суконный двор“]. Однако, еще в первой половине XVIII столетия понадобилось несколько отчеркнуть понятие „завод“. Между суконным и овчарным заводами была большая, но только само собою подразумеваемая разница. В „табачном заводе“ еще сливались два понятия: табачной плантации и табачной фабрики. Однако, шелковый завод несомненно отличался от шелковой мануфактуры (в 40-х и 50-х годах XVIII века⁵⁷), хотя в 1727 году Кириллов, повидимому, еще смешивал их⁵⁸). Несколько странные термины „фабричный завод“ („в котором делается парусное полотно“, первая полов. XVIII века) и „мануфактурный завод“ при таких условиях являются вполне осмысленными и целесообразными. В старой украинской промышленной терминологии, развивавшейся под непосредственным и сильным воздействием польской, слову „завод“ в значительной степени соответствовало слово „гута“⁵⁹). Реже и в более суженном значении встречалась „буда“⁶⁰). Однако, в Гетманщине они, характеризуя преимущественно старую заводскую промышленность, замыкаются в отдельных промышленных отраслях.

⁵⁶) Татищев, Лексикон, III, с. 3—5, 7. См. Писселович, I, с. XVI—XVIII.

⁵⁷) П. С. З., XIII, № 9651; Соловьев, кн. V, 697—98. См. П. С. З., XII, № 9424; Сб. Р. И. О., т. X, с. 372.

⁵⁸) Кириллов, I, 133. Старый московский казенный „шляпный завод“ указано было в 1711 году, при передаче в частные руки, „именовать впрямь фабрикою“, при чем это находилось в связи с реорганизацией предприятия (П. С. З., XII, № 9071).

⁵⁹) Понятие гуты пережило большую и интересную эволюцию. Первоначально в промышленной терминологии оно соответствовало заводу (*huta sklana, die Glashütte; huta od żelaza, die Eisenhütte; huta kruszcowa, die Schmelzhütte; huta solna*). Впоследствии оно локализовалось в области стеклянной промышленности и в Гетманщине употреблялось в значении стеклянного завода (Linde, Słownik języka polskiego, t. I, cz. II, Warszawa 1898, 841—42; Материалы для составления малороссийско-русского словаря, собранные В. М. Лазаревским, рукопись библиотеки Киевского Университета, № 196, ч. I).

⁶⁰) Linde, t. I, cz. I, Warszawa 1897, 188—90; Леонтович, Сельские ремесленники в Литовско-Русском государстве (Варш. Ун. Изв., 1898), II—III, с. 19—29. В Гетманщине этот термин употреблялся в значении поташного завода (будницкий завод).

Итак, в XVIII в. на Украине мирно уживались и „завод“, и „фабрика“, и „мануфактура“; одно и то же предприятие могло называться и „суконный завод“, и „суконная фабрика“, и „суконная мануфактура“ (Путивльская мануфактура).

Терминология экономической истории Восточной Европы, вообще слабо дифференцированная и отточенная, привыкла, говоря о XVIII столетии, употреблять слово „фабрика“. К. Г. Воблый в „Очерках по истории польской фабричной промышленности“ указал на возможность пользоваться обычной терминологией. Подчеркивая, что „фабрики и мануфактуры“, которые основывались в Польше Компанией шерстяных мануфактур, не были ни первыми, ни вторыми, он говорит: „мы также пользуемся этими терминами, с одной стороны, потому, что они употребляются в архивных источниках; а с другой, после приведенных разъяснений читатели будут знать, в каком смысле следует понимать их“⁶¹⁾. То же мы наблюдаем в истории украинской фабрики XVIII века и, подобно историкам русской (Туган-Барановский) и польской (Воблый) фабрик, мы могли бы пользоваться соответствующими терминами и по отношению к украинской фабрике. Современная восточно-европейская историко-экономическая наука выдвигает один очень интересный и важный вопрос, поднятый собственно еще заинтересованным поколением в XVIII веке. Если нас, давно уже привыкших к крупным цифрам в статистике обрабатывающей промышленности, несколько не удивляет значительное количество фабрично-заводских предприятий XVIII века, то современники—и правительство и общество—заботливо и ревниво следили не только за „безуказными“, но еще и за „вымышленными“ („недостойные и подложные“) фабриками. В наше время вопрос этот выдвинут в историко-экономической литературе И. М. Кулишером⁶²⁾. Основная

⁶¹⁾ К. Г. Воблый, Очерки по истории польской фабричной промышленности, т. I, с. 56.

⁶²⁾ И. М. Кулишер, Вопросы истории русской промышленности и промышленного труда (в дореформенное время), постановка их в нашей исторической литературе.—Архив истории труда в России, выпускаемый Ученой Комиссией по исследованию истории труда в России, кн. I (Петроград 1921), с. 11—33.

мысль его следующая. Мы вряд ли имеем право назвать все известные нам фабрики XVIII столетия крупными предприятиями централизованной мануфактуры. Необходимо изучить материал для истории каждой и тогда сделать соответствующие выводы, во многих случаях отличные от общепринятых в прежней историко-экономической науке⁶³). Эту работу необходимо и отчасти легче, в виду малого числа предприятий, осуществить и на украинской фабрике. Результаты соответствующих исследований будут изложены в надлежащем месте нашей работы, а пока необходимо указать общее заключение. В большинстве случаев, почти исключительно, украинская фабрика первой половины XVIII столетия была именно централизованной мануфактурой, крупным предприятием с широко проведенным разделением труда, и слово „мануфактура“ на Украине точно определяло соответствующее понятие. Правда, мы мало знаем ее. Но то, что мы знаем о ней, поддерживает это утверждение. Таким образом, и формально и по существу мы имеем дело с мануфактурой в том смысле, в каком это понятие утверждено Марксом в современной экономической науке. Из противоположения мануфактуры и фабрики, беря эти понятия в их современном научном значении, и изучения организации мануфактуры в XVIII веке вырастает понятие мануфактуры в Гетманщине.

Мы рассматриваем мануфактуру Гетманщины, как этап в истории украинской фабрики, как одну из ранних форм ее деятельности. Понятие украинской фабрики, как таковой, еще не установлено: она не изучена. Мало того, молодая украинская историко-экономическая наука еще не могла, не умела поглубже заняться ее изучением. Это дело будущего. Мануфактура в значительной степени интернациональна. Но возникшая на Украине под сильнейшим воздействием международной политики Российской Империи, хотя и вопреки интересам русского народного хозяйства, она не только территориально была связана с Украиной; она выросла в местное хозяйство, сумела связать себя со старой заводской и ремесленной промышленностью—и новой вот-

⁶³) Архив истории труда в России, кн. 1, с. 19.

чинной фабрикой и кустарной мастерской. В этом смысле она имеет право на внимание со стороны украинской историко-экономической науки, и мы обязаны поставить ее в ряду предков современной украинской фабрики.

Глава I.

I.

В науке экономической истории России долгие споры вызывал вопрос о том, были ли петровские мануфактуры продуктом органического развития восточно-европейского народного хозяйства, или же это было чисто наносное предприятие, основанное на правительственной поддержке, вызванной необычайно усложнившимися потребностями государственного хозяйства, своего рода затеей преобразователя, чуть ли не личным капризом Петра. Острота этих споров, в их общей форме когда-то резко разделявших два лагеря русской общественности, давно уже прошла. Более спокойное изучение исторических данных дало возможность и науке сказать свое слово. Мы можем формулировать основной вывод ее по данному вопросу приблизительно так: мануфактуры первой половины XVIII века не были простым капризом преобразователя, и даже не порождением исключительно одной петровской реформы. Они надлежащим образом продолжили развитие старой московской традиции, уходящей еще в XVI век; они естественно должны были вырасти на московской экономической почве. С другой стороны, форма была подсказана современной западно-европейской промышленной практикой. Государственная поддержка в тогдашних условиях оказывалась совершенно необходимой⁶⁴⁾. Преобразователю оставалось только изменять детали формы этих предприятий, регулировать их своими бесконечными регламентами и вполне законченной дубинкой, ускорять темп их развития, вносить туда свой беспокойный дух, свою непоседливую торопливость, свою мятущуюся нервозность. Он, если можно так выразиться, естественное влечение современной

⁶⁴⁾ Туган-Барановский. Русская фабрика, I. 1—20; Струве. На разные темы, 150—51 (отзыв о названной работе Туган-Барановского).

ему хозяйственной жизни довел до крайних пределов, не остановился перед ними и перешагнул их. В результате спекулятивный характер многих грандиозных мануфактур его времени: они не выдержали собственной тяжести и, если не смогли приспособиться к хозяйственной обстановке, погибли или протянули несколько десятилетий, питаясь казенными хлебами и разоряя казну своей очевидной невыгодностью. Но если эти предприятия не выжили долго,—уцелела до 80-х годов XVIII в., самое большее, пятая часть,—они все же не прошли бесследно для экономического развития России. Они как бы вросли в местную экономическую почву, характеризовали данный промышленный район, развивали у окружного населения промышленные навыки и специальные технические приемы. И даже умирая они оставляли хорошее наследство и дурную память, хотя панический страх перед фабрикой появился значительно позже, во второй половине XVIII века и в начале следующего, когда широко разгулялась вотчинная фабрика. Отдельные элементы мануфактуры зачастую попадали в благоприятные для себя условия, и это обеспечивало им возможность дальнейшего развития в экономической жизни страны⁶⁵⁾. Если в общих чертах вопрос о влиянии петровской мануфактуры на русское народное хозяйство и может считаться решенным, то неизмеримо более сложным, затрудненным еще почти полной неразработанностью экономической истории Гетманщины, представляется таковой вопрос об украинской мануфактуре первой половины XVIII столетия. Между тем в научной литературе проскальзывает неправильная в методическом отношении тенденция: попытка разрешить еще непоставленный вопрос. Полагают, что мануфактуры на Украине были вполне искусственной хозяйственной комбинацией, чисто административным творением, не имевшим корней в местной почве и не создавшим здесь себе прочных связей, а потому погибшим. Уклон точки зрения на петровскую экономическую политику по отношению к Украине своеобразно освещает и интересующий нас вопрос⁶⁶⁾. Тем

⁶⁵⁾ Архив истории труда в России, кн. 1, с. 21—29.

⁶⁶⁾ Зап. Наук. Тов. у Львові, т. 103, стор. 56—59.

более мы обязаны хоть в самых основных чертах наметить общую экономическую обстановку Гетманщины, среди какой довелось жить мануфактуре, и изучить те пути, какими эта мануфактура вторгалась в украинское хозяйство⁶⁷⁾.

Конец XVII и начало XVIII столетия застают украинское народное хозяйство на большом и интересном подъеме, когда сошлись в общей работе торгового обмена—и изголодавшийся за долгие годы Руины без украинского сырья западно-европейский рынок, и несомненно затрудненное долгим отсутствием импорта западно-европейских фабрикатов украинское хозяйство. Развитие торгового капитализма, широкое проникновение денежного хозяйства в самую толщу украинской жизни обуславливало рост крупного землевладения в Гетманщине. Крупновладельческое хозяйство в Гетманщине выступает перед нами во всей своей мощности и силе несколько позже, уже в XVIII веке, но основные элементы его образовались еще в конце XVII века, существенные предпосылки были указаны в гетманства Самойловича и особенно Мазепы. Концентрация крупного землевладения особенно характерна для северной Гетманщины—Стародубовского и Черниговского (отчасти Нежинского) полков. В руках виднейших представителей украинской старшины и мещанства собирается огромное количество земель и промышленных предприятий (млинов, буд, гут, рудень, винниц и др.). Мелкие собственники, не имея возможности противостоят натиску крупного хозяйства, вынуждены продавать или иным способом отчуждать свои земли и предприятия. Экономические возможности Стародубовщины занимают внимание не только местной знати. Представители козацкой старшины южных полков живо интересуются севером Гетманщины. В качестве интересных примеров можно указать скуплю Миклашевских и Ломяковских. Собирателем огромных владений Миклашевских явился Михаил Андреевич Миклашевский, один из виднейших

⁶⁷⁾ В 1922—23 г.г. вышло 3 тома работы проф. Слабченко „Хозяйство Гетманщины в XVII—XVIII столетиях (Одесса 1922, 1922, 1923). К сожалению, мы могли познакомиться с этой работой уже после окончания настоящей книги.

представителей украинской старшины конца XVII в., впоследствии полковник Стародубовский (1689—1704, 1705—1706). Сначала внимание Миклашевского было занято его глуховскими маетностями, которые собраны были им в 70-х и 80-х г.г. Но вот длинный и далеко неполный перечень его приобретений в Стародубовском полку. Став полковником Стародубовским, он покупает четыре мельницы на речках Титве, Росухе и Вабле. 21/V 1691 года эти мельницы были утверждены за ним гетманским универсалом, который предоставлял ему села Каменные Озера (Новгородской сотни) и Нижнее (под Стародубом). 10/VII 1691 года он покупает у козака демянковского Пилипа Палчика млин на р. Ревне, выше с. Демянок, за 300 зол. В ноябре 1693 года он получил гетманский универсал на село Понуровку (Бакланской сотни). 8/III 1693 года Феско Мазуренко, рудник Вепринский, продал ему „половину рудне Вепринское своея власное, зо всем до нее приналежным начинем и двором, до другой половины тое-ж рудне, прислушающей пану Михайлу Миклашевскому, за 600 золотых личбы полское монеты доброй“. 19/VI 1693 года Миклашевский купил у Яска Огеевича, Веремея Ивановича и Федора Мартиновича, товариства полку Стародубовского, сотни Бакланской, „отчину—деревя бортного, лежачого в кгрунте Бакланском, около Росухи и Вабле, у уйсте, на удесищи, прозиваемом Борку“, за 28 коп. 28/VI 1693 года он купил у Юрка Мазуренко, рудника Халеевского, „рудню на реце Королиовци, под Унуковичами лежащую, з млинками, ку ней прислушающими, сеножатми, дворами, огородами“, за 300 талярей. 9/IV 1696 года царская грамота закрепила за ним с. Каменные Озера, Нижнее и Понуровку. В 1704 году за ним числились „в вечистой поссессии“ села Нижнее, Каменка, Понуровка, Демянки, Картушин и слобода Приваловка. Кроме того, он владел селами Левенкой, Соловой, Руховым, Девовкой; поселил с. Истровку, Верхний Млинок, Буду Понуровскую⁶⁸⁾. Вот характерная иллюстрация промышленной деятельности Миклашевского. „Рудню (Вепринскую)—писал

⁶⁸⁾ Модзалевский, Родословник, III, 475—79. См. Лазаревский, Описание, I, 27—34.

впоследствии Андрей Миклашевский—отец мой с означенным рудником Тескомъ Мазуренкомъ 1690 году своимъ коштомъ заводи и построили пополамъ, а потомъ 1693 году тотъ рудникъ Теско Мазуренко мененной руднѣ Вепринской свою половину отцу моему продалъ, в якої руднѣ обѣ части помянутымъ своимъ унѣверсаломъ 1704 году юля 15 дн. гетманъ Мазепа отцу моему конфирмовалъ“⁶⁹⁾. О происхождении деревни Буда старожилы ее рассказывали во время Генерального Следствия: „Буда Новая Михайломъ Миклашевскимъ в его лѣсу, не къ подданической службѣ, але ку поташъному і шмалцужному дѣлу, поселена, и якъ за Михайла Миклашевского, такъ за сына его Андрея Миклашевского, до запретителнихъ указовъ, мы всѣ, жители оной Буда, з найму на той же будѣ поташъ робили“⁷⁰⁾. Реестръ маестностей подъ панами Миклашевскими в Стародубской и прочихъ полку тутейшого сотняхъ обрѣтающихся“, составленный в 1710 году, представляет нам интересную картину хозяйственной предприимчивости Миклашевского. Собираніе земель Миклашевскимъ сильнее всего задевало интересы „міста“. Из шести сел в Стародубовском полку, числившихся в 1710 году за Миклашевскими, три прежде „хожовали до мѣста“ (четвертое было прежде ранговым, пятое принадлежало Самойловичам и Мазепе, и шестое шло на уряд сотницкий и ратушу). Но и помимо этих сел Миклашевский захватывал „мѣские кгрунта“, осаживая на них слободы, строя „футоры“. Слободы Деменку и Зыбкую „якобы ку помочы города оголовивши, осажовалъ небожчикъ на мѣскихъ кгрунтахъ, а якъ осажено тые слободы, отъ того по сее время и потомкы небожчиковские владѣють оными“. Присвоение им войсковыхъ грунтовъ создавало неизбежную угрозу для смежных „мѣскихъ“ земель. Была, однако, некоторая разница в отношении к тем и другим. „Футоръ Березовщину зовомый подъ самымъ городомъ завладѣвши, часть войсковую купивши, а двѣ части мѣскихъ кгрунтовъ

⁶⁹⁾ Генеральное Следствие о маестностяхъ Стародубовского полка (рукопись библиотеки Киевского Университета), л.л. 487—487 об.

⁷⁰⁾ Ibid., л. 484.

при той силомоцю подъ владѣніе свое забралъ, построилъ“. Захват ранговых и войсковых владений, однако, требовал для своей прочности непременної конфирмации жалованной грамотой. Многое и удалось Миклашевскому „вписать в грамоту монаршую“. Зато вполне безопасным был захват земель мелких соседей и особенно „мирских“. Реестр 1710 года сохранил довольно любопытные указания на это. „Нижей того жъ села (Нижнего), на рече Істровце млинъ о двоухъ каменяхъ, а при томъ и жилыхъ чоловѣка коло двадцяти поселилося на кгрунтахъ рубцовскихъ и чупковскихъ; занятемъ тамъ озера и людей поселенемъ, много шкоды в кгрунтахъ сѣнокосныхъ и пахатныхъ учинено чупковцямъ“. Серьезно затрагивала интересы соседей постройка иных промышленных предприятий. „Рудню вепринскую миромъ фундовалъ небожчикъ, при которой теперъ жилыхъ людей найдуется чоловѣка коло двадцяти дворовъ; до того заводу руднянъского отъ села Ущерпя, до мѣста належного, болей нижъ на двѣ тысячи возъ покосу отѣхалъ небожчикъ“. „В сотнѣ Мглинской, где были заводы будные, потужную слободу людьми осадилъ на мирскихъ пожняхъ и великую шкоду посполству учынилъ; осажовалъ ку мирской помощи, а теперъ и потомки его тымъ владѣють“. Много маетностей захватил Миклашевский для своих родичей⁷¹⁾. Так создавалось крупное владение, которое выдвинуло Миклашевских в первые ряды украинской знати.

Едва ли не больший интерес представляет хозяйство Ломиковских в Стародубовском полку. Иван Васильевич Ломиковский, генеральный обозный и один из виднейших мазепинцев, также перемещает в конце XVII века свою хозяйственную деятельность на север Гетманщины. Центром его стародубовских маетностей было село Великая Топаль, доставшееся ему от тестя — ген. писаря Мокриевича и утвержденное за ним гетманским универсалом в 1703 году. 20/X 1703 года Ломиковский купил у топальского сотника Федора Модзолевского за 100 „талярей бытих“

⁷¹⁾ Малороссийский Сборник (рукоп. собрания Лазаревского, № 46, т. 1.), л. л. 114—116.

„третину мельницкую, в млинку посеред Большой Топале будучую, з хатою и огородом“⁷²⁾. 9/XI 1703 года Матвей Андреевич Новиченок, „мельник и житель унуковский“, продал „доброволне а не примушоне“ за 40 золотых Ломиковскому „часть третью мельницкую, непенную нѣкому нѣ в чомъ и не заведеную, доброволнимъ правомъ за сумму певную на вѣчность набытую, в млинѣ унуковскомъ, уезду Стародубовского, в сотнѣ Топалской, на рецѣ Король колодязѣ стоячом, будучую“⁷³⁾. 28/I 1705 Ломиковский купил две мельницких третины в млине Рожаницком при с. Рудне, на р. Снови, в сотне Топальской, у полкового сотника стародубовского Прокопа Силенко за 300 талярей; 5/II 1705 он купил остальные части этого млина за 1000 талярей у Феодосии Леоновны Ивановой Рубцовой и ее детей. 1/II 1707 года он получил гетманский универсал на „селцо малолюдное Внуковичи для помощи и гаченя гребли, тамо зостаючой“. В 1708 году новый универсал Мазепы сообщал о том, что „просил нас п. Иван Ломиковский, обозный Войска Запорожского енералний, позволения на реце Туросне, в сотне Топалской, на власном грунте своем, прозываемом Немченки,—рудню построить и при ней ведлуг потребы рудников посадити; а для помочи всякой работизны, в той рудне отправляючойся, также на своем грунте, у Микиты Иволги, козака и жителя бутовского, в вершине той же речки Туросны купленном, одну слободу, а другую там же близко, у речки, прозываемой Мостки, в грунте немченском построить“; соответствующее разрешение было дано⁷⁴⁾. Сыну его Ив. Ив. Ломиковскому, как своему родственнику, М. А. Миклашевский подарил „греблю з мельницами за Новгородкомъ, под селомъ Маикиномъ... з принадлежностю“⁷⁵⁾. В мемориале, поданном Меншикову Ив. Ив. Ломиковским, после перехода

⁷²⁾ Модзалевский, Родословник, III, 188. См. Лазаревский, Описание, I, 404.

⁷³⁾ Акты Ломиковских (рукопись собрания Лазаревского, № 14. I), л. 70 об.

⁷⁴⁾ Модзалевский, Родословник, III, 188. Акты Ломиковских, л. л. 87—88, 90—91, 56 об.—57, 74 об.; см. *ibid.*, л. 68.

⁷⁵⁾ Акты Ломиковских, л. 39; см. *ibid.*, л. 32.

правительства Мазепы на сторону Швеции, указано было, что „село Топаль, з дворами, винницею и казанами, гребля тамъ же неподаль на рецѣ Сновѣ купленная з мелницами, и вновь еще власнимъ коштомъ строенная, тая жъ гребля, з полями, сѣножатями, лѣсами, отчинею пщольною купленною, и из инними другими грунтами, потребними на гуту и рудню, купленными и принадлежащими до того села угодіями“—находится во владении Саввы Рагузинского ⁷⁶⁾.

Эта сложная и тонкая хозяйственная работа нарушена была катастрофой 1708 года. Сама „шведская инкурсия“, впрочем, не играла решающей роли. Оживление заводской промышленности Гетманщины, в области, главным образом, поташного и отчасти железного и стеклянного производств, бывшее существенным признаком хозяйственного под'ема конца XVII столетия, с началом XVIII века, в связи с тем расстройством международных торговых сношений Восточной Европы, которое сопровождало Северную войну, начинает идти на убыль, и катастрофа 1708 года, в сущности, только подчеркнула этот спад. Сильный удар развитию заводской промышленности был нанесен экономической политикой российского правительства при Петре I. Но крупновладельческое хозяйство, пережив благополучно тяжелый кризис 1708—1721 годов, выходит из него более окрепшим и более устойчивым. Оно возрождается в новых условиях экономической и политической жизни Гетманщины. Экономическая политика петровского правительства, развивавшаяся в условиях тяжелой депрессии Северной войны и обусловленной ею новой международной кон'юнктуры, прежде всего отразившейся на балтийском рынке, шла в безусловном направлении интересов торгового капитала, именно крупной торговой буржуазии. Если современники любили определять экономические лозунги петровского царствования, как *Navigation und Manufactur*, то в этой формуле стройно и консолидационно сочетались интересы двух течений одного и того же потока торгового капитала. Перед лицом этой прямолинейной экономической политики, когда трудно было установить, где кончался

⁷⁶⁾ Ibid., л. 39 об.

указ, а где начиналась пресловутая дубинка, Украина оказалась совершенно беззащитной. Основа украинской и русской экономической жизни в XVIII столетии была одна, сельское хозяйство. Но в то время как продукты украинского хозяйства в течении нескольких веков уже были известны за-границей, проложив туда прочную дорогу, русское сельское хозяйство только начинало прокладывать туда путь. И русский торговый капитализм, свободнее выглянув в прорубленное окно в Европу, должен был обеспокоиться закрытием некоторых дверей, и прежде всего самостоятельной украинской торговли, чтобы избежать вредных для него сквозных ветров. Русская промышленность, молодая и неокрепшая, не могла бы сама соперничать со старой и мощной западно-европейской из-за господства над украинским рынком. Ликвидация украинской торговли властно диктовалась интересами русского купечества. Речь шла о том, чтобы повернуть украинскую торговлю на совершенно новые, незнакомые ей пути. И если в первый период нового направления петровской экономической политики внимание правительства было направлено на регламентацию украинской заграничной торговли, то промышленная горячка, охватившая русский торговый капитал во вторую половину петровского царствования, упала на украинское хозяйство, и в частности промышленность, всей тяжестью интересов и привилегий русской мануфактуры⁷⁷⁾. В первом случае, экономическая политика могла действовать с помощью самых беззастенчивых приемов вне-экономического воздействия. Во втором случае, ее положение было значительно сложнее, тем более, что здесь слишком тесно и запутанно переплетались некоторые специальные интересы. Результаты российской экономической политики были сложны и двойственны. С одной стороны, ими обескровливалась украинская торговля, втянутая теперь в орбиту российской, очевидно, в интересах последней, и прямо и

⁷⁷⁾ Экономическая политика российского правительства по отношению к Украине, главным образом, в области торговли, рассмотрена Джиджорой в его статье „Економічна політика рос. прав. супроти України“ (Зап. Наук. Тов. ім. Шевченка, т.т. 98, 101, 103, 105). См. приложения к настоящей книге, № 12.

косвенно подрывалась украинская промышленность. Запрещение свободного экспорта поташа, смольчуга и селитры ослабляло украинскую поташную и селитренную промышленность. Запрещение ввоза заграничных товаров открывало на Украину дорогу фабрикатам русских мануфактур, и тем самым препятствовало дальнейшему развитию украинской промышленности. С другой стороны, неудовлетворенность украинского хозяйства в западно-европейских фабрикатах, мало смягченная услугами русской фабрики, могла быть серьезным толчком к развитию украинской промышленности. Во второй период петровского царствования правительство оказывает непосредственное воздействие на украинскую промышленность. Главным образом, оно касалось поташного производства. В частности, было запрещено ставить новые буды для добывания поташа⁷⁸⁾. Это запрещение не могло, конечно, искоренить соответствующее производство, которое продолжало существовать и в XIX столетии. Этим как бы даже укреплялось положение старых заводов. Но применялось запрещение шире. Связанное с запрещением вывоза за границу поташа и смольчуга, оно имело очень серьезные результаты. Рассчитанное на широкий масштаб международного рынка, поташное производство теперь замыкается в тесных пределах местного сбыта, обслуживая преимущественно стеклянную промышленность. И даже в этих рамках ему приходится вести борьбу с конкуренцией русского поташа, борьбу, в конце XVIII столетия выигранную последним. Одновременно Петр старается развить на Украине ряд важных отраслей сельско-хозяйственной промышленности. Он проявляет особенную заботливость насчет заведения овчарных и конских заводов—с одной стороны, шелковых и табачных—с другой. Занимая этой работой все население отдельных местностей, он имел в виду создание более дешевых поставщиков необходимого русским мануфактурам сырья⁷⁹⁾, и, повидимому, первоначально в его планы

⁷⁸⁾ Лазаревский, Описание, I, 108; Лет. зан. Арх. Ком., XVII, 182.

⁷⁹⁾ См. П.С.З., № 4532. Украинская шерсть в большом количестве отвозилась в Москву (Дневник Марковича, I, 228; II, изд. 1859 г.,

вовсе не входила организация соответствующих предприятий на Украине. Монополия московских мануфактур не должна была нарушаться. Эта мысль не раз открыто высказывалась в указах российского правительства. Украинскому хозяйству указана была роль чисто колониального хозяйства. Однако, эта последовательная программа осталась почти не выполненной. Даже то слабое развитие мануфактуры, которое мы можем проследить на Украине, свидетельствует о том, что в местном хозяйстве были некоторые благоприятные условия. Промышленные традиции и навыки, выработывавшиеся у населения долгими десятилетиями существования лесной промышленности, освободившиеся за сокращением поташного производства рабочие руки, предпринимательская энергия и накопленные капиталы—все это искало выхода, а природные условия местности и потребности населения и государства указывали этот выход. Это составляло серьезную базу для дальнейшего развития украинской промышленности. С другой стороны, русская промышленность не могла удовлетворить спрос украинского рынка. Связанная казенными заказами, не наладившая еще своей работы, не умевшая еще усовершенствовать свои изделия, она переживает после Петра затяжной кризис.

Колониальное положение Украины было значительно ослаблено широким проникновением сюда русского крупного землевладения, дорогу чему открыла катастрофа 1708 года. Тяга русских владельцев на богатые приволья Украины, обнаружившаяся еще до 1708 года, с особенной силой и легкостью пошла после катастрофы 1708 года. Она столкнулась с угодливостью местной знати—новой козацкой старшины, старавшейся заручиться благосклонностью полтавских победителей; старой козацкой старшины, всячески пытавшейся загладить свои „вины“. И те и другие готовы были поделиться с сильными петербургскими людьми тем добром,

с. 316—17, 319; см. Дневник Марковича, II, изд. 1859 г., с. 235). Шелк, добывавшийся на Киевском казенном шелковом заводе в 1768 году, отправлялся в Москву на шелковые фабрики (Киевский б. Центральный Архив, старые дела из Архива Киевского Губернского Правления, дело о Киевском казенном шелковом заводе). Так смотрело российское правительство на назначение украинского сырья и при Екатерине II (Сб. Р. И. О., т. VII, с. 382—83).

которое они без всякого стеснения присваивали после эмиграции мазепинцев⁸⁰⁾. Огромные земельные владения Меншикова, Долгорукого, Головкина, Толстых, Вейсбаха, Кантакузенов, Кантемиров, Рагузинских и многих крупных и мелких хищников были предшественниками позднейших владений Миниха, Неплюевых, Юсуповых, неизмеримых латифундий Разумовских, Румянцева, Безбородко, пенсий отставных екатерининских фаворитов, командорских имений Павла I. Вслед за крупными хищниками на Украину хлынула волна приобретателей помельче. Огромное меншиковское хозяйство без меры и числа расплодилось, в виде всяких должностных лиц меншиковской экономики. Те доверенные лица, которые посылались крупными владельцами на Украину по тем или иным хозяйственным делам, отлично понимали всю выгоду местного хозяйства и старались осесть здесь. Отставные российские администраторы пытались закрепить за собой те местности, которыми они пользовались по должности; отставные офицеры российской армии ждали себе более или менее щедрых пожалований из украинских „дворов“⁸¹⁾. Эта погоня за украинскими землями в первой половине XVIII столетия характеризовалась двумя родами связанных между собой явлений: неустойчивостью владения и хищническим ведением хозяйства. Достаточно просмотреть переписку „сильных людей“ со Скоропадским, чтобы понять, как легко обменивались украинские имения, как часто они меняли своих владельцев⁸²⁾. Бури дворцовых переворотов губили много карьер и много владений. Новые любимцы получали лакомые куски из конфискованного имущества прежних, чтобы, в свою очередь, иногда даже чересчур скоро, уступить место новым случайным людям. Глядя на Украину, как на колонию, покоренную силой оружия страну, не имея ни желаний, ни умения, ни времени налаживать здесь самостоятельное хозяйство, эти случайные владельцы спешили извлечь из своих новых имений все, что

⁸⁰⁾ О земельной политике российского правительства на Украине в XVIII в.—Мякотин, Очерки социальной истории Малороссии (Русск. Зап., 1915, № 7, с. 132—46; № 8, с. 154—59, 177—80).

⁸¹⁾ Русские Записки, 1915, № 7, с. 128—15.

⁸²⁾ Материалы Судненко, II, *passim*.

только было можно⁸³⁾). Но попадая на Украину, врываясь в местное хозяйство, в местные отношения, русское землевладение не могло ни сохранить своей самостоятельности, ни изолировать себя от целого ряда местных воздействий. Эти латифундии все же были маленькими островками, вокруг которых шумело свое украинское море. Политика русского правительства по отношению к русскому землевладению на Украине была крайне невыдержанной, в иные моменты почти двусмысленной⁸⁴⁾. В целях полицейско-административного характера разбрасывая чересчур щедрой рукой украинское добро по карманам русских бар и чиновного люда, русское правительство учитывало, однако, всю экономическую нежелательность этого явления, и нередко ставило те или иные ограничения развитию русского землевладения на Украине. Российское правительство отчетливо сознавало, что крупное русское землевладение на Украине пробивало солидную брешь в той политике экономической блокады, какую оно применяло к Украине. Маленькие хозяйственные мирки все более входили в окружающий их украинский мир, сохраняя всю свою неприкосновенность для традиционной российской экономической политики, а отчасти сообщая ее и украинскому хозяйству. Если их владельцы мало-мальски обживались или же считали себя достаточно устойчивыми и сильными, они постепенно входили во вкус своего хозяйства, и уже не только выкачивали оттуда сырье, но заводили там предприятия обрабатывающей промышленности. Правда, в значительной своей части, эти мануфактуры, долгое время обслуживая преимущественно казенные нужды, были лишены серьезного экономического значения. Однако, они указывали важный пример, не говоря уже о том, что и сами они со временем должны были бы — и так случилось — проявить больший интерес к местному рынку. Весьма характерно, что четыре основных мануфактуры Гетманщины (перв. полов. XVIII в.) связаны с именами крупных русских землевладельцев на Украине. Льготы, каких удавалось до-

⁸³⁾ Зап. Наук. Тов. у Львові. т. 103, стор. 56—60.

⁸⁴⁾ О юридическом характере русского землевладения на Украине — Мякотин, *op. cit.* (Русск. Зап., 1915, № 7, с. 143—44).

биться некоторым украинским фабрикантам, были теснейшим образом связаны с их личным влиянием и оканчивались с ним. Российское правительство действовало как-то нерешительно, хотя оно само заинтересовано было в правильной работе этих мануфактур. Оно проявляло иногда подозрительное безучастие к их судьбе, но иногда серьезно вмешивалось в их деятельность.

Последовательность российской экономической политики на Украине не была выдержана. Необычайно усложнившиеся нужды государственного хозяйства Империи, особливая тяжесть бесконечных войн требовали величайшего напряжения всех государственных ресурсов, ломали стройные планы кабинетных теоретиков и прожектеров. Восточная политика Империи обращает особое внимание петербургского правительства на Украину, передвигает огромную и сложную военную машину к границам Гетманщины. Русская промышленность была недостаточно еще развита, чтобы удовлетворять все требования Генерального Кригс-Комиссариата. Необходимость организации новых мануфактур и притом поближе к центрам местного сырья, бесспорно, заставила российское правительство поддерживать украинскую мануфактуру. Крупная промышленность Гетманщины первой половины XVIII века тесно связана с военными нуждами Империи. Развитие ее в это время обуславливается ими, жизнь ее подчинена соответствующей регламентации, темп работы создан не хозяйственной сущностью ее, а беспокойной напряженностью военной спешки. Казенный характер украинской мануфактуры, ее возникновение, а нередко и гибель стояли в известной зависимости от военных требований государства, в конечном счете внешней политики Империи. Особое значение имели войны 30-х годов — главным образом русско-турецкая война 1735—39 г. г. Русско-турецкая война 1735—39 г. г., выразившая в яркой и сильной форме черноморские планы Империи, неизбежно должна была затронуть интересы украинской промышленности и украинского хозяйства в целом⁸⁵⁾. Мор-

⁸⁵⁾ О черноморской политике Империи XVIII в. — Уляницкий. Очерки дипломатической истории восточного вопроса. Дарданеллы,

ское и военное ведомства были существенно заинтересованы в расширении деятельности старых предприятий и в организации новых. Оживленное кораблестроение в Брянске, в связи с чем создается там особая экспедиция Адмиралтейства, протягивает свое внимание к парусно-полотняной промышленности Стародубовщины. Морское ведомство, в начале 30-х годов потерявшее было интерес к почеповскому полотну, в 1737 году поднимает вопрос о приписке почеповско-шептаковской мануфактуры к Брянской экспедиции. Однако, российская администрация Гетманщины высказалась против этого проекта. Тем не менее Почеповской мануфактуре пришлось выдержать огромную тяжесть военных заказов. В 1737—39 годах она не успевает исполнять крупные наряды. Полотна поставлялись в Брянск и, вероятно, в Петербург (указ 8/VII 1737). До середины 1737 года в Брянск отпущено было 16000 аршин; в наличности оставалось все же 4110 кусков. Велики были требования и Кригс-Комиссариата. В 1738 году Почеповская мануфактура поставила ему 1348 кусков на сумму свыше 7000 рублей. В конце того же года—новое требование на 600 кусков. В начале 1740 года задолженность Кригс-Комиссариата Генеральной Войсковой Канцелярии, за отпущенные из Почепа полотна, достигла 31552 рублей 33½ коп. Мануфактура, очевидно, напрягала свои силы. Неудивительно, что фабричная администрация и власти Гетманщины весьма неохотно исполняли эти чрезмерные требования. Неизбежная в военных условиях спешность их вряд ли благоприятно отзывалась на мануфактуре. Однако, несомненно, что, выполняя сложные военные заказы, мануфактура должна была расширять свое производство. Парусно-полотняная промышленность была захвачена врасплох. Администрация Гетманщины в 1738 году признавала необходимым устройство новой фабрики в Ропской волости или в раскольничьих слободах. На помощь приходит частная инициатива. Одна

Босфор и Черное море в XVIII веке (Москва 1883); Кочубинский, Граф Андрей Иванович Остерман и раздел Турции. Из истории восточного вопроса. Война пяти лет (1735—39) (Одесса 1899); H. Uebersberger, Russlands Orientpolitik, I (Stuttgart 1913).

Топальская мануфактура, даже расширив свое производство, не могла удовлетворить спрос военного ведомства. В начале 1738 года мы встречаем интересный проект организации парусной фабрики в Стародубовском полку—Семена Лашкевича. Значительное оживление замечаем мы в области суконной промышленности, в которой также серьезно был заинтересован Кригс-Комиссариат. Расширяется деятельность Путивльской мануфактуры⁸⁶⁾. В 1737—38 г.г. возникает Рясковская мануфактура фельдмаршала Миниха, одного из последовательных идеологов русско-турецкой войны и главнокомандующего действующей армией. В короткое время Рясковская мануфактура значительно расширила свое производство. Миних уделял большое внимание своему предприятию⁸⁷⁾. В 1737—38 годах появляется крупный кожевенный завод братьев Артино в Нежине. Помимо „продажи и поставки в армию“, имелись в виду продажа кож в Гетманщине и отпуск их за границу⁸⁸⁾. В связи с военными обстоятельствами времени находилась организация Шостенского порохового завода. Но в 1739 году война закончилась, и промышленность Гетманщины переживает некоторый кризис. Завод Артино и, вероятно, пороховой завод закрываются; Путивльская, Рясковская (и, может быть, Топальская и Почеповская) мануфактуры сокращают свое производство и клонятся к упадку. В это время, вероятно, погибла Ахтырская мануфактура. Ряд задуманных предприятий не был осуществлен. Но кризис не был продолжителен. Середина XVIII столетия отмечена новым оживлением крупного землевладения и крупной промышленности в Гетманщине. Но это начало следующего периода, давшего свои промышленные результаты в иной экономической и политической обстановке, во второй половине и в конце XVIII столетия.

Переходя к историческому обзору мануфактур в Гетманщине, мы можем отметить ряд общих всем им черт.

⁸⁶⁾ См. Сборник военно-исторических материалов. XI, 499.

⁸⁷⁾ Ibid., X, 248; XI, 506; XIII, 95—96, 104—106, 184, 305; см. ibid.. XIII, 49—51.

⁸⁸⁾ Румянцевский Музей, Архив Марковича, № 1362.

Прежде всего, их немного, и они обслуживали две отрасли обрабатывающей промышленности: полотняное (парусно-полотняное) и суконное производства. Почеповская, Шептаковская и Топальская мануфактуры—обслуживали первое; Рясковская и Путивльская—второе. Ахтырская табачная мануфактура, Шостенский пороховой завод и кожевенный завод в Неживе стоят особняком. Все они возникли почти одновременно в первой половине XVIII века и, в большинстве своем, появились после смерти Петра I. Год рождения может быть установлен не для всех. Наиболее старыми были—Ахтырская мануфактура, возникшая не позже 1719 года (вероятно, в этом году⁸⁹⁾), и Путивльская, основанная в 1719 году. Интересно, что самые старые, еще петровского времени, мануфактуры территориально не были связаны с Гетманщиной. Собственно в Гетманщине мануфактуры появляются после Петра, хотя, бесспорно, замысел их был старше. В 1726 году „строены“ Почеповская и Шептаковская мануфактуры; первая, начавшая свою работу в том же году, вероятно несколько старше. В период 1723—1731 г.г., вероятно, в 1730 году, возникла Топальская мануфактура. Шкирмановско-Шостенский завод построен был в 1736 году. Наконец, самая молодая, но зато опередившая почти всех—Рясковская мануфактура появилась в 1737—1738 г.г. Тогда же возник завод Артино. Территориальное распределение их было довольно неравномерно, но зато в большинстве случаев связано было с продукцией соответствующего сырья. Оставляя за пределами Гетманщины Путивльскую и Ахтырскую мануфактуры, мы можем отметить несомненное и более раннее промышленное преобладание северной Гетманщины, имевшее серьезные естественные и исторические основания. Все три парусно-полотняных мануфактуры были расположены в Стародубовском полку, в сотнях Почеповской, Шептаковской и Топальской, будучи тесно связаны с местным конопляным хозяйством. Пороховой и кожевенный заводы находились в Нежинском полку. И лишь одна Рясковская суконная мануфактура была в южной Гетманщине, на территории При-

⁸⁹⁾ Киевская Старина, 1886, сентябрь, с. 179.

луцкого полка (в Иваницкой сотне), и связана была с местным овцеводством и теми овчарными заводами, какие были устроены здесь при Петре. Все эти мануфактуры в первой половине столетия обслуживали почти исключительно потребности казны, и прежде всего армии и флота. Хотя большинство из них было заведено частными владельцами или же долго находилось в аренде частных лиц, но они, за исключением, пожалуй, Топальской и Нежинского завода, работали под строгим контролем правительства, и почти все, рано ли поздно, долго ли коротко, побывали в руках и непосредственном ведении казны. Почти все они очень беспокойно прожили свою молодость в первой половине XVIII столетия, и это отразилось на дальнейшей судьбе их. В начале второй половины столетия в пределах Гетманщины оставались (не считая Шостенского завода) только Топальская да Рясковская мануфактуры, и это почти монопольное положение, в связи с целым рядом других обстоятельств, обеспечило им расцвет на рубеже третьей и последней четверти столетия. Тесная связь с казенными заказами, стеснявшая свободный оборот мануфактур, для некоторых из них была жизненной необходимостью, и когда сокращался правительственный спрос, они хирели. Немногим из них удалось связать себя с местным рынком и тем самым экономически закрепить свое существование. Только две из них (если не считать Шостенского завода), суконные Путивльская и Рясковская мануфактуры, пережили и Гетманщину и XVIII столетие—и продолжали свою деятельность в следующем веке⁹⁰⁾.

II.

Крупная полотняная промышленность в Левобережной Украине была обязана своим возникновением и развитием петровскому строительству российского флота, в связи с военными обстоятельствами того времени. Внимание российского правительства рано должно было направиться на север Гетманщины, где издавна существовало конопляное хозяйство, глав-

⁹⁰⁾ В подобном положении оказалась и Почеповская мануфактура, переведенная в Россию.

ный продукт которого, пенька, исстари в большом количестве вывозился за-границу. Центром этой торговли был Стародуб, многие купцы которого на торговле пенькой нажили себе значительные богатства и, благодаря этому, вышли в первые ряды местной старшинской знати⁹¹⁾. Ряд мероприятий петровского правительства направлен был на то, чтобы прекратить эту экспортную украинскую торговлю. В число запрещенных к вывозу товаров рано попала пенька, и, таким образом, русская торговля освобождалась от опасного конкурента, а русская промышленность получала дешевое сырье. Последовательная линия российской экономической политики была несколько нарушена распространением на Украине русского землевладения. Если вначале русские торгово-промышленные круги, при сильнейшей поддержке и активном участии самого правительства, стремились исключительно вывозить из Украины сырье, в данном случае пеньку, и деятельность компании Меншикова с товарищами явилась лучшей и наиболее беззастенчивой иллюстрацией этого стремления⁹²⁾, то впоследствии, во второй четверти столетия, правительство уже не боится заведения соответствующих промышленных предприятий в самой Гетманщине, в центрах местного конопляного хозяйства. К сожалению, мы мало знаем детали этой эволюции. Но и единичные факты, имеющиеся в нашем распоряжении, рисуют интересную картину. Идея Шептаковской мануфактуры принадлежит, по предположению Лазаревского, самому Петру⁹³⁾. Почеповская мануфактура Меншикова возникает, вероятно, с ведома Петра, представляя собой попытку иной формы эксплуатации местного конопляного хозяйства. А богатейшему откупщику и землевладельцу Гетманщины—Савве Владиславичу—было не занимать стать у Меншикова ни капиталов, ни умения бесцеремонно хозяйничать на Украине.

⁹¹⁾ Лазаревский, Для истории торговли пенькою Стародубья с за-границею в начале XVIII в. (Чтения в Общ. Нестора, кн. XV, в. 1, с. 34—38); Лазаревский, Описание, I, 113—14.

⁹²⁾ Зап. Наук. Тов. ім. Шевченка, т. 103, стор. 56—59.

⁹³⁾ Лазаревский, Описание, I, 136.

Почеповская парусно-полотняная мануфактура, возникшая в имении Меншикова—городе Почепе, была „строена“ в 1726 году⁹⁴⁾, хотя нет сомнения, что мысль о постройке ее значительно старше, да и самые работы по постройке начались, конечно, раньше 1726 года, когда она была уже закончена. Мастеров и инструменты Меншиков вывез из своих подмосковных имений. Строили фабрику почеповские посполитые „по пригону, без найму“, исключая каменные постройки, где нанимались специальные мастера⁹⁵⁾. В конце того же года начали „производиться в дело“ полотна, но их успели выработать немного—всего 16 кусков⁹⁶⁾. Зато в 1727 году работа мануфактуры была развернута шире⁹⁷⁾. Описание мануфактуры, составленное в ноябре 1727 года, изображает ее на полном ходу. Фабрика была расположена за городом, при реке Судости. На берегу находилось „каменное строение“, „в одну линию“. В нем были: мыларня, сушильня, две кладовых палаты и контора, „где содержитца записка всякимъ оной фабрики припасомъ и протчему“. „Деревянное строение“ было гораздо обширнее и составляло главную часть „фабрики“. Оно представляло: 23 светлицы „для работнихъ людей“; избу, „при ней сени да клѣтъ, в которой живутъ столяри да мельникъ“; 8 кладовихъ анбаровъ, где кладетца пенка і припаси, і работаютъ майстеровие и работние люди“; 2 сарая, „в которыхъ кладутца припаси и пряжи вивешиваютца“; кузницу; походный двойной с деревянным выходом погреб. Близ „фабрики“ расположен был вновь построенный двор, где находилась корчма с харчевней. Неподалеку от него—„пенечній дворъ“, где было два „онбара“, а вокруг двора сарай и „сновалня с инструменти“. Кажется, вблизи на-

⁹⁴⁾ Токмаков, *op. cit.*, 109. У Меншикова (в 20-х годах XVIII в.) была парусная фабрика в Московском уезде, на Клязьме (Соловьев. кн. IV, 784).

⁹⁵⁾ Отчет о 32 присуждении наград графа Уварова, с. 123.

⁹⁶⁾ Токмаков, 110.

⁹⁷⁾ „Книга описная маестностямъ городу Почепу и Почепскому уезду, что имеетъ быть князя Меншикова в Почепе“ (Отдел рукописей Библиотеки Киевского Университета, № 247, л.л. 68 об.—71 об.; копия—л.л. 186—92); см. приложения к настоящей книге, № 1.

ходилась „старой пенечной дверь“; повидимому, место, где складывались запасы пеньки, закупаемой Меншиковцами и его контрагентами. С особенной обстоятельностью перечисляет описание 1727 года „іструменты“ и „припасы“. Ткацких берд медных было 90, из них в работе было 48; ткацких станов—101, но работало только 48, т. е. меньше половины. „Здѣланого“ парусного полотна было 459 кусков⁹⁸⁾. За вычетом отсюда 16 кусков продукции 1726 года, получим 443 куска производства 1727 года. Если сравним эту цифру с общим итогом кампании 1727 года—570 кусков⁹⁹⁾ (первоначально предполагалось до 600 кусков¹⁰⁰⁾, то окажется, что за 1½ месяца (половина ноября и декабрь) было выработано 127 кусков, т. е. 22, 3% годового производства, и, стало быть, продукция мануфактуры, незначительная еще в начале 1727 года, к концу его значительно увеличилась. Однако, ей далеко было еще до нормальной полной нагрузки. В 1727 году мануфактура выработала лишь 59, 4% нормы (20 кусков на стан), указанной ее администрацией¹⁰¹⁾. Нагрузка ее составляла тогда 28, 5% нормальной. Подробная опись „завричных“ запасов дает внушительные цифры¹⁰²⁾. Видно было, что мануфактура, в 1727 году работавшая менее нормы и лишь на половинном числе станов, собиралась дальше пойти полным ходом. Надо думать, что этого не вполне удалось еще и в следующем—1728 году. Описание 1727 года производилось уже после того, как Меншиков в сентябре 1727 года попал в опалу, и было вызвано им¹⁰³⁾ 6/X 1727 года последовал указ Верховного Тайного Совета о приписке к дворцовым вотчинам всех украинских имений Меншикова¹⁰⁴⁾, а 20 ноября состоялся указ об опи-

⁹⁸⁾ Книга описная, л. л. 68 об.—71 об.; по см. л. 208 об. (452 куска).

⁹⁹⁾ Токмаков, 110.

¹⁰⁰⁾ Сб. Р.И.О., т. 79, с. 37.

¹⁰¹⁾ Токмаков, 108.

¹⁰²⁾ Книга описная, л. л. 69—74 об.

¹⁰³⁾ Описание имеет дату 18/XI 1727 года (Книга описная, л. 59.)

О падении Меншикова в Глухове узнали в середине сентября (Дневник Марковича, II, 174).

¹⁰⁴⁾ Баранов, II, с. 409, № 2619. См. Дневник Марковича, II, 190 (2/XI 1727).

сани и отобрании в казну всех имений Меншикова¹⁰⁵). Первоначально указано было город Короп и Щептаковскую волость „отписать на его имп. величество, а которіе в Малой Россіи зверхъ того городи и другіе маетности во владѣніи за нимъ княземъ Меншиковымъ есть, тѣ всѣ переписать, сколько въ нихъ дворовъ и всякихъ заводовъ, и до будущаго указу... опредѣленнымъ отъ него (Меншикова) управителямъ владѣть и никакихъ доходовъ на него збирать і писемъ его слушать не велѣтъ“. 9/X 1727 года Коллегія Иностранныхъ Дел предписала резиденту Наумову „опредѣлить к тому... другихъ (управителей) одъ себя“, а также выяснить юридическую природу меншиковского владения и прежнее состояние его маетностей, в частности доходность их до Меншикова и при Меншикове, наконецъ составить обстоятельную опись имущества¹⁰⁶). Исполняя этот указ, Наумов командировал в Почеп „глуховского гварнизону“ подполковника Исая Сухарева¹⁰⁷). С своей стороны гетман назначил в эту комиссію стародубовского полкового писаря Скоруппу¹⁰⁸). Сухареву дана была обстоятельная инструкция (4/XI 1727), где, между прочим, отмечено было (§ 6): „ежели в помянутомъ же городѣ Почепѣ и в селехъ и в деревняхъ у переписи явятца какие манифактури, и во отправленіи тѣхъ манифактуръ не останавливать, и в расходъ денги на что будетъ потребно держать, записывая имянно ис техъ, ис которыхъ прежде сего держивались безъ излишества помянутому опредѣленному управителю“ (прапорщику Федору Воронову)¹⁰⁹). В середине ноября комиссія начала свою работу, и результатомъ ее явилось, между про-

¹⁰⁵) Баранов, II, с. 119—120, № 2728.

¹⁰⁶) „Почеп при Меншикове“, л. 12—12 об. Копія указа 9/X 1727 г. — в: Малоросс. Сборнике из собрания Лазаревского, № 46, т. I, л. 289—289 об.

¹⁰⁷) „Почеп при Меншикове“, л. 54. Исай Ивайович Сухарев, подполковник и член Малороссийской Коллегии (Киев. Стар., 1898, XI, с. 139), знакомъ был почеповцамъ еще со времени лосевскаго межевания (Лазаревскій, Описание, I, 282).

¹⁰⁸) „Почеп при Меншикове“, л. 13 (письмо гетмана Скоруппе от 9/XI 1727). См. письмо гетмана Скоруппе от 23/XI 1727 (ibid., л. 14).

¹⁰⁹) Ibid; л.л. 54—56.

чим, Описание мануфактуры 1727 года¹¹⁰⁾. 12/XII было указано о приписке к дворцовым волостям имений Меншикова в разных губерниях и провинциях¹¹¹⁾, а 31/I следующего года указом Верховного Тайного Совета велено было все украинские маестности Меншикова ведать и собирать доходы с них тайному советнику Наумову¹¹²⁾. Эти несколько месяцев не могли, разумеется, благоприятствовать налаженнию фабричной работы, хотя по инерции она продолжала расширяться. Продукция 1728 года составила 864 куска¹¹³⁾, т. е. достигла только 43,2% полной нагрузки при нормальной работе. Переход мануфактуры в казну ставил на очередь ряд вопросов, которые были разрешены не сразу. Прежде всего встал вопрос об управлении мануфактурой. Ближе всего было поручить надзор за ней местной администрации. Однако, на практике еще в 30-х годах продолжала существовать некоторая двойственность в этом отношении. Ближайший, местный надзор принадлежал российским правителям Гетманщины, но без утверждения высших инстанций в Петербурге или Москве они ничего не могли решать¹¹⁴⁾. Это должно было неблагоприятно отразиться на судьбе мануфактуры, и только умелое хозяйничанье и „тщательной труд“ почеповского управителя еще со времен Меншикова—Гаврила Никифоровича Лукина¹¹⁵⁾ дали ей возможность сравнительно успешно выполнять казенные заказы. В 1728 году (вероятно, в конце года) указом Верховного Тайного Совета велено было „из малороссийских Меншикова маестностей припасы, в том числе парусные полотна, отправлять в С.-Петербург, в Адмиралтейство и за те припасы брать из Адмиралтейства деньги по подрядной цене“. На основании этого указа в следующем (1729) году из Почепна было „отпущено и отдано“ в Адмиралтейство из полотен фабрикации 1726—1728 г.г. 1413 кусков (37 кусков „в

110) Сб. Р. И. О., т. 79, с. 37.

111) Баранов. II, 122. № 2752. 7/III 1728 года Коллегия Ин. Дел послала указ Наумову (копия—в Малоросс. Сборнике из собрания Лазаревского, № 46, т. I, л. 290—290 об.).

112) Сб. Р. И. О., т. 79, с. 63.

113) Токмаков, 110.

114) Ibid., 101—109.

115) Полное имя его приводит Ханенко (Дневник, 31).

отпуск не отпущено“). Повидимому, эти полотна не пускались в продажу, залеживаясь на складах мануфактуры. Провоз этих припасов от Почепа до Петербурга стоил 22 коп. с пуда. В том же 1729 году Адмиралтейств-Коллегия объявила цену на эти полотна в 4 рубля кусок¹¹⁶⁾. Тогда же Коллегия Иностранных Дел затребовала у генерал-майора князя Шаховского, управлявшего Гетманщиной, „ведомостей“ о состоянии меншиковских маетностей на Украине. Ведомости и были присланы ей „при доношении“ от 24/II 1730 года. К этому Шаховской приложил „доношение“ „Почеповской мануфактуры надсмотрщика“ Лукина от 31/X 1729 г., где тот писал, „что на Почеповской фабрике за смотрением его како ткачевских станов, тако и работных людей пред прежним примножилось“¹¹⁷⁾. Продукция Почеповской мануфактуры в 1729 году составляла не менее 1320 кусков¹¹⁸⁾, превысив более, чем на 50% продукцию 1728 года и почти на 150% производство 1727 года. К концу 1729 года на Почеповской мануфактуре действовал 71 „ткачевский“ стан¹¹⁹⁾. Продукция ее составляла 92,9% нормы; работа ее велась при 66% полной нагрузки. „При той фабрике — говорит Описание 1727 года — „майстеровихъ і работнихъ людей мужеска и женска полу великороссійскихъ і малороссійскихъ двѣстѣ двадцать одинъ человекъ“¹²⁰⁾.

¹¹⁶⁾ Токмаков, 112.

¹¹⁷⁾ Токмаков, 105.

¹¹⁸⁾ Токмаков, 111, если считать, что все производство этого года было поставлено в казну в 1730 году.

¹¹⁹⁾ Токмаков, 109.

¹²⁰⁾ Книга описная, л. 71. Есть указание на покупку Меншиковым у разных русских помещиков „великороссійскихъ людей“ для его украинских волостей (П. С. З., XII, № 9131, с. 351). „Да разнихъ годовъ великороссійскіе помещикі продали князю Меншікову в бѣгахъ крепостнихъ своихъ крестьянъ мужеска и женска полу... а живутъ оніе скупленіе в городе Почепе и в селѣхъ и деревнѣхъ, к тому городу присутствующіхъ, в разнихъ мѣстехъ“. Продавали своих крестьян, главным образом, брянские помещики и смоленская шляхта; кроме того, упоминаются в качестве продавцов помещики трубчевские, карачевские, болховские, козельские, мешковские, вяземские, рославльские и даже торопецкие и великолукские. Число „скупленных“, по официальным данным, — несколько сот душ. Ранние известия о скупле — 1717 года; позднейшие — 1727 года („Почеп при Меншикове“, л. л. 242—278 об.). См. П. С. З. X, № 7451, с. 364.

Позднее, к концу 1729 года, судя по доношению Лукина, это число возросло¹²¹). Местная администрация, видимо, была серьезно озабочена тем, „чтоб ткачевских станов и в полотнах доброту примножить“¹²²). Определенный Наумовым в качестве „надсмотрщика“ Почеповской мануфактуры, „бывшей почепской управитель“ Гаврило Лукин сделал свое дело. Утвержденный в этой должности Коллегией Иностранных Дел в 1730 году¹²³), пользуясь, вероятно, поддержкой Шаховского, он представил большой план расширения мануфактуры. В поданном Шаховскому доношении от 15/VII 1731 года, когда им была уже закончена нелегкая задача перевода Шептаковской мануфактуры в Почеп, Лукин отмечал, что „находится он... управителем, и по своей силе и возможности при оном деле старание и смотрение имеет к произведению во всех работах в лутчую и прибыльнейшую доброту... Он неотложна намерен... учинить 100 станов, и на оных можно без нужды зделать в год хотя 2000 кусков“. С цифрами в руках Лукин доказывал свое „смотрение“ и в деле улучшения качества парусных полотен, и в непосредственном приращении казенных доходов¹²⁴). Сообщая об этом 17/VII 1731 года в Коллегию Иностранных Дел, Шаховской писал, что, по его мнению, „за показанные оного Лукина при той фабрике труды и за произведение оных полотен в лутчую доброту, бывшего Шептаковской фабрики управителя Павлова жалованье ему, Лукину, определить и давать надлежит“¹²⁵), о чем просил Лукин в своем доношении. Лукин заботился и о расширении сбыта изделий мануфактуры, что стало возможным в 30-х годах XVIII в. Очень интересны в этом отношении „наказ“ и „мемориал“ 24/XII 1732 года „почепской парусной фабрики управителя Гаврила Лукина“ почепов-

¹²¹) Токмаков, 105.

¹²²) Токмаков, 104.

¹²³) Ibid., 106, 104.

¹²⁴) Ibid., 108—109. В 1720 году Гаврило Лукин был служителем „дошу его светлости“ (Меншикова), находился „при его светлости“ и „обретался“ в „походе“ 1720 года на Украину (Лазаревский, Очерки, II, 143); числился одним из меншиковских приказчиков в 1725 году (Токмаков, 89). О нем — Токмаков, 91.

¹²⁵) Токмаков, 107.

скому мещанину Алексею Шлотмину и подмастерью Петру Сергееву¹²⁶). Неизвестно, когда кончилось „смотрение“ Лукина, но, конечно, название его „бывшим управителем почеповским“ в дневнике Ханенко под 12/1 1732 г. относится к его управлению почеповской волостью при Меншикове¹²⁷). Он был управителем мануфактуры еще в 1737 году¹²⁸). В 1730 году Шаховскому указано было „в бывших малороссийских Меншикова маетностях о управителях, служителях, канцеляристах, копистах, надсмотрщиках и иных чиновных и работных всякого звания людях... о тех всех чинах и о годовых им дачах определить ему, генералу-маеору, рассматривая всех тех людей и их дела, и труды, и всем ли им быть надлежит, и по тому своему рассмотрению те дачи им и производить“. Еще раньше, в инструкции Шаховскому велено было „те малороссийские Меншикова города и маетности ведать ему и иметь в добром смотре, и как же в тех городах и маетностях как при владении Меншикова и при бытности тайного советника Наумова денежные и хлебные и прочие сборы и всякие доходы збираны были, також и имеющие всякие заводы содержаны, содержать непременно по прежнему, усматривая еще, что из того сделать лучше“¹²⁹). На основании этого указа возникла целая переписка по поводу вознаграждения почеповского управителя Лукина, который имел основания быть недовольным оплатой своего труда. В тридцатых годах несомненно произошел некоторый перелом в развитии мануфактуры. Установить точную дату его трудно, так как сведения наши о Почеповской мануфактуре в 30-х и 40-х годах скудны и случайны. Отдельные указания, имеющихся в нашем распоряжении источников не создают картины. Но они ценны, как единственный материал. В начале 30-х годов, предположительно не позже 1732 года, Почеповская мануфактура освобождается от исключительных поставок на Адмиралтейство¹³⁰). Несколько позже, вероятно,

¹²⁶) Токмаков, 112—14.

¹²⁷) Дневник Ханенко, 34.

¹²⁸) Румянцевский Музей, Архив Марковича, № 3387.

¹²⁹) Токмаков, 107.

¹³⁰) Токмаков, 112—14.

после смерти Апостола, она переходит в ведение Генеральной Войсковой Канцелярии¹³¹⁾, хотя компетенцию глуховских властей в этом отношении трудно разграничить. Вероятно, тогда же Почеповская мануфактура оказалась в „команде“ почеповского коменданта¹³²⁾. Производство ее, видимо, расширялось. Война 1735—39 годов серьезно отразилась на деятельности мануфактуры. Военные власти проявляют к ней исключительный интерес. Морское ведомство пыталось вернуть мануфактуру в свое распоряжение. Это находилось в связи с усиленной деятельностью Адмиралтейства в Брянске¹³³⁾. В начале 1737 года указано было взять „на строящихся здесь (в Брянске) суда с казенной фабрики парусныхъ полотень 16000 аршин“. Почеповская администрация чинила некоторые препятствия¹³⁴⁾, вероятно, ввиду трудности поставить мануфактуру на военную ногу. Тогда в середине 1737 года ведавший Брянской экспедицией Адмиралтейства контр-адмирал В. А. Дмитриев-Мамонов поднял вопрос о необходимости приписать Почеповскую и Шептаковскую (бывшую) фабрики к экспедиции, нужды которой должны были обслуживать эти мануфактуры. Указ 8/VII 1737 года запрашивал тогдашнего правителя Гетманщины князя Барятинского, „возможно ли оные фабрики к Адмиралтейству отдать, и не будут ли оттого какие несходства“. Указ интересовался, „сколько на тех фабриках, за отпуском к Брянскому адмиралтейству, парусных полотен и готовой, купленной и сборной, пеньки на лицо, и что к тому до предбудущего марта месяца еще в готовности быть имеет“. Указ предписывал „также и о состоянии тех фабрик в Кабинет наш прислать репорт, а ныне все готовые парусные полотна велеть тотчас отправить в С.-Петербург“¹³⁵⁾. Ответ Барятинского от 11/VII высказался против передачи фабрик Брянской экспедиции. Барятинский ука-

¹³¹⁾ Сб. Р.И.О., т. 138, с. 63.

¹³²⁾ Сб. Р.И.О., т. 117, с. 173.

¹³³⁾ См. История русской армии и флота (изд. „Образование“), вып. 8, с. 22—28; Материалы для истории русского флота, вып. VI, *passim*; Сборник военно-исторических материалов, т. т. X, XI, XIII, *passim*.

¹³⁴⁾ Румянцевский Музей, Архив Марковича, № 3387.

¹³⁵⁾ Сб. Р.И.О., т. 117, с. 352—53; Баранов, II, 477, № 6051.

зывает, что Почеповскую мануфактуру „поныне в команде имеет почепский комендант, и пенка и прочее все, что к делу полотен принадлежит, приготавливают и всякое строение строят и починивают отписные подданные безденежно, а ежели быть той фабрике в особливой команде, то может быть излишний расход и в истинной цене пред нынешним повышение и за неимением денежной казны, в деле полотен остановка“. Указ 26/VII 1737 года оставил Почеповскую мануфактуру при прежнем управлении, под его командою. Барятинскому предписано было „час от часу умножать и станов прибавливать и в таком лучшее состояние приводить, чтоб впредь можно полотен делать в год против нынешнего с прибавкою“. До середины 1737 года Брянскому адмиралтейству было отпущено 16000 аршин; на лицо оказалось 4110 кусков. В том же году новые военные заказы коснулись и Почеповской мануфактуры. По распоряжению фельдмаршала Миниха, оставшееся полотно должно было быть употреблено на выделку солдатских палаток, „сколько возможно“. Указом 26/VII 1737 года это распоряжение было утверждено, с тем чтобы Барятинский прислал „исправную ведомость, сколько тех палаток будет сделано, и в какую цену каждая придет, как по домашней, по какой на фабрике становятся, так и по продажной тех полотен цене“¹³⁶⁾. 22/X Барятинский доносил в Кабинет о ходе этой работы, — выделано было 1543 палатки, причем сообщал о своей предположенной поездке в Почеп для осмотра мануфактуры. Указом 27/X 1737 года Генеральная Войсковая Канцелярия предписывала организовать почту для этой поездки¹³⁷⁾. Доношение Барятинского с приложенной ведомостью, снабженной исторической справкою касательно обеих мануфактур, Кабинет сообщил „для надлежащего известия“ в Военную Коллегию, которой предложено было послать образец палатки. Указ 6/XI 1737 года предписывал Барятинскому „строение оных (палаток) продолжать со всяким прилежанием“ и немедленно уведомить Кабинет о том, сколько палаток

¹³⁶⁾ Сб. Р.И.О., т. 117, с. 173.

¹³⁷⁾ Рум. Муз., Арх. Марковича, № 3170.

предполагается изготовить „через зиму тамо, в Украйне“, и о примерной стоимости одной палатки. Поездка в Полеп была апробована; об осмотре мануфактуры Барятинский должен был представить обстоятельный „репорт“¹³⁹⁾. 19/XI Барятинский сообщил, что он не получил „образцов, по которым те палатки строить“. Указ 20/XII, объясняя это упущением Военной Коллегии, предлагал Барятинскому „палатки... из взятого с Почепской фабрики полотна, по прежним... указам, строить и к отправлению в полки готовить со всевозможным поспешением, чтоб оные до выступления полков с зимтер-квартир к армии привезены и по полкам розданы быть могли“¹⁴⁰⁾. В тот же день было подтверждено Военной Коллегии прежнее распоряжение о посылке образцовой палатки. Коллегия определила „для строения палаток“, которое производилось в Переводочне, послать Барятинскому из Московской конторы Военной Коллегии образцовую палатку, о чем Коллегия доносила в КабINET¹⁴¹⁾. Дело затянулось. 26/III 1738 года генерал-кригс-комиссар князь Трубечкой писал Румянцеву относительно сооружения солдатских палаток, прося его сообщить точное количество заготовленного на украинских фабриках полотна¹⁴²⁾. В ответ Румянцев уведомил Трубечкого, что в Гетманщине заготовлено более 40000 аршин¹⁴³⁾; Трубечкой в письме к Румянцеву от 17/IV того же года указывал на то, что по этому поводу Кригс-Комиссариат неоднократно, но безуспешно обращался в Генеральную Войсковую Канцелярию, как кн. Барятинскому и к самому Румянцеву¹⁴⁴⁾. Между тем Миних торопил Трубечкого, 29/IV Трубечкой извещал Румянцева о том, что Миних приказал „тотчас к вам послать для требования и скорейшаго сюда привозу“

139) Сб. Р.И.О., т. 117, с. 661; Опись Сев. Архива, отд. I, т. 4, ч. 1, с. 913, № 5518. См. П. С. Р., X, № 7491, с. 364.

139) Сб. Р.И.О., т. 117, с. 735; Опись Сенатского Архива, отд. I, т. 3, ч. 1, с. 959, № 5671.
140) Сб. Р.И.О., т. 117, с. 733; Опись Сенатского Архива, отд. I, т. 3, ч. 1, с. 959, № 5671.

141) Румянцевский Музей, Архив Марковича, № 5296. См. *ibid.*, № 5300.

142) Рум. Музей, Арх. Марк. № 5295.

143) Рум. Музей, Арх. Марк., № 5291.

этого полотна с почепской фабрики и из других мест, сколько еще где готового есть, надежного офицера". С этой целью отправлен был капитан Кусаков, в содействии которому Трубецкой просил Румянцева¹⁴⁴). Изготовленные палатки были разделены между Почепом, Янполем и Переволочной¹⁴⁵). Весной того же 1738 года на Почеповскую мануфактуру была возложена обязанность поставить поштотю также для шитья 10000 солдатских кафтанов и сертуков¹⁴⁶). 17/VII Кригс-Комисариат просил Генеральную Войсковую Канцелярию учинить немедленное описание сколько ныне имется как в Почепской и прочих всех, состоящих в Малой Росии, фабриках, на лицо приуготовленного парусинного полотна, и заложено поставовъ для приуготовления на сколько аршиновъ. Генеральная Войсковая Канцелярия должна была предложить фабрикантам «оное заложеное на поставвахъ поштотю и впредь... делать со всякимъ крайнимъ послешениемъ» и запретить продажу на вольном рынке начатой продукции, пока не будет обеспечено «строение вышеозначенного мундира». Надо было также отправить в дейхгаузы наличные запасы фабричного полотна¹⁴⁶). К октябрю, кажется, была выполнена половина наряда. 13/X Миних предложил Трубецкому «изъ зделанныхъ по силѣ имянного ея императорского величества указу ис парусинного полотна готовыхъ сертуковъ пять тысячъ да (полотна съ надлежащимъ числомъ, красного подбою и пуговиць отдать на ланцилицкые полки, заплатя денги ис комиссариатской сумми». 22/X Трубецкой «писменно» объявил Румянцеву о распоряжении Миниха¹⁴⁷). До октября 1738 года было взято на Почеповской мануфактуре капитаном Кусаковым 900 кусков, мерою 44817 аршин, ценою в 4818 р. 35 к. и «ундер-офицером» Савиновым — 448 кусков, мерою в 2222 1/2 аршин, ценою в 2398 р. 48 к.¹⁴⁸) из

¹⁴⁴) Рум. Музей, Арх. Марк., № 5295.

¹⁴⁵) Рум. Музей, Арх. Марк., № 5294.

¹⁴⁶) Указ 13/VII 1738 года (Рум. Музей, Арх. Марковича) № 1361; см. в приложениях к настоящей книге, № 3). См. Сборникъ военно-историч. материалов, XI, 328, 386, 367; XIII, 50-54.

¹⁴⁷) Рум. Муз., Арх. Марк., № 1362; см. в приложениях к наст. книге № 4.

¹⁴⁸) Рум. Муз., Арх. Марк., № 1360; см. в приложениях к наст. книге, № 6.

которого и были сделаны „оние сертуки“ (5000)¹⁴⁹⁾. Полотно доставлялось в Переволочну и Лубны¹⁵⁰⁾. 25/XI Комиссариат вторично извещал Генеральную Войсковую Канцелярию о распоряжении Миниха. Предположено было использовать об'явленное гр. Владиславичем количество готового парусного полотна на его „фабричном заводе“—700 кусков, мерою 35175 аршин, ценою 4998 рублей¹⁵¹⁾. Кроме того, Миних приказал взять на Почеповской мануфактуре 29306 аршин, о чем Трубецкой известил Генеральную Войсковую Канцелярию и послал „на заплату на то (взятое ранее) полотно“ с капитаном Курского ландмилицкого полка Владыкиным 12281 р. 49 к. Однако, дело, „за нескоримъ в той Канцелярии отправлениемъ“, затянулось, и в апреле 1739 года Румянцев выговаривал Ген. Войск. Канц., что „и понынѣ в привозе того полотна не имеется“. И Комиссариат, и Румянцев были обеспокоены этой задержкой, о причинах которой Румянцев запрашивал Ген. Войск. Канцелярию, угрожая ей „за такое нерадѣтельное по нынѣшнимъ обращениямъ в делихъ своихъ отправление“ законной ответственностью. Оказалось, что Владыкин прибыл в Глухов еще 4/I и тогда же расплатился за полотно, взятое ранее Кусаковым и Савиновым. 24/I с остальными деньгами (4924 р. 50 к.) Владыкин был отправлен к Гаврилу Владиславичу. Однако, выполнить поручение до конца он не мог, ввиду некоторых технических затруднений и недостачи денег¹⁵²⁾, о чем 18/III и Владыкин, и Владиславич сообщали в Генеральную Войсковую Канцелярию. В свою очередь, последняя известила Комиссариат. „А чтобъ з Почеповской фабрики—писала Ген. Войск. Канц. Румянцеву—вновь парусинное полотно, кромѣ вишеобъявленного, куда отправлять, о томъ ниоткуда требования в Енералную Войсковую Канцелярию и доселѣ не было“¹⁵³⁾. Почеповской мануфак-

¹⁴⁹⁾ Рум. Муз., Арх. Марк., № 1373.

¹⁵⁰⁾ Сб. военно-истор. матер., XI, 443 (рапорт Трубецкого от 15/IX 1738).

¹⁵¹⁾ Рум. Муз., Арх. Марк., № 1352.

¹⁵²⁾ Рум. Муз., Арх. Марк., № 1383.

¹⁵³⁾ Рум. Муз., Арх. Марк., № 1360. См. Рум. Муз., Арх. Марк., №№ 1351, 1350 (см. в приложениях к настоящей книге, № 5).

туре приходилось, очевидно, напрягать свои силы, чтобы исполнять эти сложные и непрерывные военные заказы. В конце января 1740 года Румянцев рапортовал в Кабинет о том, что Генеральная Войсковая Канцелярия имеет долгу на Кригс-Комиссариате, за отпущенные с Почеповской мануфактуры полотна, 31552 р. 33 $\frac{1}{2}$ к. Кабинет указал Румянцеву „о надлежащих за полотна деньгах иметь счет с походным комиссариатом“¹⁵⁴). Тогда же произошло назначение нового управителя. Именным указом генералу Кейту 13/I 1741 г. придворный лакей Андрей Акимович Ратманов был определен управителем Почеповской парусной фабрики с производством его в прапорщики¹⁵⁵). Он недолго управлял мануфактурой. 20/IV 1744 года он был произведен в капитаны и назначен управителем дворцового села Покровского¹⁵⁶). В 40-х годах фабрика принимает участие в казенной торговле полотном на вольном (отчасти на за-граничном) рынке и в других казенных операциях. В 1743 году с „казенной Почепской фабрики“ продано было купцу Тиммерману 6500 кусков по 4 р. 31 к. кусок¹⁵⁷). Мы не знаем, была ли это цифра годового производства или же запасы нескольких лет. В 1747 году велено было „малороссиянам, поставлявшим в прошлые годы провиант и фураж в военные магазины“, ввиду недостатка денег, уплатить парусными полотнами с казенной Почепской фабрики¹⁵⁸). В 1746 году по указу Сената было велено Коммерц-Коллегии принять для продажи сделанные на Почеповской мануфактуре полотна, в количестве до 4338 кусков¹⁵⁹). Приведенные цифры свидетельствуют о расширении продукции мануфактуры. Но вряд ли положение ее дел удовлетворяло казну. Сказывалась невыгодность казенного предприятия. Наконец, указом 5/VI

¹⁵⁴) Сб. Р.И.О., т. 138, с. 63—64.

¹⁵⁵) Баранов, III, 22, № 8150. 16/XI 1741 года Сенат указал, по доношению Ген. Войск. Канц., Коммерц-Коллегии выяснить вопрос о возможности вывоза почеповского полотна за-границу (Сен. Арх., V, 180).

¹⁵⁶) Баранов, III, 146, № 9231. О нем см. Дневник Хавенко, 406, 407.

¹⁵⁷) Соловьев, кн. V, с. 208. (2/IX. 1743). Это было ниже продажной цены того времени. В 1748 году кусок полотна продавался в Почепе по 6 рублей (Дневник Марковича, II, изд. 1859 г., с. 262).

¹⁵⁸) Кайданов, с. 147.

¹⁵⁹) Соловьев, кн. V, с. 453 (15/XII 1746).

1750 года, отдававшим Почеповскую волость гетману Разумовскому, повелено было „из горьда Почепал. полотняную фабрику, отискав на то как наискорее удобные места, в нынешнее лето заблаговременно вывести и потребные в том распоряжении учинить“¹⁶⁰⁾. Соответствующий сенатский указ был послан в Мануфактур-контору¹⁶¹⁾. Тогда нашлся человек, заявивший о желании взять мануфактуру в свое содержание. Это был „города Брянска гостинной сотни купец Тихон Григорьевич Чамов, крупный поставщик провианта в „казенные магазейны“, ведший значительные торговые операции с заграницей через Ригу и Петербург, человек, хорошо знакомый украинской старшине и, кажется, породнившийся с одной из стародубовских старшинских фамилий“¹⁶²⁾.

Чамов просил „отдать ему в вѣчное потомственное владѣніе“ Почеповскую мануфактуру, обещая вывести ее „на вновь обисканные впредь имъ мѣста, своимъ ноштомъ“. 31/VII 1750 Сенат постановил „вишеписанную... казенную полотняную фабрику... отдать... просителю Чамову в вѣчное потомственное владѣніе“, со всеми наличными материалами, припасами, инструментами, мастеровыми и работными людьми „россійского народа... окромъ тамошнихъ малоросійскихъ обивателей и пришлыхъ безъ пашпортовъ“. Мануфактур-конторе предписано было послать в Почеп „для описъ и отдачи той фабрики“ нарочного из канцелярскихъ служителей, „на коштъ его, Чамова“. Чамов обязался „насколко отдано будетъ, толикое число денегъ заплатить... в Манифактуръ-кантору“ в течении пяти лет со дня передачи ему мануфактуры. „В нынешнее лѣто“ он

¹⁶⁰⁾ П.С.З., XIII, № 9758, с. 281. См. Дневник Марковича, II, изд. 1859 г., с. 284; Симоновский, Краткое Описание, 155.

¹⁶¹⁾ Чулков, Описание, т. VI, кн. 3, с. 400.

¹⁶²⁾ О нем неоднократно упоминает в своем Дневнике Ханенко, поручения которого исполнял Чамов в Риге, Петербурге и на Украине (с. 298, 304, 308, 334, 340, 314—316, 348—349, 379). В Дневнике есть неясное указание на то, что Т. Г. Чамов был шурином значкового товарища Осипа Дмитриевича Рославца (ib., 308). Однако, Модзалевский не говорит об этом ничего (Родословник, IV, 352). О Чамове—Чулков, ор. cit., т. VI, кн. 3, с. 400; Труды Орловской Архивной Комиссии, 1890, I, с. 24.

должен был вывести фабрику „в великоросійскіе города“. Ему дозволялось „в великоросійскихъ городѣхъ, гдѣ онъ, Чамовъ, проискать можетъ, купить поводною ценою принадлежащую землю и въ введенію той фабрики деревню со крестьяни мужеска полу до 300 душъ“. Рассматривая предприятие Чамова, как вновь заведенное, Сенат приказал „отъ гражданскихъ служебъ его, Чамова, прикащики уволить, такожъ и в домѣ его, Чамова, гдѣ онія фабрики дѣйствительно производятся будутъ, постою не ставить“. Необходимые для фабрики материалы, припасы и инструменты Чамов мог покупать „вездѣ безъ всякаго препятія“. Мануфактур-Коллегія должна была ведать „судить и росправою (кромя государственныхъ и кремниальныхъ дѣлъ)“ самого Чамова и приказчиковъ его, „которые при тѣхъ его фабрикахъ дѣйствительно и не болше пяти человекъ находятся будутъ“. Чамову разрешено было „при той полотняной фабрики завести и бумажную фабрику“. Парусные полотна не были отданы ему¹⁶³⁾. Вероятно, в связи с указом 5/VI 1750 и сенатским постановлением 31/VII 1750, Мануфактур-Коллегія запросила Генеральную Войсковую Канцелярію о Почеповской фабрике, „чїя она, назенная ль, или партикулярная, и о прочемъ... и чтобъ оную фабрику вывести немедленно в удобное место, и куда введена будетъ, репортовать“¹⁶⁴⁾. Однако, перевод мануфактуры затянулся. 8/IX Чамов просил гетмана, „чтобъ оную его полотняную фабрику, пока онъ пристойное для той своей фабрики в Великороссїи проищетъ мѣсто и потребнымъ в тому строеніемъ исправится, в том же городѣ Почепѣ, гдѣ она нынѣ есть, повволить ему содержать“. Видимо, Разумовскому не хотелось выпускать из своихъ маестностей крупное и налаженное предприятие. С Чамовымъ былъ заключенъ договоръ, по которому дозволялось ему в теченїи года „тую полотняную фабрику на томъ же мѣстѣ, гдѣ она нынѣ есть, и с толчеею, к той фабрике подлежащею, содержать“. Чамовъ мог жить „в том дворѣ, где прежние той ж фабрики управители жили“. Взамен

¹⁶³⁾ Журналъ делопроизводства гетманской канцелярїи 1750 года, л. 218—214 об. (рукопись собрания Лазаревскаго, № 19, т. 3); см. в приложенияхъ к настоящей книгѣ, № 7. Чулковъ, т. VI, кн. 3, с. 401.

¹⁶⁴⁾ Журналъ, л. 78. См. *ibid.*, л. 5.

он обязался по истечении года внести в гетманский скарб 250 рублей¹⁶⁵⁾. За день до этого предусмотрительный Чамов ссудил гетману (в Петербурге) три тысячи рублей, которые должны были быть возвращены ему на Украине¹⁶⁶⁾. Но дальше возникли некоторые недоразумения. Присланный из Мануфактур-Коллегии „для описѣ имѣющейся в городѣ Почепѣ парусной фабрики и отдачи оной со всѣмъ, что есть, с матеріяли и припаси, кромѣ здѣланнихъ паруснихъ полотень“, Чамову — „юнкер“ Яков Чириков встретил препятствия со стороны почеповского управителя, значкового товарища Ивана Зубрицкого, который „в отдачу всего требуемого им (Чириковым) не попустилъ“. Генеральная Войсковая Канцелярия, с некоторыми оговорками, приняла сторону Чирикова. Гетман, повидимому, не согласился вполне с мнением Генеральной Войсковой Канцелярии. Утверждая, что „к показанной фабрике ничего болшъ не принадлежитъ, какъ толко единые инструменты, к дѣланію паруснихъ полотень служащіе“, он приказал передать Чирикову только „оную... фабрику и всѣ к ней принадлежащіе инструмента, яко то жомы, кадкы, веси, казаны, топоры, корита, пилы, ткацкіе станы, берда, ступы, стругы и другіе тому подобніе в мильярнѣ, в сушильнѣ, в казенной палатѣ, в токарнѣ, в погребѣ, в кузницы, в шлихътоварнѣ, в столярнѣ, в сновальнѣ, в чесальнѣ, в толчеи и в протчихъ у той фабрики мѣстахъ имѣющіеся такіе жъ вещи“. Припасы и материалы должны были остаться за Почеповской экономией¹⁶⁷⁾. Это несколько осложнило дело. Чамов просил Сенат о выдаче ему „для такого оной фабрики... переводу вспоможенія“; кроме того, он ходатайствовал об освобождении его на 15 лет, начиная с 1752 года, от платежа пошлин „с покупки на те фабрики материалов и с вывозных инструментов и с продажи сделанных на тех фабриках товаров“. 10/XII 1750 года Сенат указал „учинить ему, Чамову, увольнение как по бумажной, вновь заводимой, так и по парусной, коя также.

¹⁶⁵⁾ Ibid., л. 212—212 об. См. *ibid.*, л. 11.

¹⁶⁶⁾ Ibid., л. 270.

¹⁶⁷⁾ Журнал делопроизводства. л.л. 361—361 об. (ордер гетмана Ген. Войск. Канцел. 22/XII 1750); см. в приложениях к настоящей книге. № 8.

для показанных в прежнем Правительствующего Сената июля 10—16 чисел определения резонов, за вновь введенную почитаться должна, в платеже... внутренних пошлин, кроме положенных по тарифу, на 10 лет, начиная с 1752 г.¹⁶⁸). В Почепе оказалось парусных полотен 3308 кусков, мерою—164623 $\frac{1}{2}$ аршин. 9/XI 1750 года гетман предписывал „показанные парусные полотна до впредь будущего нашего объ нихъ опредѣления въ пристойныхъ местахъ в добромъ присмотрѣ ж и отъ всякаго вреда в храненіи и въ цѣлости содержать“¹⁶⁹). В начале следующего—1751 года из Петербурга велено было доставить это полотно в Коммерц-Коллегию¹⁷⁰). За ним был послан из Петербурга „вагмейстер“ Алексей Беспаловский¹⁷¹). Коммерц-Коллегия имела продать это полотно „настоящею ценою“, а вырученные от этой продажи деньги отослать в Штатс-контору¹⁷²). Разумовский не сразу примирился с этим. 12/X 1751 года он просил „те парусные полотна в гетманской Почеповской волости коштом малороссийским и людьми выделанные и ныне на лицо там имеющиеся и мною с прочими наличностями приняты, оставить также к моему употреблению“¹⁷³). Однако, это ему не удалось. Переписка тянулась долго. Лишь 16/III 1754 года состоялся указ „на Почепской фабрике сделанные полотна взять у гетмана обратно в казну“¹⁷⁴). Коммерц-Коллегии предписано было принять почеповское полотно¹⁷⁵). Перевод мануфактуры, вероятно, задержался. Переведена была она в с. Ревны (Брянского, потом Трубчевского уезда¹⁷⁶). Между 1754 и 1759 годами полотняной фабрике Чамова (а затем и С. Макарова) было выдано пособие в размере 15000 рублей на 10 лет. Деньги эти, повидимому, не были

¹⁶⁸) Чулков, т. VI, кн. 3, с. 400—402.

¹⁶⁹) Журнал делопроизводства, л. 295—295 об.

¹⁷⁰) Лет. зан. Арх. Ком., XVII, 200 (грамота 6/III 1751).

¹⁷¹) Ibid., 206 (грамота 12/VIII 1751).

¹⁷²) Кайданов, с. 148.

¹⁷³) Васильчиков, Семейство Разумовских, I, 153—54.

¹⁷⁴) Архив Воронцова, VII, 337—38.

¹⁷⁵) Кайданов, с. 148.

¹⁷⁶) Труды Орловской Уч. Арх. Ком., 1890, I, с. 21. Некоторые интересные подробности о Почеповской фабрике на новой почве — *ibid.*, с. 23—4.

возвращены ¹⁷⁷⁾). В 1755 году полотняная мануфактура, основанная в 1750 году, с оборотным капиталом в 18200 руб., числилась за Т. Чамовым ¹⁷⁸⁾). Цифра указывает на сравнительно крупные размеры ее производства. Но это было „новое“ предприятие, скоро позабывшее своих украинских предков.

III.

Шептаковскую парусно-полотняную мануфактуру мы знаем меньше. Но в ее недолгой жизни были моменты, столь знакомые нам в истории старой мануфактуры. Расположенная в хуторе Узруевском, она была заведена

¹⁷⁷⁾ Лаппо-Данилевский, 31, пр. 3 (на стр. 32). Болховский купец Степан Макаров был родственник Чамова (Труды Орл. Ком., 1890, I, с. 24).

¹⁷⁸⁾ Лаппо-Данилевский, 125. Еще до 1760 года фабрики (парусная и бумажная) перешли к С. Макарову (см. Труды Орл. Арх. Ком., 1890, I, с. 23—24; Сен. Арх., XV, 376). Чамовская мануфактура числилась за Макаровым в 1767 году (см. Флоровский, Состав Законодательной Комиссии 1767—74 г.г., с. 561, пр. 4). В ведомости 1769 года упомянута бумажная фабрика Степана Макарова (Сб. Р.И.О., т. X, с. 373). Их указывает Московский Месяцеслов на 1776 год (с. 216—17). В 1780 году за Макаровым числились: брянская полотняная мануфактура, основанная в 1750 году (капитал—12000 р., станов—60, рабочих—148) и брянская писчебумажная мануфактура, основанная в 1759 году (капитал—5000 р., рабочих—58. Hermann, Statistische Schilderung von Russland, s. 377, Veil. XXI; s. 379, Veil. XXVI). В начале XIX в. (1808) об этих фабриках сообщает некоторые сведения Словарь Шекатова (т. VI, с. 378): „парусина отпускается частью на продажу в Москву, а частью расходуется на месте“ (ibid.). Обе фабрики дожили до середины XIX столетия. В 1832 году они числились за (нарвским?) купцом первой гильдии Василием Ивановичем Торубаевым. Бумажная фабрика выделяла карточную, голландскую и оберточную бумагу (Список фабрикантам и заводчикам Российской Империи 1832 года, ч. II, с. 518—19). Изделия ревненских фабрик были достаточно известны (Описание первой выставки российских мануфактурных изделий 1829 года, с. 169, 306; см. Указатель произведений отечественной промышленности... на первой московской выставке 1831 года, с. 31, 61; Указатель московской выставки 1835 года, с. 60, 125). Некоторые сведения о ревненских фабриках—Штукенберг, Статистические труды, I, Орловск. губ., 15—16; Туган-Барановский, Фабрика, 134, пр. 1; 135, пр. 2. Кризис парусно-полотняной промышленности в 30—40-х годах (Туган-Барановский, 68—70; Истор.-стат. обзор пром. России, т. II, с. 21) несомненно подорвал ревненскую фабрику.

Строгановыми, как думает Лазаревский—по инициативе Петра I¹⁷⁹). Мануфактура была „строена“ в 1726 году, т. е., конечно, в этом году была закончена первоначальной постройкой. Производство полотен началось лишь со следующего—1727 года¹⁸⁰). 1/III 1726 года именным указом Шептаковская волость „для заводу парусной манифактуры“ была отдана „на оренту“ Марье Строгановой¹⁸¹) с детьми. Сумма арендной платы была установлена в 3000 рублей на год¹⁸²). Строгановы обязаны были выписать из-за границы лучших мастеров¹⁸³). Однако, богатейшие промышленники России не особенно старались, да и вряд ли могли успеть наладить это предприятие. Все свелось к тем спекуляциям с украинской пенькой, которыми прославилась компания Меншикова „с товарищи“¹⁸⁴). Управителем Шептаковской волости и, в частности, парусной мануфактуры, при Строгановых был Федор Павлов. В последней должности он остался и позже. Наумов, вероятно, утвердил его „к присмотру“ мануфактуры, и так продолжалось до 1730 года¹⁸⁵). Строгановы положили Павлову крупное по тому времени жалованье: кроме дачи натурой, 200 рублей ежегодно; так было и после них, что составляло предмет глубокого недовольства почеповского управителя Лукина¹⁸⁶). Неясно, когда и почему кончилось владение Строгановых Шептаковской мануфактурой. Но в 1727 году она перешла в руки Меншикова, о ее принадлежности которому свидетельствуют документы¹⁸⁷). Это

¹⁷⁹) Лазаревский, Описание, I, 184.

¹⁸⁰) Токмаков, *op. cit.*, 110.

¹⁸¹) Баронесса Мария-Васса Яковлевна Строганова, урожденная Новосильцева, жена „именитого человека“, впоследствии барона, Григория Дмитриевича Строганова и сестра президента Мануфактур-Коллегии В. Я. Новосильцева. (Баранов, II, 885, указатель, *sub voce*).

¹⁸²) Сб. Р.И.О., т. 63, с. 505—506; Баранов, II, 13 („для поддержания парусной мануфактуры“). См. Багалей, *op. cit.*, 124—26.

¹⁸³) Багалей, 125.

¹⁸⁴) Зап. Наук. Тов. у Львові, т. 103, стор. 56—9.

¹⁸⁵) Токмаков, 104.

¹⁸⁶) *Ibid.*, 104—109.

¹⁸⁷) *Ibid.*, 104; Опись Сенатского Архива, отд. I, т. 3, ч. 2, с. 135, 348—49; Лазаревский, Описание, I, 184; Русск. Зап., 1915, VIII, с. 155; сборник „Почеп при Меншикове“, л. 12. О „взятии“ Меншиковыми Шептаков говорит Маркевич (История Малороссии, II, с. 590).

случилось на основании указа Верховного Тайного Совета 21/VI 1727 года, по которому Меншиков потерял Гадячский ключ, возвращенный гетманской булаве, а взамен получил другие маентности на Украине¹⁸⁸). Это были Шептаковская волость и Короп¹⁸⁹). Перед нами, может быть, темная, но интересная страница из истории конкуренции/ двух мануфактур. В 1727 году было выткано парусных полотен— 245 кусков, в следующем—1728 г.—277 кусков¹⁹⁰). Усиление производительности мануфактуры было ничтожное, особенно в сравнении с Почеповской мануфактурой. Осенью 1727 года Шептаковская волость переходит в казну, и мануфактура переживает период административной неопределенности, хотя российская администрация обратила на нее соответствующее внимание. Указ Верховного Тайного Совета 1728 года о доставлении полотен в Адмиралтейство касался и Шептаковской мануфактуры, и в 1729 году было отправлено в Петербург 519 кусков (3 куска „в отпуск не отпущено“) производства 1727—28 г. г.¹⁹¹). Производство мануфактуры в 1729 году было значительно выше: приблизительно оно составило 166,8% производства 1728 года, и 188,6% производства 1727 года. В 1730 году было отправлено в Петербург 462 куска¹⁹²). К началу 1730 года на Шептаковской мануфактуре работало 30 ткацких станков, судя по тем „ведомостям“, какие были присланы в конце 1729 года князю Шаховскому¹⁹³). Продукция мануфактуры в 1729 году составила т. о. 77% нормы. Повидимому, тогда же управляющий Шептаковской мануфактурой Федор Павлов „требуется, чтоб его от оной фабрики уволить в дом его, в Москву“. Шаховской „приказал его, Павлова, с той фабрики, для требования в Коллегию Иностранных Дел о увольнении его от той фабрики указу, отпустить на полгода со взятъем реверса, что ему, ежели он от той фабрики уволен не

¹⁸⁸) Токмаков, 110.

¹⁸⁹) Дневник Марковича, II, 159. (Указ получен в Глухове 18/VII 1727).

¹⁹⁰) Токмаков, 110.

¹⁹¹) Ibid., 112.

¹⁹²) Ibid., 111.

¹⁹³) Ibid., 110.

будет, явится в Глухове, в Канцелярии Министерского Правления в полгода“. Шептаковская мануфактура на это время поручена была „в надзирание“—почеповскому надсмотрщику Лукину „обще“ с шептаковским управителем Волженским, „дабы на оной в ткани полотен была наибольшая прибыль, и в цене становились ниже той цены, как ныне становятся, и добротою лутче“¹⁹⁴). Этому предшествовало доношение Лукина, где он, подчеркивая свои заслуги, всячески старался представить невыгодность для казны существующего на Шептаковской мануфактуре положения дел, причем отмечал более высокую оплату труда своего шептаковского коллеги. Указывая, что в Почепе „за смотрением его как ткачевских станов, так и работных людей пред прежним примножилось, и полотна делаются добротою пред Шептаковскою фабрикою лутче“¹⁹⁵), он заявлял, что он, „ежели де повелено будет, то за означенное жалованье (оклад Павлова) может принять в свое смотрение и Шептаковскую парусную фабрику и содержать полотна добротою и чистотою, как на Почеповской фабрике делаются, и ценою будет обходиться гораздо меньше, как при надсмотрщике Павлове становятся свыше продажной цены, отчего чинится в казне великий убыток, а не прибыль“¹⁹⁶). Лукин не только хвалил себя. Действительно, Шептаковская мануфактура быстро приближалась к катастрофе. В 1727—28 г.г. каждый кусок полотна „с строением и с инструментами и з дачею работным людем заработных денег и жалованья в тех годех“ обошелся на месте в 7 р. 54³/₄ коп., что значительно (вместе с доставкой в Петербург—почти вдвое) превышало казенную цену его—4 рубля и было выше рыночных цен (6 руб.)¹⁹⁷). Но если мы сопоставим несколько цифр, характеризующих состояние Почеповской и Шептаковской мануфактур в 1727—28 г.г., вопрос значительно раз’яснится. (Данные относительно Почеповской мануфактуры захватывают, повидимому, и конец 1726 года).

¹⁹⁴) Ibid., 105.

¹⁹⁵) Курсив, как везде, наш.

¹⁹⁶) Токмаков, 105.

¹⁹⁷) Дневник Ханенко, 33.

	В Почепе.	В Шептаках.
„На дачу мастеровым людям“	3374 р. 99 ³ / ₄ к.	1906 р. 48 к.
Окладного жалованья денежного и хлебного „служителем“	302 р. 18 ¹ / ₂ к.	818 р. 97 ¹ / ₄ к.
Выткано полотна кусков . . .	1450	522
Каждый кусок полотна обошелся в	3 р. 55 к.	7 р. 54 ³ / ₄ к.

К тому же и размеры Шептаковской мануфактуры были значительно меньше, нежели в Почепе. Эти цифры, с одной стороны, отлично иллюстрируют бесхозяйственность и хищническое ведение дела на Шептаковской мануфактуре, а с другой—исключают возможность соперничества двух мануфактур. Несомненно, в связи с этим стоит уход Павлова. „А как видимо из поданных ведомостей почепского и шептаковского управителей о состоянии помянутых фабрик—доносил Шаховской—никакой от шептаковского надсмотрщика прибыли, кроме накладу, нет; а Почепской фабрики надсмотрщик надежду имеет и письменно, ибо, фабрики приняв в свое смотрение, паче, нежели ныне, во всем умножит и в ткании полотен наилучшую доброту привести, також и ценою шептаковские полотна гораздо дешевле произвести, в чем может быть не без прибыли“¹⁹⁸⁾. 17/V 1730 года Коллегия Иностранных Дел утвердила представление Шаховского. Указано было „управлять те обе фабрики ему, Лукину, а Павлова по прошению его уволнить“. Жалованье Лукину было положено в том размере, какой установил Шаховской: „из окладу Шептаковской фабрики надсмотрщика Павлова хлебного и протчих с’естных припасов всего половину из Шептаковской волости, а на одну лошадь фураж и для топления дрова давать ему в Почепе“¹⁹⁹⁾. К этому Коллегия Иностранных Дел добавила еще 100 рублей ежегодно и приказала, „чтоб он в правлении тех обеих фабрик имел доброе тшание и приводил во умножение полотна в лутчую доброту и ценою дешевле, как он сам, к сему делу назвався, делать обещал“. „И в протчем—добавлял

¹⁹⁸⁾ Токмаков, 110—111, 106.

¹⁹⁹⁾ Ibid., 105—106.

указ Коллегии Шаховскому—чинить ему, генерал-маеору, о том, как в данной инструкции написано“. Но судьба Шептаковской мануфактуры была уже решена. В связи с катастрофическим положением дел ее, правительство, мало заботившееся в это время о судьбе флота, сделало серьезный шаг к ликвидации мануфактуры. 15/V 1730 года велено было „Шептаковскую волость отдать гетману Апостолу и, по посланному из Коллегии Иностранных Дел к генералу-маеору князю Шаховскому указу, велено полотняную фабрику из той Шептаковской волости совсем перевести в Почеп или в другие описные Меншикова маетности по своему рассмотрению, и что учинено будет, о том в Коллегию Иностранных Дел писать и обстоятельный о всем рапорт прислать“²⁰⁰). Правительство, повидимому, затруднялось решить вопрос о новом месте для Шептаковской мануфактуры. Но то, что выбор его, хотя и ограниченный, был предоставлен местной администрации, показывает несколько равнодушное отношение правительства к этому предприятию. Последовавший 17/V указ о назначении Лукина управителем обеих мануфактур еще более ограничивал свободу действий Шаховского. Мануфактура была переведена в Почеп. В том же 1730 году на основании этого указа и „по определению генерала-маеора князя Шаховского“ велено было Лукину „бывшую Шептаковскую фабрику с мастеровыми людьми и со всякими инструментами и материалы по описи приняв, перевести на Почепскую парусную фабрику и при обеих вообществе быть на Почепской фабрике управителем“²⁰¹). 15/VII 1731 года Лукин доносил Шаховскому об исполнении этого распоряжения²⁰²). В том же 1731 году,

²⁰⁰) Токмаков, 106, Грамота 26/V 1730 года (Лет. зан. Арх. Ком., XVII, 171) издана Н. П. Василенко в Материалах, I, с. 172—73.

²⁰¹) Токмаков, 108.

²⁰²) Ibid., 107—108. В Днариуше Ген. Войск. Канцелярии под 15/V 1731 года записано: „писанъ листь просителній до его сіятелства княжого, господина генерала маіора, сенатора и кавалера, чтобъ строеніе, где фабрика была, в Узруевскомъ футорѣ найдуючоеся, данное указомъ ея імператорского величества на чинъ гетманства, изволилъ его сіятелство) приказать отдать, и до кого надлежить о очистки оногo строенія послать свой ордеръ. Которій листь писанъ мая 13 д., а отправленъ того жъ мая 15 д.“ (рукопись собрания Лазаревского, № 19, II, л. 506 об.).

вероятно, по зимнему пути, отправлено было в Адмиралтейство с Почеповской мануфактуры 1782 куска полотна²⁰³⁾. С переведенными из Шептаков — в Почепе в этом году (в середине года) работали на 91 стане²⁰⁴⁾. В 1734 году от мануфактуры оставались в Шептаковской волости одни постройки. Описание имений гетмана Апостола, произведенное в начале марта 1734 года, так описывает Узруевский хутор, где находилась прежде мануфактура: хутор „Взруевской, где была парусная полотняная фабрика, огорожен вокруг палями дубовыми. Кроме обыкновенных светлиц, бани, погребы, конюшни, онбары, кузницы. При нем находятся: шесть светлиц в линею, соснового лесу, без печей и без потолков, пустые, в которых делались прежде сего парусные полотна; в них окон красных, забитых наглухо, сорок два, дверей семь. Три светлицы соснового лесу пустые, без потолков и без печей, в них окон красных двадцать четыре без стекол, дверей четыре, покрыты дранью; во оных светлицах прежде сего делались столярские к ткацким станом работы“. Там же, около птичного двора, находились „три огорода, огорожены тьном дубовым. На тех огородах пенки немятой сорок три копы“²⁰⁵⁾. Эти развалины — все, что оставалось в Шептаках от парусной фабрики, судьба которой с 1730 года слита с Почеповской мануфактурой, являя собой интересный пример истории ранней мануфактуры.

²⁰³⁾ Токмаков, 111.

²⁰⁴⁾ Токмаков, 108.

²⁰⁵⁾ Материалы Судиенко, I, отд. 3, с. 10—11. Еще печальнее выглядели строения бывшей мануфактуры в 1750 году. Опись Шептаковской волости, составленная при передаче ее Разумовскому, отмечает полное разрушение фабричных построек: „две свѣтлицы, гдѣ бывало на парусные полотна денка предется, з четырема окнами; между ими двое сѣней, в них оконъ краснихъ обетшалихъ без стеколъ и без затворовъ пятнадцать; оное строение без кровлѣ и без потолковъ все згнило и розвалялось и вовся ни к чему не годится“; „парусного фабричного строения шесть свѣтлицъ, оние свѣтлицы без кровлѣ, без потолковъ, за давность вовся згнили и розвалялись, с которих яное дерево гнилое попалено в винокурнѣ“, которая и сама „через немалое время розволялась“ (Малорусский Сборник из собрания Лазаревского, № 46, т. 8). Через 11 лет в Узруевском хуторе не нашли даже развалин некогда бывшей фабрики (Черн. Губ. Вед., 1853, с. 349).

IV.

Более удачлива была судьба третьего предприятия полотняного производства—Топальской парусно-полотняной мануфактуры, отчасти благодаря тому, что владельцы ее уцелели в бурях дворцовых переворотов первой половины XVIII столетия. „Иллирический“ граф Савва Лукич Владиславич-Рагузинский, тайный советник и александровский кавалер, член Комиссии о Коммерции и дипломат, торговый комиссионер петровского правительства и частный агент самого Петра и Екатерины Алексеевны, политический шпион и переводчик, известный негодичант того времени, крупнейший русский и украинский откупщик и землевладелец²⁰⁶⁾, устроил недалеко от села Великой Топали,

²⁰⁶⁾ Специальной монографии, посвященной Савве Рагузинскому, нет. Большой архивный материал, касающийся его деятельности, опубликован лишь отчасти в Письмах и бумагах Петра Великого, Докладах и приговорах Правительствующего Сената в царствование Петра I. Полном Собрании Законов, Описании дел Архива Морского Министерства, Материалах для истории русского флота, Сборнике Русского Исторического Общества, Материалах военно-ученого Архива Главного Штаба, Архиве Воронцова, Архиве Куракина, Описании документов и дел Архива Святейшего Синода, Материалах Судженко, Барановской Описи, Описи Сенатского Архива, Дневнике Берхгольца. Письмах Рондо, Дневнике Ханенко, Дневнике Марковича. О нем: Голиков, Деяния Петра Великого, XV, указатель, sub voce; Энциклопедический лексикон Плюшара, т. XI, с. 77—79; Д. Бантыш-Каменский, Словарь достопамятных людей Русской земли, ч. I, 286—300; Н. Бантыш-Каменский, Дипломатические сношения Российского Двора, ч. II, 215, 217, 239—40, 242—44; кв. А. Б. Лобанов-Ростовский, Русская родословная книга, т. I (Спб., 1895), с. 108—109; Записки Черниговского Губернского Статистического Комитета, кн. II (Черн., 1868), с. 84—85; Киевская Старина, 1887, т. XVIII, кн. 6—7, с. 391—92; Пекарский, Наука и литература в России при Петре Великом, т. I, с. 252—55; Соловьев, История России, кн. III, 1233, 1334; кн. IV, 64, 68, 244, 636, 715—16, 802, 1135—40; Лазаревский, Описание, I, 104, 411—12, 417—18, 420; III, 232—33; Русские Записки, 1915, VII, с. 143; 1916, X, с. 152; А. Лашкевич, Следы частной переписки имп. Петра I с Саввою Рагузинским—Киев. Старина, 1887, т. XVIII, кн. 6—7, с. 487—494; Милюков, Государственное хозяйство, 384—88; В. Строев, Бироновщина и Кабинет Министров, ч. I, с. 114—18; Модзалевский, Родословник, I, 66; III, 513—14; Иконников, Опыт, I, ч. 2, с. 752, 807, 928, 1004, 1020, 1087, 1268; А. Бычков, Письма Петра Великого, хранящиеся в Публичн. Библиот., с. 120; II. Uebersberger, Russlands Orientpolitik, I, s. 76, 78, 94, 104, 112, 121; А. Кочубинский,

Стародубовского полка „парусинный завод“²⁰⁷). Село Великая Топаль, оказавшееся в числе „изменничьих маетностей“, досталось ему, вместе с прочими именьями, по грамоте Петра, данной 27/II 1710 года. Универсал Скоропадского, данный 1/I 1716 г. „превосходителному и почтенѣйшему свѣдѣтельствуванному римскому каваллеру господину Савве Владиславовичу Рагузинскому“, подтверждал это пожалование „в спокойное и во всегдашное уживаня“²⁰⁸). Рагузинский значительно расширил хозяйство Ломиковских. В Топальской волости оказалась старая промышленная почва. Мануфактура была основана после 1723 года, так как в ревизии этого года она не упоминается²⁰⁹). В донесениях Коммерц-Коллегии Сенату в 1724 году говорится о „мануфактуре“ Рагузинского, где приготавливали поташ. Возможно усмотреть здесь связь новой мануфактуры со старым предприятием поташного производства—будой. „Запретительный указ“ относительно поташной промышленности коснулся и этого предприятия²¹⁰), и оно уступило место иному производству и иной форме его. Надо полагать, что парусная мануфак-

Мы и они, с. 126--27, 142, 145, 146, 154; Чт. Моск. Общ. История и Древн., 1848, VII, 137—46; 1865, III, 6—9, 15—16, 74—89; Е. Шмурло, Отчет о двух командировках в Россию и за-границу в 1892—3 и 1893—4 г.г., с. 102, 103; Письма и донесения иезуитов о России конца XVII и начала XVIII века, с. 113—14, 301—302; Елагин, История русского флота. Период Азовский, с. 193—4, 233; приложения, I, 509—10; II, 7, 8, 14, 16—17, 113—14; Пыпин, История русской литературы, изд. 1911 г., т. III, с. 294, 324. Более обследована история посольства С. Владиславича в Китай. Кроме вышеназв. работ: Н. Бантыш-Каменский, Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 год, *passim*; G. Cahen, Histoire des relations de la Russie avec la Chine sous Pierre le Grand (1689—1730), *passim*. См. Материалы для истории Российской духовной миссии в Пекине, I, 17—18, 68—69; Чулков, Описание, т. III, кн. 2, 178—79, 183—84. Скончался 17/VI 1738 года; наследником своего имущества назначил графа Моисея Владиславича (Сб. Р.И.О., т. 146, с. 406—407).

²⁰⁷) Лазаревский, Описание, I, 417—18.

²⁰⁸) Генеральное Следствие о маетностях Стародубовского полка (рукопись Библиотеки Киевского Университета), л.л. 206—209. См. Летопись занятий Арх. Ком., XVII, с. 118, № 103. Заверенная копия грамоты 27/II 1710—в собрании Лазаревского. № 37, I.

²⁰⁹) Лазаревский, Описание, I, 417—18.

²¹⁰) Кайданов, с. 150, №№ 1068, 1069.

тура была заведена между 1728—1731 годами, возможно, в 1730 году. В 1725—28 годах Савва Владиславич был „послом в Китайх“²¹¹⁾, да и позже едва ли он мог заняться своей мануфактурой. Действительным основателем ее мог быть племянник Саввы Рагузинского—граф Гаврило Иванович Владиславич, крупнейший откупщик Гетманщины, поселившийся на Украине задолго до 1725 года и в этом году уже „причитавшийся малороссийским жителем“²¹²⁾. Породнившись с местной знатью, Гаврило Владиславич постоянно жил на Украине, занятый крупными торговыми операциями с Кенигсбергом, Ригой и Петербургом, откупом индуктного сбора и управлением обширных имений своего дяди²¹³⁾. Генеральное следствие о маетностях, где ведомость о Топальском владении подписана „Conte Iliricho Gabriel Vladislavch“, не упоминает о мануфактуре²¹⁴⁾. Но в 1731 году она уже работала, причем изделия ее были известны и в южных полках²¹⁵⁾. После национализации Почеповской и Шептаковской фабрик Топальская мануфактура имела все данные для своего развития. Она находилась в руках богатого и влиятельного владельца, входила в состав хорошо налаженного крупновладельческого хозяйства, могла свободнее завязывать торговые сношения. К сожалению, мы почти ничего не знаем о ней в эту пору: нахождение ее в частных руках обеспечило ей спокойное существование, но лишило нас даже скудных сведений о ней. Впервые мы знакомимся

²¹¹⁾ Сб. Р.И.О., т. 69, с. 300.

²¹²⁾ Сб. Р.И.О., т. 94, с. 427.

²¹³⁾ О Гавриле Владиславиче: Сб. Р.И.О., т. 79, с. 1, 5—6; т. 94, с. 423—24, 426—27; т. 114, с. 175; т. 117, с. 95, 237; т. 146, с. 408; Лобанов-Ростовский, *op. cit.*, I, 108—109; Модзалевский, Родословник, II, 101; IV, 80; Лазаревский, Описание, I, 380, 399—400, 404; Записки Черн. Губ. Стат. Ком., II (Черн. 1868), с. 64—67, 82—86, 96—98; Киевская Старина, 1882, I, 121; 1887, кн. 6—7, с. 389—90 и дальше; Баранов, II, с. 741, указатель. *sub voce*; Дневник Ханенко, 24, 33, 34, 38, 39, 74, 99, 107, 114, 126; Дневник Марковича, II, 291, 306; IV, 227—28; Стороженки, IV, с. 3—23; и др. Его духовное завещание 15/XI 1739 года в Обзрении Румянцовской Описи, IV, с. 748—51; женат (с 1726 года) на Анне Ивановне Бороздна, дочери бунчук. товар. (Модзалевский, I, с. 70); вторым браком она за Иваном Андреевичем Гамалеєю, генер. судьей (*ibid.*, I, с. 245).

²¹⁴⁾ Генеральное Следствие, л.л. 206—209.

²¹⁵⁾ Ханенко, 30, 33, 38.

с ней ближе лишь в конце 30-х годов. На основании позднейших материалов и некоторых общих данных, мы можем догадываться, что мануфактура в первой половине XVIII века пережила два момента своего подъема. С деятельностью Гаврилы Владиславича связан первый и более сильный подъем мануфактуры. Много лет управлявший имениями своего дяди, он имел возможность и желание заняться мануфактурой, особенно, когда в 1737 году переживший своих детей старый граф Савва Рагузинский продал ему свои украинские маетности²¹⁶). Военные обстоятельства того времени отразились и на Топальской мануфактуре. Она принимает участие в военных поставках. В 1738 году она взялась поставить в Генеральный Кригс-Комиссариат 700 кусков полотна, мерою 35175 аршин, по 14 коп. аршин, т. е. всего на сумму 4924 р. 50 к. Поставка была выполнена²¹⁷). Спокойное течение топальского хозяйства было прервано в 1739 году смертью Гаврилы Владиславича. По духовному завещанию его, Топаль, в числе других имений, должна была перейти к младшему брату Гаврилы—графу Моисею Ивановичу Владиславичу, впоследствии (1763 г.) надворному советнику²¹⁸). Тем самым в руках Моисея Владиславича со-

²¹⁶) Лобанов-Ростовский, I, с. 109, см. Сб. Р.И.О., т. 146, с. 108.

²¹⁷) Румянцевский Музей, Архив Марковича, №№ 1352, 1373. Судя по данным 1740 года (см. ниже), это полотно можно считать частью производства 1738 года. Г. Владиславич писал (в октябре?), что указанное им количество полотна—700 кусков—„имѣется налицо“ (ib., № 1352). В таком случае годовая продукция мануфактуры составляла приблизительно 900 кусков, т. е. около 45000 аршин, стоимостью свыше 6000 рублей (6800), если взять аршин полотна по 14 коп. Это, вероятно, „военная“ цена. В 1732 году оно было дешевле. Ханенко заплатил за 5 кусков 30 рублей, т. е. аршин обошелся ему в 12 коп. (Дневник, 33). А в 1748 году аршин поченовского полотна стоил в Почене 12 коп. (Дневник Марковича, II, изд. 1859 года, с. 262). Производство мануфактуры расширялось. В 1740 году на мануфактуре оказалось 3015 кусков полотна (2171—было на месте; 801—отвезено в Петербург; 40—не доделано), не считая проданного в Риге (Малороссийский Сборник—рукопись собрания Лазаревского, № 46, т. 18). Судя по данным 1771 г., мануфактура выделяла: фламское полотно, льняное полотно (?), равендук и тонкое парусное полотно (Отлаторная книга, л. 185).

²¹⁸) Обзорение Румянцевской Описи, IV, 748—51. О гр. Моисее Ивановиче—Лобанов-Ростовский, I, 108; Лазаревский, Описание, I, 104;

единялось все громадное имущество Рагузинских. Но вряд ли ему удалось на этот раз заняться делами мануфактуры. Гаврило Владиславич, отдавая ему большую часть своего имущества, обошел старшего, брата, графа Ефима Ивановича Владиславича, впоследствии генерал-поручика и александровского кавалера. Это были старые нелады в семье Владиславичей²¹⁹⁾. Тяжба из-за наследства Гаврила Владиславича, начатая Ефимом Владиславичем, не закончилась и с разделом спорного имущества пополам 1742 г.²²⁰⁾. Моисей Владиславич не желал подчиниться этому решению, рассчитывая, не без основания, на поддержку украинской администрации и содействие приказчиков Рагузинских и вдовы покойного брата Гаврила Владиславича. Почти все 40-е годы прошли в судебных спорах, весьма неблагоприятно отразившихся на богатстве Рагузинских²²¹⁾. Топальское хозяйство, повидимому, переживает серьезный кризис. Только после смерти Ефима Владиславича (6/III 1749 года²²²⁾ большая часть имений Рагузинских перешла к Моисею Владиславичу. Впрочем, дело о наследстве тянулось до начала 60-х годов. В описи имущества Гаврила Владиславича значилась и „парусная фабрика с принадлежащими к ней строениемъ, матеріяли і припасы и людьми майстеровими“; к фабрике принадлежало два двора в Стародубе. Производство ману-

III, 233; Сб. Р.И.О., т. 56, с. 168, 171—73; т. 63, с. 825; т. 79, с. 6, 7; т. 146, с. 406—410; Сенатский Архив, XII, 378—79; Дневник Ханенко, 31, 55, 73, 74, 83, 86, 88, 92, 95, 114, 158, 255, 267—68, 275, 281, 284—85, 287, 289, 295, 299, 301, 309—312, 316—17, 322, 339, 347, 356, 365, 422, 425, 427, 431—32, 448, 452, 461—62; Сулимовский Архив, 139; Описание дел Архива Морского Министерства, IV, 419, 432; Архив Воронцова, IV, 448, 450; XXXIV, 306—308; граф Моисей Иванович умер в 1772 (73?) году (Описание дел Арх. Морск. Мин., IV, 560—62).

²¹⁹⁾ См. Сб. Р.И.О., т. 146, с. 407—408. Лобанов-Ростовский, I, 108.

²²⁰⁾ Баранов, II, 689. В начале 40-х годов в маестностях Владиславичей насчитывалось 1066 дворов (рукописи собрания Лазаревского, № 46, т. 18).

²²¹⁾ Архив Воронцова, XXXIV, 306—308. История тяжбы Владиславичей: Зап. Черн. Губ. Стат. Ком., кн. II (Черн. 1868), с. 85—88; Киев. Старина, 1887, кн. 6—7, с. 392. См. Баранов, III, с. 491; Архив Воронцова, VII, 285; Сенатский Архив, XII, 378—79.

²²²⁾ Дневник Ханенко, 410—11; Лобанов-Ростовский, I, 108; в. кн. Николай Михайлович, Московский Некрополь, I, 212.

фактуры было значительно, и изделия ее вывозились также в Россию и за-границу.²²³⁾

Прежде связанный местом жительства с Петербургом и Москвой, Моисей Владиславич, став единственным владельцем, способствовал некоторому подъему мануфактуры, вероятно, к тому времени несколько запущенной. Следы хозяйственной деятельности его заметны в Топали²²⁴⁾. Описание мануфактуры 1771 года дает представление о двух частях фабрики: старой (Моисея Владиславича) и ветхой, почти заброшенной (вероятно, первоначальная постройка времен Саввы Владиславича). Тот темп работы, какой был дан мануфактуре Моисеем Владиславичем, повидимому, в конце 50-х годов XVIII столетия, она сохраняла до 70-х годов, и описание 1771 года, в сущности, изображает нам эту мануфактуру в середине столетия. После вывода Почеповской мануфактуры за пределы Гетманщины Топальская заняла монопольное положение. Румянцевская Опись отметила, что „при селе Великой Топали при рч. Малой Топалке—парусинная фабрика, при которой живут рабочие люди, которые против своей работы по положенной цене за плату получают“. Всего рабочих насчитывалось 308: мужчин—160, женщин—148. „Подданических“ дворов было 128; бездворных хат—27. Построек для наемных служащих было 14 дв., 5 бездв. хат²²⁵⁾. Некоторая часть фабрики и ее „фабрикантов“ была удалена на значительное расстояние от „фабричного“ хутора. Это был „футор, называемый Дрегалеvской“, расположенный в одной версте от д. Внукович (в 30 верстах от Топали). На хуторе находились: „к фабрики моей (пишет Моисей Владиславич) для беления пряжи устроенная миларня—1; для сушения пряжи изб три, анбарчиков два; изб, в которых живут для таковой работы фабриканты, каковы получают за плату противу работы своей, по положенной цене, ежемесячно, числом семь, мельницких изб две“. Далее перечисляется по-

²²³⁾ Малороссийский Сборник, рукопись собрания Лазаревского. № 46, т. 18.

²²⁴⁾ Отдточная книга волости Великотопальской, л. 185.

²²⁵⁾ Обзорение Румянцевской Описи. IV, 668—669; Лазаревский. Описание. I, 417—418.

именно, с указанием семей, тринадцать „фабрикантов“ и мельников²²⁶). Таким образом, даже удаленные от центра волости местности обслуживали мануфактуру. Последние годы своего владения старый граф вряд ли много занимался своим хозяйством. Богатство Рагузинских было сильно расстроено тяжбой братьев. Еще в начале 60-х годов Моисей Владиславич подумывает о продаже своих украинских маетностей. 11/X 1770 года совершена была купчая на продажу Моисеем Владиславичем Топали и некоторых других маетностей за 94320 рублей члену Малороссийской Коллегии князю Платону Степановичу Мещерскому, который был представителем казны²²⁷). В числе прочих хозяйственных угодий купчая отмечала „въ неотдаленности отъ села Топалѣ на реке Сниве фабрику (въ которой дѣлается парусное полотно) со всѣми тамъ имѣющимися строениями, станами, инструментами и фабрикантскими хатами, по ревизіи тамъ значащимися“²²⁸). В том же 1770 году Екатерина II подарила Румянцеву в числе прочих маетностей и Топаль „со всѣмъ тѣмъ, что въ данной отъ помянутого Владиславича купчей показано“²²⁹). 22/XII 1770 года Малороссийская Коллегия велела произвести опись этих имений. Организованная для этого „отдаточная волости Топалской комиссия“, под председательством надворного советника Александра Башилова, при членах—коллежском ассессоре Иване

²²⁶) Лазаревский. Пospолитые крестьяне, 94—96.

²²⁷) Отдаточная книга, л.л. 8—9. См. Киев. Стар., 1882, май, 313. В 1763 году Моисей Владиславич через графа М. Л. Воронцова обратился в казну с предложением обменять украинские маетности Рагузинских на имение в Трубчевском уезде. В это время за ним на Украине числилось около 900 дворов (Архив Воронцова, XXXIV, 307--308). Однако, обмен этот не состоялся. В 1768 году Румянцев уведомил Екатерину о том, что Моисей Владиславич продает свои украинские маетности. Румянцев высмотрел их для себя. Кажется, Екатерина первоначально предполагала купить эти имения для себя. Переговоры затянулись, и лишь в 1770 году дело было закончено (Старина и Новизна, I, 229, 257, 267—68, 280, 291, 297).

²²⁸) Отдаточная книга, л. 8

²²⁹) Отдаточная книга, л.л. 5—6. Неясно, почему В. А. Мякотин считает получение Румянцевым Топали относящимся к 1775 году (Русск. Зап., 1915, № 11, с. 153—154); ссылка на Лазаревского (Очерки. IV. 9) — неосновательна.

Миклашевском и абшитованном сотнике Михайле Рубце, начала свои занятия в начале следующего 1771 года²³⁰⁾, и одним из результатов ее работ явилась „Отдточная книга... волости Велико-Топалской, со всѣми ея принадлежностями“²³¹⁾, где нашла себе место и „Вѣдомость парусинной фабрики“²³²⁾. Это—обстоятельное описание мануфактуры, составленное на основании, повидимому, точных промеров, где кропотливо и добросовестно перечисляются, наряду с ценным имуществом, также все поломанные инструменты и всякий нужный и ненужный хлам. Подробное описание фабричных построек дает нам известное представление о Топальской мануфактуре середины XVIII столетия. К описанию мануфактуры приложен список „работных“ людей, с указанием их семей и возраста членов семьи, с перечислением их построек и живого инвентаря, с отметкой, живет ли то или иное лицо в „корпусе фабричного строения“ или отдельно²³³⁾. Описание 1771 года как бы подводит итоги хозяйству Рагузинских в Топали. Те сведения, которые оно сообщает о „парусинном заводе“, бесспорно, старше 1771 года, как старше этого года были фабричные постройки. Мануфактура, „ничемъ неогороженная“, расположена была в двух верстах от Топали, „при рекѣ Сновѣ“. С правой стороны (вероятно, по дороге от реки к Топали) находилось 4 жилых избы, небольших размеров. Из этих изб одна была „старая“, другая—„ветхая“, третья—„весма ветхая“. С левой

²³⁰⁾ Отдточная книга, л. 5 об.—6.

²³¹⁾ „Отдточная книга всеимлостивѣйше пожалованной его святелству высокоповелителному господину генераль-фельдмаршалу, малороссийскому генераль-губернатору, президенту Малороссійской Коллегии и орденовъ святыхъ апостола Андрея, Александра Невского, великомученика і побѣдоносца Георгия и голстинского свята Анны ковалеру графу Петру Александровичу Румянцову волости Велико-Топалской, со всѣми ея принадлежностями. Сочинена и окончена 1771-го году, октября 21-го дня. На 333 листахъ“ (Отдел рукописей Библиотеки Киевского Университета. № 263).

²³²⁾ „Опись купленному отъ графа Владиславыча парусинному заводу, кой принадлежитъ къ Великой Топаль. Въ которомъ сколько какова строения, парусинныхъ становъ и избъ, такожъ-и прочего. значить подъ сымъ—1771 года“ (Отдточная книга, л.л. 183—190). См. в приложениях к настоящей книге, № 2.

²³³⁾ Отдточная книга, л.л. 190—191 об.

стороны находились собственно фабричные здания. Они состояли из 4 амбаров, „въ одномъ мѣстѣ разноустроенныхъ“. Это были: 1) амбар для парусных полотен, старый; в нем хранились весы, всякие фабричные инструменты и запасы пряжи; 2) амбар „для поклажи пряжи“, ветхий; 3) амбар старый, где хранились разные фабричные припасы (зола и т. п.); 4) амбар „совсѣмъ ветхій“, для чоски и клажи пеньки. Далее, повидимому, с левой же стороны, возможно, под некоторым углом к избам правой стороны, шел „корпусъ строенія фабричныхъ рабочихъ“—„ткацкихъ избъ одинадцать подъ единою простою кришкою драничною“. Это—собственно, самая фабрика—была довольно крупная постройка. Каждая изба имела в ширину—4 саж. 1 арш., в длину 5 саж. Весь „корпус“, таким образом, тянулся на 55 саж. В каждой избе было по 8 окон (всего, стало быть, 88 окон) и по 6 ткацких станов; только в избе № 8, где была сновальня,—3 стана. Всех действовавших станов было 52, праздных—11. И это строение было „старое“. Кроме этих, основных построек, мануфактура имела еще несколько других, или утративших свое прежнее значение, доживавших свой век, или же обслуживавших побочные нужды мануфактуры. „Отъ корпусу фабрицкаго строенія идучи въ Топаль, по правую сторону“ были: 1) 2 старых избы—„бывшие ткацкіе пустіе“ (д. 15 с.—ш. 5 с.); потолки в них „отъ ветхосты и гнилосты“ обваливаются, „мосту (пол) и печей въ нихъ нѣтъ“; 2) старый амбар, где хранился всякий хлам; 3) сарай „чесальной“ (дл. „зъ одной прихожей стороны саженой“ 8, „а зъ задней стороны саженой“ 15; в шир. 4 с.) с 16 окнами; и в нем потолок „отъ ветхосты и гнилосты обваливается“; здесь хранились всякие инструменты; 4) при сарае „амбаръ тростянной“ „для поклажи отъ чоски кудель“ ветхий; „мостъ въ немъ согнилъ, въ стѣнахъ того амбара пять оконъ забито досками“. В нем находились всякие фабричные припасы. Налево от „корпуса фабричнаго строенія“ находились: 1) пустой кирпичный погреб; 2) 2 избы, „устроенные для сушки пряжи“, очень ветхие, без „кришки“; 3) „повѣта, бывшая для провѣски пряжи на девяти дубовыхъ столбахъ“, „самая ветхая“; 4) „бывшая миларня, въ коей випаривано и бѣлено пряжу,

состоящая нынѣ впускъ“; и, наконец, 5) амбар, „устроенъ было для золы“, „теперь самой ветхой“. Это, кажется, (за исключением, вероятно, погреба), и была старая фабрика, помнившая времена еще Саввы Владиславича. При фабрике, через дорогу с правой стороны находились следующие постройки: 1) изба, „покрытая доромъ“, старая, 2—3) избы токарская и ковальская „подъ одною драничною кришкою“; токарня—старая; ковальская изба — „ветхая“; эти избы, как и целый ряд других, были с пристройками: сенцамъ, клетями и т. п.; 4) кузница. Близ фабрики, под гаем с правой стороны были: садок для рыбы; при нем—ветхая изба. Другой садок был на реке Снови, где находилось также 3 лодия (1 большая, старая и 2 малых, рыбачьих). С левой стороны у реки был „господскій огородъ“; другой находился близ токарни. Меж двух огородов была изба, старая. Отдельно стоял ветхий амбар и при нем сарай. За рекою, идучи из фабрики, с левой стороны был двор; в нем „строения владѣльческаго“ изба „въ самой ветхости“. „При оной же фабриктѣ состоятъ молодые зарослые рошцы“—всего 4. „Пахотной же земли къ оной фабриктѣ никакой не имѣется“. На реке Снови, в 2-х верстах от Топали, находилась плотина „пры вышозначенной парусной фабрыктѣ“, длиною в 170 саж., шириною—3 саж. На ней четыре „спуска“. На одном—„толчея для толченя на порусныя полотноя пенечной чоскы“ об одном коле и двенадцати ступах. Второю спуск имел 4 саж. в длину и 2 с. $\frac{1}{2}$ арш. в ширину; на нем с одной стороны был „мукомолной амбаръ“ с 2 мукомольными колами; в нем—закром „съ перегородомъ для зсыпки помолного хлѣба“; с другой стороны—амбар; „въ ономъ мукомолное колесо для вешняной воды“. Третий спуск имел в длину 4 с. 1 ар., а в ширину 1 с. $2\frac{1}{2}$ ар. Четвертый—длиною 4 с., а шириною 2 с. Плотина была „обита“ от воды дубовыми палями и оплетена лозою. На реке Снови, в 3 верстах от Топали и в 2 вер. от фабрики, находилась также мельница, называемая „толчаевская“; „пры оной спускъ брусованній и мукомолные два колеса“, а внутри закроем „для зсыпки размѣру“. При мельнице находился „дворокъ“, где была изба, две клетки, погреб, сарай, „огородчикъ для грядъ, и висѣвается конопель четверыкъ“. Здесь

начиналась березовая роща, годная на дрова и „латы“, длиною „прымѣромъ“ в $\frac{1}{2}$ версты и шириною до $\frac{1}{4}$ версты. В этом дворе жил „мировичъ“. К Описанию приложена „Вѣдомость, кто именно въ парусинной топальской фабрикѣ состоятъ работники зъ семействомъ и майстеровие, изъ нихъ кто имѣеть свои хаты и протчое строеные, и у кого сколко какова скота, значить ныже“. В этой ведомости исчислено 72 хозяина (1—писарь); из них 20 жили в избах „корпуса фабричного“, а остальные, повидимому, в своих постройках (8 хозяев жило „въ построенныхъ для майстеровъ избахъ“, прочие—„по избамъ фабричнымъ ткацкимъ“; причем 18 имели избы, остальные—сарай или клетки; о 9, преимущественно вдовах, сведений не указано). Всего—обоего пола 331 душа (206 д. взрослых и 125 д. детей до 15-летнего возраста; мужск. пола—166; женск.—165²³⁴). Кроме того, в хуторе Драглевке была „миларня или белилня пряжи для парусинной фабрики, о пяти горнахъ съ котлами“²³⁵). Вот внешнее состояние Топальской мануфактуры в 1771 году. Перед нами старое предприятие, значительно обветшавшее, сохранившее в общем свой первоначальный характер, действовавшее по инерции. Только в конце 1771 года (19 октября) Румянцев, через бунчукового товарища Ивана Васильевича Завадовского, вступил во владение Топалью²³⁶). Однако, вряд ли до середины 70-х годов он мог серьезно заняться своим топальским хозяйством, в частности, мануфактурой. В 1774 году о ней упоминает Гильденштедт, называя ее первой на Украине и отмечая хорошую постановку дела²³⁷). В короткий срок мануфактура получила другой вид. Кажется, Румянцев перенес ее на новое место, в д. Внуковичи, где в 1781 году она находилась в хут. Драглевке²³⁸). Описание 1781 года говорит нам, что „завод состав-

²³⁴) Отдточная книга, л.л. 183—196.

²³⁵) Отдточная книга, л. 123 об.

²³⁶) Ibid., л.л. 11—12, 332. Румянцев и раньше знал Топаль. Он был там 20 марта 1767 года (Чтен. в Общ. Нестора, кн. V, с. 132).

²³⁷) Reisen durch Russland, II, 414.

²³⁸) Вопрос о местоположении Топальской мануфактуры несколько неясен. В 1771 году (надо полагать, с начала своего существования) она находилась в 2-х верстах от Топали (Отдточная книга, л. 184).

ляется из 6-ти нарочитых корпусов каменных и особом о 2-х этажах доме о 13 покоях; в оных корпусах 70 станов, где делается парусина; работы здесь производятся при особом майстре наемными людьми, коих бывает в день до 300 персон обоего пола. Выходит в год парусинного подотна длиною в 50 аршин 800 штук (т. е. 40000 аршин); и производя в продажу каждой аршин по 14 коп., получается в год более 6000 рублей. Продают же оную раскольничьих слобод Зыбкой, Клинцов обывателям и приезжающим из великороссийских разных мест покупателям²³⁹). Коротенькое известие Описания 1781 года дает драгоценный материал. Мануфактура прежде всего останавливает нас своими большими размерами. Эти каменные корпуса, появившиеся в очень короткий срок, мало напоминают обветшавшие деревянные постройки Рагузинских. Число станов увеличивается почти на 50%; повышается, сравнительно с временами Моисея Владиславича, и продукция. А между тем число рабочих почти то же. Повидимому, Румянцев предпринял ряд технических улучшений, благоприятно подействовавших

То же было и в 1767 году („при селе Великой Топали“—Обозр. Рум. Оп., IV, 668—669) и в 1774 году („bey Topal“—Güldenstädt, Reisen durch Russland, II, 414). В 1767 году во Внуковичах (собственно в хут-„Дрегалевском“) находились только „к ф а б р и к и... для беления пряжи... миларня...; для сушения пряжи избы три, амбарчиков два“ да избы „фабрикантские“ (Лазаревский, Посполитые, 95). Между тем Описание 1781 года локализует мануфактуру в Драглевке (Лазаревский, Описание, I, 417—418); „Журнал“ Подлужского (№№ 24, 100), повидимому, также. Допуская перевод мануфактуры из Топали во Внуковичи Румянцевым, мы считаем ошибочным мнение Лазаревского (Описание, I, 417) о том, что Рагузинские основали „парусинный завод“ в Драглевке (см. также Ханенко, 33). Перевод мануфактуры и значительное расширение ее и дали, вероятно, основание Шафонскому говорить в 1786 году о Топальской мануфактуре как будто о недавно заведенной фабрике (Шафонский, 20). Выбор Внукович объясняется, видимо, нахождением неподалеку в х. Драглевке некоторых фабричных строений и старым промышленным характером местности („рабочая буда“ в 1723 году—Лазаревский, Описание, I, 417; солодовни, винокуренные и кирпичный заводы в 1771 году—Отдаточноная книга, л.л. 276 об.—278).

²³⁹) Лазаревский, Описание, I, 417—418. Приведены данные Описания Новгородсеверского наместничества 1781 года.

на работу мануфактуры. Имело, конечно, значение появление „особого майстра“ и вероятное повышение заработной платы. Но процветание мануфактуры теснейшим образом зависело от того, что она расширила свой рынок. Мануфактура Рагузинских была иногда слишком связана с казной и казенными подрядами. Трудно сказать, насколько результаты усилий Румянцева отвечали его замыслу. Но мы знаем, что уже в начале 90-х годов мануфактура клонилась к упадку. Управление топальской экономией шло плохо. Нередки были случаи, когда „въ Топалѣ ни прикащика, ни его подчиненныхъ нѣтъ“²⁴⁰). Ревнитель румянцевского хозяйства, надворный советник Осип Григорьевич Подлузский, сохранивший нам любопытный „Журналъ представлений... и по повелѣніямъ его сіятелства отпускаемыхъ въ разныя экономіи писемъ“ (1792 года)²⁴¹), об'езжая румянцевские владения, мог отметить полную расхлябанность топальского хозяйства и его административного аппарата. „По приездѣ моемъ въ Топаль 14-го числа сего іюля—писал Подлузский Румянцеву—не нашолъ я управляющаго тамошнею экономіею подпорутчика Макара Сухоцкаго²⁴²) и писаря Саввы Ковалевского. Сказано мнѣ, что первый отехалъ къ г. Чепѣ²⁴³) в Стекляной заводъ для испрошенія увольненія отъ должности; а послѣдній для объявленія капитала къ запискѣ его в купцы (и то и другое мнѣ непонятно), а г. Алексѣевъ въ Гомлѣ находится“²⁴⁴). Поэтому несколькими днями позже

²⁴⁰) „Журнал“ Подлузского, № 19.

²⁴¹) „Журналъ представлений его сіятелству высокоповелителному господину генералу фелдмаршалу, многихъ ординовъ кавалеру, сущему побѣтелю (sic!) Отоманской Имперіи, милостивѣйшему государю, даровавшему мнѣ и приснымъ моимъ насущный; и по повелѣніямъ его сіятелства отпускаемыхъ въ разныя экономіи писемъ; начать 1792-го года отъ 11-го числа генваря мѣсяця (надворный совѣтникъ Іосифъ Подлузкій)* (рукопись коллекции Лазаревского, № 20).

²⁴²) Макар Лукьянович Сухоцкий, управляющий топальской экономией (1792 г., июль—„Журнал“, № 14).

²⁴³) Адриан Иванович Чена, один из управляющих румянцевскими именьями, известный собиратель материалов по истории Украины. О нем—Лазаревский, Очерки, в. IV. с. 10; В. П. Горленко, Южно-русские очерки и портреты, с. 19—22; Киев. Стар., 1890, № 5 и 1891, № 1.

²⁴⁴) Довесение Подлузского Румянцеву 19/VII 1792 г. из Топали („Журнал“, № 19).

Подлузский писал А. И. Чепе, управлявшему румянцевскими именными в северной Гетманщине: „топалскому прикащику или управляющему тамошнюю экономією прикажите, чтобъ онъ безъ позволенія вашего не отлучался отъ должности по своимъ прихотямъ... въ Топалѣ и во Внуковичахъ не нашолъ я къ лучшей ползе господской“. Ревниво оберегавший „господскую ползу“, Подлузский имел основание дружески выговаривать и самому Чепе²⁴⁵). В декабре 1792 года управляющим топальской экономіей был уже Михайло Чернявский²⁴⁶), исполнявший прежде обязанности казначея. Несомненно, эти неурядицы в администрации Топали должны были неблагоприятно отразиться на тамошнем хозяйстве. В июле 1792 года мануфактура почти бездействовала: „въ фабрикѣ парусинной три человѣки ткуть, да два малчики и дѣвочка чешутъ“²⁴⁷). А 31/XII того же года Подлузский писал из Топали: „въ парусинной фабрикѣ работаютъ въ двухъ токмо корпусахъ на восьми становъ. Матеріала въ заготовленіи малое количество“²⁴⁸). И топальская экономія оперировала, главным образом, старыми запасами. „11 числа минувшаго февраля (1792)—пишет Подлузский—нашолъ я въ Топалѣ г. Чепу; онъ изъ Гомля туда пріехалъ, и продалъ Лайкевичу на 13.000 р. давней работы парусины, а на 10000 р. еще оной прочнѣйшей остается“²⁴⁹). Цыфры—очень крупные, обозначающие, судя по данным 1781 года, производство мануфактуры почти за 4 года. Если на складах мануфактуры были такие залежи, то можно говорить об отсутствии постоянного сбыта. Не здесь ли кроется об'яснение упадка Топальской мануфактуры, несколько, может быть, переросшей себя²⁵⁰). А между тем еще в 1786 году Шафонский говорит как будто о недавно заведенной фабрике²⁵¹). Ману-

²⁴⁵) „Журнал“ № 24. (Письмо к Чепе от 26/VII 1792 г.).

²⁴⁶) Ibid., № 81.

²⁴⁷) Ibid., № 19.

²⁴⁸) Ibid., № 100.

²⁴⁹) Ibid., № 3 (письмо Подлузского к Румянцеву от 13/II (?), 1792 года). В августе 1792 года в Черешенки было прислано Чепой из топальской экономіи—17800 р. („Журнал“).

²⁵⁰) О неурядицах в Топали см. еще „Журнал“, № 70.

²⁵¹) Шафонский, 20.

фактура, кажется, недолго пережила своего фельдмаршала, хотя год смерти ее неизвестен²⁵²). Надо думать, что это случилось еще в конце XVIII века. Так погибло последнее крупное предприятие первой половины XVIII столетия в области полотняной промышленности в Гетманщине.

V.

Суконное производство было старым и развитым промыслом на Украине. Сукновальни были обычной принадлежностью каждого мало-мальски благоустроенного хозяйства. Это, с одной стороны, развило в местном населении определенные промышленные навыки, с другой—не вполне благоприятно отразилось на крупном производстве сукон в XVIII столетии. Российское правительство еще при Петре I, озабоченное обмундированием новой армии, рано обратило внимание на украинское овцеводство. Целым рядом указов и предписаний велено было заводить овчарные заводы, причем население привлекалось к принудительному обслуживанию их, а юлковая и сотенная старшина должна была наблюдать за исполнением этих указов. Кроме того, частное овцеводство было подвергнуто мелочной регламентации и строгому контролю²⁵³). Имелось в виду доставить русским фабрикам дешевое сырье²⁵⁴). Насильственная, вторгавшаяся резким образом в местное хозяйство, эта мера вызывала только

²⁵²) Домонтович (op. cit., с. 353) относит возникновение 6 новозыбковских парусинных фабрик к концу XVIII (90-е годы)—началу XIX столетия. Может быть, эти выросшие из кустарной избы фабрики были симптомом разложения румянцевской мануфактуры и добились ее окончательно. Две парусные фабрики, упомянутые в Ведомости о фабриках и заводах Черниговской губернии начала XIX в. (1802 г.?), с количеством рабочих „по произволению хозяев“,—были, вероятно, новыми предприятиями, уцелевшими до времен Домонтовича (Труды Полтавской Уч. Арх. Комиссии, вып. XII, с. 109). Указание Домонтовича повторено и в издании Стат. Отд. Черн. Губ. Земства—Оценка недвижимых имуществ Черниговской губернии (Черн. 1886), ч. III, с. 160.

²⁵³) Слабченко, Малорусский полк, 270—72; Русск. Зап., 1915, VIII, 172—73; Соловьев, кн. IV, 788; Черн. Губ. Вед., 1850, с. 87—94, 102—104; Киевская Старина, 1889, X, с. 179—182; 1890, III, с. 540—42. См. рукописи Библиотеки Киевской Духовной Академии, Муз. Рук. 651, т. I.

²⁵⁴) Зап. Наук. Тов. у Львові, т. 105, стор. 87—88. См. Дневник Марковича, I, 228 (27/IV 1725).

недовольство, кое-где переходившее в раздражение, и не имела особенного успеха ²⁵⁵). Однако, в связи с ней находится организация суконной промышленности на Украине, на началах крупного производства. Оно долго не прививалось на Украине. Первая половина столетия была для него мало благоприятной, несмотря на правительственную поддержку и казенные заказы, а, может быть, и благодаря им. Оба предприятия этой отрасли промышленности—Путивльская и Рясковская мануфактуры переживают длинный ряд лет, когда, сменяя одного владельца за другим, они долго не удовлетворяют ни ожиданий правительства, ни чаяний частных лиц. И только во второй половине столетия, когда слабеет правительственная опека, когда расширяется рынок, эта промышленность постепенно развивается, однако, преимущественно в формах вотчинной фабрики.

Старейшим представителем крупной суконной промышленности в Левобережной Украине была Путивльская суконная мануфактура ²⁵⁶), которая пережила в первой половине столетия ряд изменений и превратностей судьбы, характерных вообще для того времени, выдвигающих это очень интересное предприятие на видное место среди украинских мануфактур. В 1719 году „состоявший при ее имп. вел. и пользовавшийся особою ее милостию“ келлермейстер Иван Матвеевич Дубровский „бил челом“ императрице Екатерине Алексеевне „о бытии ему под протекциею е. в.“ и просил разрешения построить на свои деньги „суконный завод“ на своей земле, купленной им у путивльских помещиков, именно в селах Званном и Глушкове, Путивльского уезда. Дубровский рассчитывал построить „завод“ в три года; обязывался, по истечении этого срока, платить $\frac{2}{3}$ прибыли императрице, довольствуясь для себя одной третью ²⁵⁷). Здесь есть,

²⁵⁵) Слабченко, 272. В Прилуцком полку насчитывалось кошар: в 1725 году—140, в 1744 году—68; овец в них было: в 1725 году—47157, в 1744 году—около 7000 (Румянцевский Музей, Архив Марковича, №№ 3325, 3395). См. Чтения Моск. Общ. Ист. и Др., 1858, III, отд. V, с. 86.

²⁵⁶) При с. Глушкове (на р. Сейме), впоследствии Рыльского уезда Курской губернии (Семенов, Геогр.-стат. словарь, I, 644).

²⁵⁷) Сб. Р.И.О., т. 94, с. 592; Семевский, ор. cit., I, 542, пр. 4; Лаппо-Данилевский, ор. cit., 25; заметка Н. Добротворского в Киевской Старине, 1886, т. XVI, декабрь, с. 741—743.

конечно, некоторая неясность, этикетальная недоговоренность правительственных документов. Позднейшая история мануфактуры показывает нам второстепенную роль в этом предприятии Дубровского, через несколько лет легко и окончательно потерявшего не только фабрику, но и „свои купленные земли“²⁵⁸). Зато особенно интересна роль императрицы. В письме к гетману Скоропадскому от 7/ХІІ 1720 г. Екатерина Алексеевна называет вновь заводимые „суконные заводы“ в Путивльском уезде своими, а Дубровского их „управителем“²⁵⁹). Но это не решает вопроса. Дубровский впоследствии доказывал, что фабрику он „строил прилежными и неусыпными своими трудами, собственным своим немалым коштом, не для одной своей собственной прибыли, но более для государственного плода и приращения... и. в-ву интереса“²⁶⁰), „на покупных своих землях, не взяв из казны... и. в-ва ни единой копейки“²⁶¹). Он действует на фабрике совершенно самостоятельно, входит в компанию с Корчминым и недоумевает, почему в указе 1726 года о подчинении мануфактуры Малороссийской Коллегии он „написан... управителем, а не компанейщиком“²⁶²). Свои отношения к императрице он представлял впоследствии, как особливую „милостивую дирекцию“ Екатерины Алексеевны над фабрикой²⁶³), за что он обязался с 1726

²⁵⁸) Эта легкость отнятия у Дубровского мануфактуры затруднила Н. Добротворского, не имевшего в своем распоряжении соответствующих документов, признать Дубровского собственником мануфактуры. Добротворский допускает только временное пользование или аренду (Киев. Стар., 1886, декабрь, 742) и предполагает возможность личной инициативы Петра (*ibid.*). См. Голиков, Деяния, XIII, с. 513. Лаппо-Данилевский называет Путивльскую мануфактуру казенной (с. 24—25).

²⁵⁹) Чт. Моск. Общ. Истории и Древн., 1848, I, 106; Материалы военно-ученого Архива Главного Штаба, I, 556 (см. *ib.*, 840); „суконные заводы благоверные г. царицы и в. к. Екатерины Алексеевны“ (1728 г. — „Материалы для истории церквей Курской... губ.“, Москва, 1913, с. 99, 101).

²⁶⁰) Сб. Р.И.О., т. 138, с. 147.

²⁶¹) Сб. Р.И.О., т. 130, с. 31.

²⁶²) *Ibid.*, с. 33.

²⁶³) Сб. Р. И. О., т. 138, с. 147. Интересен приводимый в „Анекдотах“ Голикова рассказ о покровительстве Екатерины Алексеевны Дубровскому (Голиков, Деяния, XV, анекдоты, с. 80—82).

года платить императрице 3000 рублей в год ²⁶⁴). Несомненно под „милостивой дирекцией“ скрывалось более интересное отношение императрицы к Путивльской мануфактуре; она, вероятно, была пайщиком в этом предприятии, негласным компанейщиком. Дубровский, кажется, был дворцовым слугой и лично известен Петру I ²⁶⁵). Это весьма предприимчивый и беззастенчивый ²⁶⁶) человек, неутомимая натура, не унывавший в тяжелые времена жизни. В 1718 году ему пожалованы были в Галицком уезде Архангелогородской губернии, на р. Унже, „порозжие земли под строение соляных заводов“. Уже разоренный, он в 1738 году намерен был на этих землях построить овчарные заводы и разные фабрики, „от которых может быть государственный немалый плод и народная польза и мне, бедному, пропитание“ ²⁶⁷); „через помощь божию уповаю завести до 100000 овец; и для умножения того завода буду иметь баранов разных родов из иностранных дальних государств, которых доставать буду своим капиталом, отчего в пользу государственную покажу немалый прибыль“ ²⁶⁸). Идея Путивльской мануфактуры, повидимому, принадлежала ему. Соответствующее предложение Дубровского было принято, и 18/VIII 1719 года его прошение было переслано „при ведении“ из Кабинета в Берг-Коллегию, причем велено было „по тому прошению надлежащее удовольствие учинить и о вспоможении послать указы куда надлежит“ ²⁶⁹), без замедления ²⁷⁰). 27/VIII Коллегия.

²⁶⁴) Сб. Р. И. О., т. 130, с. 33; *ibid.*, т. 138, с. 148.

²⁶⁵) Известные официальные документы нигде не упоминают о чине Дубровского; сам он в своих челобитных именуется только „фабрикантом“. Повидимому, в 1719 году он был отставным келлермейстером (Киев. Стар., 1886, XII, 742). О должности келлермейстера—Внутренний быт Русского Государства 1740—41 г.г., I, с. 362—65. По другим, кажется, менее точным данным, это был отставной камермейстер (Обзор различных отраслей мануф. пром., I, 184; см. Туган-Барановский, Русская фабрика, 13).

²⁶⁶) „Насильник“—называл его в 1728 году кн. М. М. Голицын (Сб. Р. И. О., т. 84, с. 158).

²⁶⁷) Сб. Р. И. О., т. 130, с. 31—32.

²⁶⁸) *Ibid.* с. 35.

²⁶⁹) Сб. Р. И. О., т. 94, с. 592.

²⁷⁰) Сб. Р. И. О., т. 130, с. 37.

определила „означенные суконный и овчарный заводы ему, Дубровскому, в показанных местах завести в 3 года своими деньгами и мастеровыми и работными людьми, а коликое число на тех, суконном и овчарном, заводах строения будет построено, и инструментов изготовлено, и что каких сукон в год будет делаться, и какими ценами будет обходиться, и мастеров, и учеников, и работников будет прибавляться, также и овец сколько будет в покупке и приплоде, и с них шерсти будет снято, и та шерсть в какую цену обойдется, о том ему, Дубровскому, в Берг-Коллегию и в Кабинет ее величества присылать ведомости, со обстоятельством, повсягодно, и чтоб ему те суконный и овчарный заводы впредь размножить, а сделанные сукна продавать ему с запискою и с платежом обыкновенных пошлин, без утайки“²⁷¹⁾. „Во исполнении оногo“ Дубровский подписался „под лишением движимого и недвижимого имени“²⁷²⁾.

Дубровский начал устраивать фабрику, вероятно, в начале 1720 года²⁷³⁾. Повидимому, ему пришлось столкнуться с большими трудностями. Ему разрешено было заводить фабрику „своим коштом, мастеровыми и работными вольными людьми, из найма“. Впоследствии Дубровский указывал, что он „мастеровых и работных людей умножил и содержал из немалой платы и дачею провианта более 400 человек“²⁷⁴⁾, от чего „пришел в великие долги“, которые в 1738 году исчислял более 3000 руб.²⁷⁵⁾. В 1720 и 1721 годах он исправно доставил требуемые ведомости о состоянии фабрики в Кабинет и Берг-Коллегию²⁷⁶⁾. 12/XI 1721 года он подал доношение в Кабинет о том, что „суконные и овчарные заводы приводятся у него в окончание, и притом объявил, что в Путивльском же уезде у разных

²⁷¹⁾ Ibid., с. 636.

²⁷²⁾ Сб. Р. И. О., т. 94, с. 592.

²⁷³⁾ В 1738 году Дубровский писал, что „оную фабрику строил... 6 лет“ (Сб. Р. И. О., т. 130, с. 31), причем отмечал 1720 год, как начало „постройки“ фабрики (ibid., с. 31, 32).

²⁷⁴⁾ Сб. Р. И. О., т. 130, с. 32.

²⁷⁵⁾ Ibid., с. 31.

²⁷⁶⁾ Ibid., с. 636.

помещиков купил он, для лучшего тех заводов распространения, несколько земли, на которую объявил и крепости“. 16/XI Кабинет, сообщая об этом Берг-Коллегии, просил „по тем крепостям оную землю справить и отказать за рим“ (Дубровским). Однако, Берг-Коллегия затребовала от Дубровского более полных сведений о прежних и вновь купленных землях ²⁷⁷). Расширяя земельные владения мануфактуры, Дубровский, между прочим, „завладел насильно“ Корыжскою сотнею Сумского полка „с козаками и их подмощиками и с подданством“ ²⁷⁸). Впоследствии корыжские жители жаловались на притеснения Дубровского: „в 719-м году, как устроился путивльский суконный завод близ села их Корыжа, и их, всей той сотни козаков, определено к тому заводу в подданство, и вольности их и против прежнего состояния у них отняты мельницы и рыбные ловли, и в винокурнях вина курить запрещено, и у других и казаны поотобраны, и что было им винную продажу и пивом и медом шинковать—также отрешено, и служат к тому заводу всякую работу и дают подати и подводы, да той мануфактурной конторе платят на год круп гречневых по 3 четверика, пшена и овса по тому ж с двора, на те же заводы для пряжи шерсти берут жен и детей их, и домашние их нужды затем остановились, отчего пришли они во всеконечную нищету“ ²⁷⁹). В 1722 году возникло довольно интересное дело о „насильном завладении“ Сумского полка Корыжской сотни компанейщиком Иваном Дубровским, тянувшееся несколько лет ²⁸⁰). Очевидно, понадобилась прямая и сильная защита. Тогда выступает местный помещик, человек богатый и чиновный, один из мало знакомых нам деятелей петровской эпохи—бригадир и лейб-гвардии майор Корчмин ²⁸¹), бывший денщик Петра I, кажется, и раньше связан-

²⁷⁷) Ibid., с. 37.

²⁷⁸) Сб. Р. И. О., т. 94, с. 590.

²⁷⁹) Ibid. с. 598.

²⁸⁰) Ibid., с. 589—598.

²⁸¹) Василий Дмитриевич Корчмин, впоследствии генерал-майор и александровский кавалер (Сб. Р. И. О., т. 79, с. 1; т. 94, с. 275, 621, 750), умер в 1729 году, не оставив потомства. Имя его, как выморочное, по указу Верх. Тайн. Совета перешло в казну (Сб. Р. И. О., т. 130, с. 39).

ный с Дубровским некоторыми общими делами. Дубровский и Корчмин обратились 7/II 1722 года в Берг-Коллегию с прошением, где извещали; что „суконный и овчарный заводы строят они на своих купленных землях, своим иждивением, обще, в компании“. Компанейщики просили об отпуске „для размножения означенных заводов“ Дубровского, повидимому, задержанного в Петербурге; ответчиком по делу „сумских черкас“ должен был быть Корчмин²⁸²). Берг-Коллегия признала компанию, и 16/II 1722 года „по приговору Коллегии, оные Корчмин и Дубровский сказкою объявили, что вышеобъявленные заводы впредь они, компанейщики, обще будут размножать со удовольствием и делать всякие сукна, каразеи и стамеды, понеже де они заводят и впредь размножать станут своим коштом“²⁸³). Неясно, в какие отношения становился новый компанейщик к другому и, во всяком случае, главному участнику предприятия—императрице. Надо думать, что все права ее двух третей оставались гарантированными, хотя документы ничего об этом не говорят. Поделил ли Дубровский с Корчминым лишь свою третью часть, или же по этому предмету было особое соглашение императрицы с Корчминым,—сказать трудно. Между Корчминым и Дубровским был заключен соответствующий договор²⁸⁴). Суть отношений между ними состояла в следующем. Корчмин „в Путивльском уезде из выменной своей земли, которая дана ему за службы в вотчину, несколько продал, а достальные отдал во владение

Будучи стольником, Корчмин послан был за-границу учиться артиллерийскому и инженерному искусству. Начиная с 1700 года, неоднократно получал ответственные поручения, как опытный и сведущий инженер (Соловьев, История России, кн. III, с. 1242—42, 1477). Человек очень богатый, крупный землевладелец и заводчик, он был близок ко двору и одно время был денщиком Петра I. Интересна его переписка с Петром I. О нем ценный материал в Письмах и бумагах Петра Великого, Докладах и приговорах Сената, Описании дел Архива Морского Министерства, Сборнике Русск. Ист. Общ., соответствующих томах Сборника военно-историч. материалов и др. изданиях памятников того времени; см. Квадри, Свита Петра Великого, с. 25—29.

²⁸²) Сб. Р. И. О., т. 130, с. 37.

²⁸³) Сб. Р. И. О., т. 91, с. 592.

²⁸⁴) Сб. Р. И. О., т. 130, с. 637.

погодно Дубровскому; и продавцы де, путивльские помещики, и он, Корчмин, написались в купчих его, Дубровского, очищать; и по таким де продажам оный Дубровский теми покупными землями владеть стал, а на тех де землях люди вольные, черкасы, поселения путивльских помещиков исстари“. Это обстоятельство, само по себе чрезвычайно интересное, объясняющее нам целый ряд моментов начальной истории Путивльской мануфактуры, значительно осложнило дело. Объясняя условия мобилизации земельной площади мануфактуры, Корчмин писал императрице: „из путивльских де дворян некоторые, для разорения от упомянутых сумских черкас и для пропитания своего, из земель своих продали, из которых де и за ним имеется больше 1000 четви, также и к суконным заводам пристойные земли куплены радением Дубровского прямы крепостные дворянские, а не их черкасские“. „Оные де земли—писали компанейщики в Берг-Коллегию—они покупали обще, на свои деньги... на общие деньги“²⁸⁵). Два человека, один—крупный землевладелец данной местности и влиятельный офицер, другой—предприимчивый и зажиточный дворцовый слуга, составляют компанию для эксплуатации данного хозяйственного района и его населения, удачно воспользовавшись трудным положением здешних мелких помещиков. Дубровский занят был на месте; Корчмин защищал интересы компании в Петербурге²⁸⁶). За ними стояла императрица. Следствие по делу о захвате Корыжской сотни велось медленно и вяло. Сенат указом 7/II 1722 года передал дело на „исследование“ и рассмотрение Берг-Коллегии. В том же году „ее и. величество указала Дубровского немедленно отпустить на заводы, а в ответе останется Корчмин“, что и было исполнено Берг-Коллегией²⁸⁷). Только в 1724 году указом из Кабинета в „канцелярию свидетельства душ“ Киевской губернии велено было „в Путивльском уезде суконную фабрику, которая обретается под дирекциею ее величества, у компанейщиков бригадира Корч-

²⁸⁵) Сб. Р. И. О., т. 94, с. 594.

²⁸⁶) Ibid., с. 594, 595.

²⁸⁷) Сб. Р. И. О., т. 94, с. 594—595.

мина и Ивана Дубровского, на купленных их землях, осмотреть по предложенным пунктам и, осмотря подлинно, против всякого пункта подписать“. Следствие должно было установить, „земли, села и деревни, которые у компанейщиков, Путивльского ль уезда или Сумского полка“, выяснить историю путивльской межи и заселения Коружской сотни. В такой постановке вопроса результаты следствия были predeterminedены. Дубровский показал, что „до его владения в тех селах и деревнях в насильном владении Сумского полковника с старшиною в то время (чтоб теми селами и деревнями у путивльских помещиков завладеть) написали сумские из подданных черкас козаками, а бытности его те черкасы стали быть, из воли своей, по черкасской обычности, в подданстве добровольно“. В исторической перспективе вопрос становился спорным, и следственные власти, повидимому, разрешали его в угоду Кабинету. Выяснилось, что за компанейщиками жило в 11 селах (Коруже, Глушкове, Званном, Глушце, Кульбаках, Теткине, Кобылках, Сухиновке, Комаревке, Дьяконовке, Коровяковке) и 5 деревнях (Мужице, Заболотовке, Вишневке, Худяковке, Казыревке)—жителей, кроме детей их, свойственников и работников, 1855 человек, а всего 7873 души „черкас“, в 1429 дворах. Результаты следствия были пересланы в 1725 году в Мануфактур-Коллегию. Там дело было похоронено, и Сенат в 1729 году отмечал, что „от Мануфактур-Коллегии никакого определения не было“ ²⁸⁸). Лишь после смерти Екатерины I дело снова было поднято по жалобе коружских сотнян и жителей, поддержанной старшиной Сумского полка. Ходатайству был дан ход фельдмаршалом кн. М. М. Голицыным. 2/V 1729 года Верховный Тайный Совет поручил расследование по этому делу кн. Голицыну (указ 14/V 1729 ²⁸⁹). Еще ранее, в 1727 и 1728 годах, Сенат поручил рассмотрение этого дела Вотчинной Коллегии, обязав ее представить свое мнение в Сенат в двухнедельный срок со дня получения указа. Вотчинная Коллегия также не сделала ничего ²⁹⁰). Дело, повидимому, окончилось не в пользу Сумского

²⁸⁸) Ibid., с. 595—598.

²⁸⁹) Ibid., с. 598, 500, 589—590.

²⁹⁰) Ibid., с. 598.

полка. Путивльская мануфактура в то время была уже описана в казну, причем за ней числилось в 18 селах и деревнях „малороссийского народа“ 1248 дворов²⁹¹⁾. Эти „черкасы“ остались приписанными к фабрике до середины XIX века²⁹²⁾.

Мануфактура развивалась довольно медленно. Императрица всячески помогала ей. Извещая в конце 1720 года гетмана Скоропадского о том, что „управитель Дубровский отправлен к тем заводам по прежнему“, Екатерина писала: „когда он будет вам доносить о надлежащих делах со стороны тех заводов, дабы приказали чинить ему вспоможение, да и в региментах своих для ведома о том объявите“²⁹³⁾. Тем самым Путивльская мануфактура отчасти связана была с украинской администрацией, и эта связь продолжалась и позже. 7/IX 1725 года Дубровский писал своему компаньону о том, „чтоб в Мануфактур-Коллегию рапортовать, что на их мануфактуре имеется суконных станов 30, и в год могут на оных сделать 30 тысяч аршин, а стамедных станов имеют 40, на которых могут сделать доброго стамеду 50 тысяч аршин, а ежели случится на подборь чтоб подлые были, то можно сделать в год 70 тыс. аршин, а каковы посланы 4 пробы стамедных, таковы на всех станах делаются, и чтоб их объявить государыне императрице“²⁹⁴⁾. В 1725 году, повидимому, в связи со следствием по делу о захвате земель Сумского полка, мануфактура была „свидетельствована“ комиссией в составе полковника Чернышева, нескольких обер-офицеров и секретаря. „Свидетельство“ Чернышева с „настоящими описями“ в том же году было доставлено в Кабинет и Мануфактур-Коллегию. Повидимому, заключение Чернышева было благоприятно для компанейщиков. „Оная моя фабрика—вспоминал в 1738 году Дубровский

²⁹¹⁾ Сб. Р. И. О., т. 130, с. 38.

²⁹²⁾ В 1767 году сумское дворянство в наказе свосму депутату в Екатерининскую комиссию вспоминало о „неправильном“ завладении Дубровского и Корчмина Корыжской сотней и просило подтверждения „прежних грамот“ (Сб. Р. И. О., т. 68, с. 283—84). Путивльское дворянство тогда же ходатайствовало об отобрании у Путивльской мануфактуры некоторых, неправильно захваченных ею земель (*ibid.*, с. 586).

²⁹³⁾ Чт. Моск. Общ. Ист. и Др., 1848, I, 106; Материалы в.-уч. Арх. Гл. Шт., I, 556.

²⁹⁴⁾ Сб. Р. И. О., т. 94, с. 593; т. 130, с. 637.

о заключении чернышевской ревизии—в добром и действительном состоянии находится; и в то время сделанных сукон было самых добрых в 10000 аршин; кроме подбоев, которых в той описи и свидетельстве показаны именно“. В 1725 г., в связи с результатами ревизии, Мануфактур-Коллегия выдала Дубровскому привилегию, „по которой позволено... с той фабрики из деланных сукон в продажу производить партикулярным людям 4 года без платежа пошлин“. Дубровский обязался с 1726 года ялать в казну императрицы по 3000 руб. в год²⁹⁵). В счет этих денег в мае 1726 года Дубровский, по приказу „собственной е. и. в. вотчинной канцелярии“, поставил „в дом“ императрицы „конюшенного двора служителям на мундир сукон и подбоя на 200 человек, да попон на 100 лошадей, а оные сукна и подбои и попоны принимал... гофмаршал Дмитрий Андреевич Шепелев“²⁹⁶). Еще в 1725 году Дубровский писал Корчмину, извещая его о том, что мануфактура в состоянии снабжать сукнами и подбоями все 13 полков, находившихся тогда в Киевской губернии. 8/І 1726 года он сообщил Корчмину о том, что „ныне отдавать будут васильковые сукна на драгунский Роппов полк, и надеются на божескую милость, что нынешнего 726 г. на 3 полка сукон кончая отдадут“²⁹⁷). Корчмин сообщил об этом в Мануфактур-Коллегию, причем „объявил пробы с надписанием цены и требовал, дабы оные отослать в Военную Коллегию“²⁹⁸). Однако, положение дел на мануфактуре тревожило Екатерину. Большую роль, вероятно, сыграли те „нападки“ кабинет-секретаря Макарова „с товарищи“, о которых впоследствии вспоминал Дубровский²⁹⁹). Получив заявление Корчмина, Мануфактур-Коллегия 7/ІІ 1726 года послала указ „комиссару Ахтырских табачных заводов“ Павлову с предписанием „на оной фабрике осмотреть, сколько имеется налицо отделанных

²⁹⁵) Сб. Р. И. О., т. 138, с. 147—148.

²⁹⁶). Сб. Р. И. О., т. 138, с. 148; т. 130, с. 32, 33.

²⁹⁷) Сб. Р. И. О., т. 130, с. 637, 638; т. 94, с. 593.

²⁹⁸) Сб. Р. И. О., т. 130, с. 637; т. 94, с. 592.

²⁹⁹) Сб. Р. И. О., т. 130, с. 31, 33, 34; т. 138, с. 148.

сукон и стамедов, по цветам, и такую-ль добротую, каковы объявлены от Корчмина, також сколько и неотделанных сукон, стамедов и прочёго на лицо порознь“. Ревизия Павлова застала Дубровского врасплох. На фабрике „отделанных сукон ничего не явилось, токмо де явилось неотделанных сукон 2300 аршин, да стамедов и каразей крашенных 839 аршин“, о чем 12/VII 1726 года Павлов и донес Мануфактур - Коллегии, указывая, что „по требованию его оный Дубровский о том сказки не дал“³⁰⁰). Мануфактур-Коллегия, представляя 23/VII в Кабинет результаты ревизии Павлова, полагала, что „за вышеписанное неправдивое о сукнах объявление и за ослушание в даче сказки надлежит его, Дубровского, выслать за караулом и допросить“. 12/VIII Кабинет писал в Мануфактур-Коллегию, что „е. и. в. указала оного Дубровского взять в Малороссийскую Коллегию под караул и о всем допросить и, исследовав, прислать то следствие со мнением, за подписанием членов, в Мануфактур-Коллегию, також и его, Дубровского, выслать за караулом, а пожитки его и деревни, которыми он владел, описать и доходы собирать на е. и. в. А на место б его, Дубровского, Мануфактур - Коллегии, выбрав, послать доброго человека, дабы оной мануфактуре ни в чем не было остановки, но производилась бы в доброе состояние“,³⁰¹). Еще ранее, в том же 1726 году, велено было „управителю“ Дубровскому быть „во всем послушну генералу - майору г. Вельяминову и о всем его репортовать“³⁰²). На мануфактуру „для описи тых деревень и протчего“ послан был из Малороссийской Коллегии поручик Вейстов. Населению Гетманщины было объявлено через Генеральную Войсковую Канцелярию, что в Коллегии принимаются челобитные на Дубровского³⁰³). В сентябре фабрика, а с ней все движимое и недвижимое имение Дубровского были взяты в казну.

³⁰⁰) Сб. Р. И. О., т. 94, с. 592—593; т. 130, с. 37—38, 638.

³⁰¹) Сб. Р. И. О., т. 94, с. 593; „за худые его поступки“ (т. 130, с. 39, 638—639).

³⁰²) Сб. Р. И. О., т. 130, с. 33.

³⁰³) Разные указы Ген. Войск. Канцелярии 1726 года (рукопись Библиотеки Киевского Университета, № 101, т. IV), л. 29—29 об. См. приложения к настоящей книге, № 11.

Дубровский был арестован и содержался в Малороссийской Коллегии „под жестоким караулом“ 8 месяцев³⁰⁴). За Дубровским оказались разные „худые поступки“; окрестные помещики били челом на Дубровского „в завладении им... земель с поселенными черкасами, дворами и прочими угодьями“. На допросе Дубровский показал, что спорными землями он владел по купчим крепостям; „неправдивое о сукнах объявление“ объяснял неточным заявлением Корчмина в Мануфактур-Коллегию. О результатах следствия Малороссийская Коллегия 17/VII 1727 года уведомила Мануфактур-контору³⁰⁵). В 1727 году ордером за подписью Макарова и указом из Кабинета Вельяминову приказано было Дубровского, „ежели (до него) не будет касаться по делам какой важности, то б свободить на крепкие поруки, а ежели добрых порук нет, то послать (его) на те заводы за караулом; и чтоб (он) на тех заводах за караулом был неотлучно“. Императрица озабочена была, „дабы на тех заводах не учинилось без (Дубровского) остановки“³⁰⁶). Дальнейшая судьба злополучного „фабрикана“ неясна. Повидимому, все дело ограничилось отобранием фабрики и конфискацией имущества³⁰⁷). Впоследствии Дубровский жаловался, что он „пришел во всеконечное разорение и убожество... а займодавцы тех своих долгов (более 3000 руб.) ныне (1738 г.) на мне беспрестанно взыскивают“; что „от займодавцев по многим судебным местам всегда в заключении мучим бываю“; „и претерпеваю я от них немалое, принуждение, а заплатить ни малой части не могу и оттого нахожусь в великой нищете, так что с женою и с детьми моими и дневной пищи не имею“³⁰⁸). Фабрика не была ему возвращена.

³⁰⁴) Сб. Р. И. О., т. 130, с. 31, 34.

³⁰⁵) Ibid., с. 639.

³⁰⁶) Ibid., с. 33.

³⁰⁷) Дубровский впоследствии писал, что „худых (его) поступок никаких не явилось“ (Сб. Р. И. О., т. 130, с. 34). Н. Добротворский, на основании документов архива Глушковской фабрики, говорит, что она отнята была у Дубровского „за жестокое обхождение с мастерами“ (Киев. Стар., 1886, XII, с. 742).

³⁰⁸) Сб. Р. И. О., т. 130, с. 31, 36; т. 138, с. 148.

На мануфактуру был отправлен ассессор Мануфактур-Коллегии Неелов³⁰⁹), „и в правлении его дела как поступать, дана ему от той Коллегии (Мануфактур) и инструкция“. „Вторичным“ указом императрицы определено „отписные одного Дубровского деревни и наличные припасы, хлеб и прочее и всякие доходы, чем он, Дубровский, ту мануфактуру содержал, от Малороссийской Коллегии отдать оному ассессору Неелову в полное ведение“³¹⁰). Императрица избавилась от нерадивого приказчика. Но это было началом злоклучений и мануфактуры и ее компанейщиков. Дубровский писал, что оттого „в... и. в. интересу учинилось утраты более 30000 рублей“³¹¹). Мануфактура еще не наладила своей работы. В 1727 году Неелов сообщал, что на мануфактуре было суконных станов—32 (в том числе с основами 22); „порозжих“—20 (в том числе новых, без инструментов—10); стамедных—37 (в том числе „порозжих“—13); мастеров и работных людей, „русских и иноземцев и черкас“, было 455 человек. Зато сукна, каразеи, байки и стамеда оказалось в наличности небольшое

³⁰⁹) Иван Неелов, в службе с 1699 года (Сен. Арх., III, 360); ассессор Мануфактур-Коллегии (1726); поручено ему ведать Путивльскую мануфактуру в 1726 году (Сб. Р. И. О., т. 94, с. 593); повидимому, управление его мануфактурой продолжалось не дольше начала 1729 года; в 1728 году производилось следствие по делу о взятых им в Екатеринбурге казенных деньгах (Баранов, II, с. 150, № 3041); кажется, дело сошло ему благополучно, так как в 1732 году он, в прежнем ранге ассессора, упоминается на службе (Баранов, II, 277—278, № 4312); ассессор Коммерц-Коллегии (Сб. Р. И. О., т. 104, с. 463); прокурор Штатс-конторы в 1736 году (Баранов, II, с. 436, № 5693); повелено ему присутствовать в Канцелярии от строений в звании товарища (*ibid.*); член той же канцелярии в 1739 году (Сб. Р. И. О., т. 126, с. 363); советник (1739 г.—Сб. Р. И. О., т. 130, с. 611); в 1711 году просил о награждении рангом и „от дел Канцелярии от строений свободить“ (Сен. Арх., III, с. 360). Ivan Nejelow назван в Остермановском списке кандидатов в вице-президенты и советники коллегий (Строев, Бироновщина, I, 181). См. Дневник Ханенко, 251. В 1711 году Сенат докладывал о награждении его рангом статского советника (Сен. Арх., IV, 291).

³¹⁰) Сб. Р. И. О., т. 94, с. 593. Таким образом, вряд ли можно говорить о „содержании“ (в смысле владения) Неелова, и утверждения Лаппо-Данилевского (*op. cit.*, 25) и Семейского (*op. cit.*, I, с. 512, пр. 4)—неточны. Можно говорить лишь об „управлении“.

³¹¹) Сб. Р. И. О., т. 130, с. 31.

число—7187 аршин (из них половина некрашенных ³¹²). Национализация мануфактуры затронула интересы ряда лиц. Прежде всего должен был быть удовлетворен компанейщик Корчмин. Его показания и справка Рыльской Канцелярии удостоверяли, что из отписанных у Дубровского в 1726 году 1511 четвертей, самому Дубровскому принадлежало, собственно, 316, а остальные причитались Корчмину. „Впредь до подлинного рассмотрения“ Корчмину была отделена из этих сел и деревень половина ³¹³). Далее, неутомимый „фабрикан“ Дубровский в течении 13 лет, до самой смерти (1740), почти всегда тщетно беспокоит правительство своими жалобами и челобитьями ³¹⁴). Ему были возвращены, 12 лет спустя, лишь усадьба в с. Глушкове и уцелевшая движимость ³¹⁵). Наконец, выступило новое лицо, и несколько неожиданное и очень значительное. Это была сама цесаревна Елизавета Петровна, вотчинная канцелярия которой доносила 19/VI 1728 года Верховному Тайному Совету, что „оный завод, по вышеписанному в... и. в. именному указу (об отдаче всех вотчин имп. Екатерины I—ее дочери Елизавете Петровне) надлежит быть во владении ее выс., для того что тот завод построен под именем е. и. в.“ ³¹⁶). Однако, доказать свои права Елизавета Петровна не могла. Выделение доли Корчмина, в связи с другими обстоятельствами, вряд ли благоприятно отразилось на мануфактуре. Неелов рапортовал в 1728 году, что „за выбылыми из оной мануфактуры мастеровыми и работными людьми

³¹²) Ibid., с. 38, 39.

³¹³) Ibid. с. 38.

³¹⁴) Сб. Р. И. О., т. 120, с. 275, 299; т. 130, с. 30—36; т. 138, с. 147—149; Баранов, II, с. 638, № 7398. См. Сб. Р. И. О., т. 104, с. 221, 333.

³¹⁵) Сб. Р. И. О., т. 130, с. 641—642; Баранов, II, с. 625, № 7301; Сенатский Архив, III, 198. После смерти Дубровского с ходатайством о возвращении фабрики обращается в 1741 году его вдова Пелагея Алексеевна Дубровская. Сенат постановил возвратить ей только за отданные Полуярославцеву готовые сукна и прочие „парчи“ и материалы, хлеб и скот, за всякими вычетами, 5618 руб. 95 коп. (Сенатский Архив, III, 198; см. Сб. Р. И. О., т. 130, с. 635). См. Сен. Арх., V, 56, 114—15.

³¹⁶) Сб. Р. И. О., т. 94, с. 590—591. См. *ibid.*, т. 81, с. 696; Семейский, II, 125—26.

к генералу-майору Корчмину, и которые бежали, и за умершими, и за отпуском мастера иноземца в отечество³¹⁷⁾, на мануфактуре было налицо 303 человека³¹⁸⁾. Впрочем, в следующем—1729 году, по указу Верховного Тайного Совета, недвижимое имение Корчмина, как выморочное после смерти его, было приписано к мануфактуре³¹⁸⁾. Общее наблюдение за мануфактурой принадлежало сначала Мануфактур-Коллегии и ее конторе, а потом Коммерц-Коллегии. На месте мануфактура подведомственна была российской администрации в Гетманщине. На содержание ее шли доходы с приписных деревень; однако, за недостаточностью таковых, на это употреблялись также деньги „из других казенных мануфактурных доходов“, причем казенных денег „на оной фабрике“ числилось 5200 руб. 16 коп.³¹⁹⁾. Неелов был на мануфактуре еще в начале 1729 года³²⁰⁾. После него мануфактурой ведали местный дворянин Иван Бабарсов³²¹⁾ и подканцелярист Василий Артамонов³²²⁾. Убыточность мануфактуры в казенных руках заставила искать частных предпринимателей. В 1731 г. русский суконный фабрикант Дмитриев просил передать ему Путивльскую мануфактуру³²³⁾. О том же в 1731 году ходатайствовал прусский „фервальтер“ фон-Иттер³²⁴⁾. 18/XI 1732 г. именным указом Путивльская мануфактура („мануфактурные заводы“) была отдана московскому купцу и суконному фабриканту Ивану Михайловичу Полуярославцеву³²⁵⁾ „в

³¹⁷⁾ Сб. Р. И. О., т. 130, с. 38.

³¹⁸⁾ Ibid., с. 39.

³¹⁹⁾ Ibid., с. 40.

³²⁰⁾ Диариуш Ген. Войск. Канцелярии 1729 года (рукопись собрания Лазаревского, № 19, т. 2), л. 16 (18/I 1729).

³²¹⁾ Иван Бобарсов, помещик дер. Ржавой, упомин. в 1734 году (Материалы для истории церквей, с. 82). В 1783 году капитану Николаю Бобарсову принадлежало в с. Глушкове 3 души (Труды Харьк. Предв. Комитета, II, ч. 1, с. 401).

³²²⁾ Сб. Р. И. О., т. 130, с. 641.

³²³⁾ Сб. Р. И. О., т. 104, с. 82; Бондаренко, Очерки, 107—108.

³²⁴⁾ Сб. Р. И. О., т. 104, с. 506.

³²⁵⁾ П. С. З., VIII, с. 976, № 6262; Опись Сен. Арх., отд. I, т. 3, ч. 2, с. 115, указатель, sub voce: Сб. Р. И. О., т. 104, с. 489; т. 126, с. 205; Чулков, Описание, т. VI, кн. 3, с. 280. В документах архива Глушковской фабрики владение Полуярославцева названо арендой (Киев-Стар., 1886, XII, с. 712).

вечное содержание". Коммерц-Коллегия заключила с ним контракт, по которому Полуярославцеву отдавалась „фабрика со всеми деревнями и со всяким строением, и с инструментами, и с фабричною и винокуренною посудою, и с овчарными заводами без оценки". Стоимость отданных ему на мануфактуре готовых сукон и „прочих парчей", материалов, хлеба, вина, скота „и прочего", по истечении 5 лет он обязывался в пятилетний срок вернуть в казну „годными на мундир сукнами". Все это было оценено в 17107 руб. 6 коп. Винокуренная медная посуда, пчелы на пасеке (93 улья), овцы и козы (всего 359), также отданные Полуярославцеву, остались без оценки³²⁶). В привилегии, данной Полуярославцеву в 1734 году (2 апреля³²⁷), было сказано, что мануфактура отдается ему „с принадлежащими к ней деревнями, с людьми и со крестьяны, с землями и со всеми угодьями, купленными прежним содержателем Дубровским, и с приписными к той фабрике от г.-м. Корчмина, в вечное и потомственное владение, покамест он будет содержать ее „в добром состоянии" ³²⁸). Полуярославцев пользовался несомненным покровительством правительства Анны: ему был предоставлен ряд льгот. 10/IX 1733 года был утвержден сенатский доклад о нетребовании в 1733 году из деревень, приписанных к Путивльской суконной мануфактуре, работников для построения украинской линии³²⁹). В 1734 году указано было за приписных к мануфактуре людей положенный на содержание полков провиант и фураж платить деньгами³³⁰). В 1735 году, вероятно, в связи с подготовлявшейся войной с Турцией, Путивльской мануфактуре были предоставлены большие права на украин-

³²⁶) Сб. Р. И. О., т. 130, с. 640—41; Лаппо-Данилевский, 25; Семевский, I, 542, пр. 4; Киев. Стар., 1886, XII, 742; Баранов, II, 289, № 4428.

³²⁷) Опись Сенатского Архива, отд. I, т. 3, ч. 1, с. 56, № 2339.

³²⁸) Лаппо-Данилевский, 62, пр. 2 (на стр. 62—63); Семевский, I, 542, пр. 4.

³²⁹) Баранов, II, 322, № 1731; Чулков, Описание, т. VI, кн. 3, с. 250—51. См. II. С. З., т. IX, № 6706.

³³⁰) Сб. Р. И. О., т. 106, с. 433—34; Семевский, I, 477, пр. 2; Чулков, т. VI, кн. 3, с. 251.

скую шерсть. Указом 8/III 1735 года велено было выдать Полуярославцеву одну треть денег вперед „на изготовление сукон и каразей для солдатских мундиров“. Мануфактура была уравнена в правах с русскими фабриками, и запрещено было отпускать из Гетманщины за-границу овчины и шерсть³³¹⁾. Правительство, повидимому, оставило за собой право непосредственного вмешательства в дела мануфактуры. Это вмешательство имело место во время русско-турецкой войны. 19/XI 1735 года состоялся указ л.-гв. подпоручику Василию Суворову отправиться с голландцем ван-Акером на Путивльскую мануфактуру для выделки трех различных сортов сукна, для пробы, и о доставлении необходимых для этого материалов, инструментов и рабочих. Одновременно был дан указ Полуярославцеву о назначении Суворову и Акеру отдельных квартир и предоставлении им потребных материалов и рабочих. 13/I 1736 года им было поручено произвести выделку пробных сукон из четырех сортов шерсти³³²⁾. 12/VIII 1737 года была положена резолюция на прошение Полуярославцева об оставлении во владении его пожалованных ему и приписанных к содержимой им мануфактуре деревень и земель, не размежевывая их вновь³³³⁾. 20/XII 1737 года Кабинет Министров утвердил доклад Военной Коллегии о выделке на фабриках Полуярославцева сукна для обмундирования ландмилицких полков³³⁴⁾.

К концу 30-х годов правительство стало получать сведения о неудовлетворительном состоянии Путивльской мануфактуры. Полуярославцев поставлял плохие сукна и самовольно собирал деньги с приписанных к мануфактуре крестьян, которые притом оставались у него иногда без работы на мануфактуре³³⁵⁾. Это вызвало правительственную ревизию. В Дневнике Марковича под 16/II 1741 года запи-

³³¹⁾ П. С. З. т. IX, № 6706; Баранов, II, 366, № 5120; Чулков, Описание, т. VI, кн. 3, с. 264—66, 288—92.

³³²⁾ Описание Сен. Архива, отд. I, т. 3, ч. 1, с. 359, № 3460—61; Сб. Р. И. О., т. 114, с. 19—20.

³³³⁾ Баранов, II, 496, № 6209.

³³⁴⁾ Описание Сен. Арх., отд. I, т. 3, ч. 1, с. 954, № 5657. См. Сб. военно-истор. мат., XI, 499.

³³⁵⁾ Семевский, I, 542. пр. 4 (на стр. 542—43).

сано: „генерал Кейт и с ним президент Коммерц-Коллегии барон Менгден³³⁶⁾ поехали рано в Глушков осматривать мануфактуру“³³⁷⁾. Результаты ревизии вряд ли были благоприятны для Полуярославцева, тем более, что барон Менгден состоял в родстве со всемогущим тогда фельдмаршалом Минихом, которому, как владельцу Рясковской мануфактуры, Путивльская была особо неприятна. 13/III 1741 года Комиссия для следствия о фабриках доносила в Кабинет, что „ни один фабрикант так худо себя не содержал, как Полуярославцов, ибо он не токмо по заключенным с ним кондициям, по которым ему имеющаяся бывшая казенная Путивльская фабрика отдана, исполнял, но еще оную фабрику и потребных к оной людей и крестьян обижал и разорял, и делал на российскую армию худые сукна... и получал пройском своим немалое число из казны денег, и во всем интересу чинил противность“. Ввиду этого в апреле 1741 г. фабрика „до указа“ была взята в казенное содержание. Надзор за работой поручен был, повидимому, ван-Акеру, который вместе с лейб-гвардии прапорщиком Аргамаковым и „отнял“ фабрику у Полуярославцева³³⁸⁾. Кабинет, рассуждая, что „при нынешнем фабрике осмотре Путивльская суконная содержателя Ивана Полуярославцева фабрика, по учиненному комиссиею точному свидетельству, явилась не токмо недействительна, но и весьма в плохом состоянии, и сверх того помянутый Полуярославцев, по сказке мастеровых людей, явился по той фабрике во многом подозрителен“, постановил „лишить“ его фабрики и послать его на год в крепость или на каторгу. Но отделался он легче³³⁹⁾. Быть может, здесь помогли те взятки, в которых обвиняла Менгдена следственная комиссия 1741—1742 г.г.³⁴⁰⁾. Дело несколько затянулось, и только указом 9/X 1741 года мануфактура была отобрана от Полуярослав-

³³⁶⁾ Карл-Людвиг барон фон-Менгден, камергер и президент Коммерц-Коллегии, был женат на племяннице фельдмаршала Миниха—Христине фон-Вильдеманн (Баранов, III, указатель, 186, sub voce).

³³⁷⁾ Дневник Марковича, II, изд. 1859 г., 130.

³³⁸⁾ П. С. З., XI, с. 483; Сен. Арх., III, 454. См. Сен. Арх., VI, 312—13.

³³⁹⁾ Сен. Арх., III, 554—55.

³⁴⁰⁾ П. С. З., XI, с. 574, № 8506. См. Семеvский, I, 557.

цева. Постановлено было отдать ее более надежным лицам; при этом велено было взыскать с Полуярославцева и отдать крестьянам незаконно собранные с них деньги. От наказания он был освобожден³⁴¹). Надежный человек нашелся не скоро. Общая тенденция казны освободиться от своих убыточных фабрик путем передачи их частным владельцам, особенно резко и отчетливо проявившаяся в начале 50-х годов XVIII века, захватила и Путивльскую мануфактуру. 22/V 1752 года состоялся сенатский указ об отдаче в вечное владение человеку „капитальному“, московскому первой гильдии купцу, фабриканту и табачному откупщику Кузьме Матвееву³⁴²) „казенной суконной Путиловской фабрики с станами и всякого звания фабричными инструментами, с мастеровыми и работными людьми и конторными служителями, кои ныне на той фабрике находятся, кроме тех приказных служителей, которые на ту фабрику из Мануфактур-Коллегии посланы и в перепись при оной не написаны, и со всеми принадлежностями, с селы и деревнями, с людьми и с крестьянами, с землями и со всеми угодьями, с строением и мельницами, не исключая ничего“. Повидимому, Сенат, говоря о „вечном и потомственном владении“, решал вопрос более радикально, нежели думала Мануфактур-Коллегия, предлагавшая отдать мануфактуру „в содержание“. Матвеев должен был фабрику содержать так, „как верному е. и. в. рабу надлежит, употребляя усердное тщание, привести в наибольшее пред нынешним достоинство и размножение и делание сукон также и прочих шерстяных материй хорошим мастерством против иностранного так, чтоб никакой охулки быть не могло, не щадя к тому своего капитала“. Мануфактур-Коллегии предложено было заключить с Матвеевым контракт. На основании его Матвеев обязывался расширить производство и поставлять в течении первых лет по

³⁴¹) Баранов, III, 72, № 8624; Сен. Арх., V, 35, 230; Семевский, I, 542, пр. 4. Впрочем, позже он имел большие неприятности, будучи замешан в дело о „раскольничьей ереси“ (см. Сен. Арх., VII, 420—22).

³⁴²) П. С. З., XII, № 9513; Чулков, История законодательства о табачной промышленности в России до Екатерины II, 33—34. Кроме Путивльской мануфактуры, Матвеев владел красочной, сургучной, ценной и суконной (и каразейной) фабриками в Москве и Московском уезде (Чулков, Описание, т. VI, кн. 3, с. 419, 518—19, 597, 641, 709). О К. Матвееве — Архив Воронцова, XXXIII, с. 35, 47, 58.

30000 аршин, а затем по 50000 аршин в год³⁴²). Переданные Матвееву сукна, материалы и припасы оценены были в 30953 р. 79 к. Деньги эти были им возвращены в казну³⁴⁴). 18/XII 1753 года Матвеев пожалован был в коллежские асессоры и исключен из подушного оклада³⁴⁵). „Старанием“ его Путивльская мануфактура была „весьма умножена“. Матвеев обветшалые деревянные постройки фабрики почти все заменил каменными; земельные владения фабрики были им значительно расширены; он размножил овчарные заводы, причем выписал овец из Голландии. „Собственного своего капиталу“ он употребил на фабрику до 40000 рублей. При отдаче фабрики Матвееву там находилось 50 суконных и 5 каразейных станов. В 1787 году на фабрике было 100 суконных и 16 каразейных станов³⁴⁶). Значительно увеличилось и количество крестьян; в 1770 году при мануфактуре считалось „отданных по указам“: „великороссиян“ м. п. 171, ж. п. 161; „малороссиян“ м. п. 4667, ж. п. 4479; а всего 9478 д. об. пола³⁴⁷). В 80-х годах Путивльская фабрика „почитается в

³⁴²) П. С. З., XIII, № 9986; Семевский, I, 543. См. Чулков, Описание, т. VI, кн. 3, с. 438—39.

³⁴⁴) Лаппо-Данилевский, 25.

³⁴⁵) Баранов, III, 281, № 10348; см. *ibid.*, III, 278, № 10336.

³⁴⁶) Новый и полный географический словарь Российского Государства (Москва, 1788), I, 213—14; Щекатов, Словарь, II, 48; Труды Харьковского Предварительного Комитета, II, ч. 1, с. 42. Число станов „в случае нужды“ могло быть увеличено (Новый словарь, I, 213). Производство мануфактуры в 1773 году оценивалось в 110000 рублей (Чулков, Описание, т. VI, кн. 3, с. 598—99).

³⁴⁷) Семевский, I, 543, пр. 2, 609; см. Сб. Р. И. О., т. X, с. 370.

Следующая таблица представит некоторый материал по вопросу о количестве крестьян, приписанных к Путивльской мануфактуре за время дореформенное (черточками обозначено отсутствие сведений):

		Г о д ы										
		1725	1752	1770	1782	1788	1795	1798	1803	1828	1851	1858
					(4 рев.)				(5 рев.)			
									(9 рев.)			(10 рев.)
М. п.	—	4000 ¹⁾	4838	9103 ³⁾	8735	9121 ⁵⁾	8946	8759 ⁶⁾	8511 ⁷⁾	10670	10842	
Ж.п.	—	—	4640	—	8697	—	—	—	—	11188	10973	
Об.п.	7873	—	9478 ²⁾	—	17432 ⁴⁾	—	—	—	—	21858 ⁸⁾	21815 ⁹⁾	

См. Тр. Харьк. Предв. Ком., II, ч. 1, с. 400.

¹⁾ Новый словарь, I, 213. Повидимому, эти 1000 „малороссиян“ были м. п.

России из самых лучших фабрик как отделкою сукон, так строением и величиною своею“. К. Матвеев умер в 1775 году³⁴⁸). Расширение мануфактуры продолжалось. В 1791 году она должна была поставить в казну 477907 $\frac{1}{2}$ аршин, занимая первое место по размерам производства среди обязанных суконных фабрик Империи³⁴⁹). В том же году Глушковская мануфактура по купчей крепости, с разрешения правительства, перешла на тех же условиях обязательной фабрики к генерал-поручику (впоследствии генерал-аншефу и графу) П. С. Потемкину³⁵⁰). В 1811 году на ней было 563 стана; ежегодно поставлялось в казну (в Комиссариат и для черноморского флота) более 400 тысяч аршин сукна и до 140 тысяч аршин каразеи. Число рабочих на фабрике в 1828 году было 5701³⁵¹). В 1814 году продукция мануфак-

³⁴⁸) Новый словарь, I, 213.

³⁴⁹) П. С. З., XXIII, № 16998, с. 278. О Путивльской мануфактуре упоминает Зуев в своих Путешественных записках (с. 193). В начале XIX в. Глушковская и Рясковская фабрики считались обязательными суконными фабриками I класса (П. С. З., т. XXVII, с. 683—84).

³⁵⁰) Обзор разл. отр. мануф. промышл., I, 184; Киевская Старина, 1886, XII, с. 743. Некоторые сведения о фабрике сообщает Топографическое опис. Харьк. наместн. 1787 года. Путивльская фабрика по открытии Харьк. наместнич. была названа Глушковской (Тр. Харьк. Пр. Ком., II, ч. 1, с. 42).

³⁵¹) Сборник сведений и материалов по ведомству Мин. Финансов. 1865, II, № 6, с. 227; Варадинов, История Министерства Внутренних

²) Семевский, I, 543, пр. 2. Это число „отданных по указам“. В 1768 году их считали 7000 душ (Труды Вольно-Экономического Общества, 1768, ч. VIII, с. 205).

³) П. С. З., XXIII, с. 278.

⁴) Топографическое описание Харьковского наместничества 1788 года, изд. 1888 года, с. 78. У Friebe число душ женск. пола—8691 (ор. cit., I, 192).

⁵) Туган-Барановский, 116.

⁶) Семевский, I, 568—69. По другим данным в 1798 году их было 8775 душ (ibid.).

⁷) Журнал мануфактур и торговли, 1829, № 10, с. 24.

⁸) Кеппен, Девятая ревизия, 289. Эти крестьяне были „приписанные от казны“ (21066 душ обоего пола) и „купленные владельцам“ (792 души обоего пола).

⁹) Тройницкий, Крепостное население в России по 10-й народной переписи, с. 47, 78.

туры составляла 650000 аршин³⁵²⁾. К середине XIX века Глушковская фабрика сокращает свое производство³⁵³⁾. Ей принадлежало тогда в Рыльском и Путивльском уездах 22 сел и деревень и 45000 десятин земли; посессионных крестьян числилось при ней более 20000 душ об. пола. В 1858 году по браку фабрика перешла к графу Рибопьеру, а им в 1865 году продана Терещенко³⁵⁴⁾. Так, переменяв нескольких владельцев, дожила до нашего времени старейшая украинская фабрика, некогда тесно связанная с Гетманщиной, живо интересовавшая украинское правительство и общество первой половины XVIII столетия.

VI.

Второй представитель крупной суконной промышленности—Рясковская суконная мануфактура—вселе Рясках (или Ряшках) на речке Смоши (в Иваницкой сотне Прилуцкого

Дел, т. II, кв. 1, с. 210; Журнал мануф. и торговли, 1829, № 10, с. 24—25. Поставка на 1832 год была определена в размере 450000 аршин отделанного сукна (Журнал мануфактур и торговли, 1832, № 1, с. 132). В 1828 г. 100 каразейных станов бездействовали (*ibid.*, 1829, № 10, с. 15).

³⁵²⁾ Зябловский, Статистическое описание Российской Империи, изд. 2, ч. V, с. 13. Обстоятельное описание Глушк. фабрики в 1828 году—Журнал мануфактур и торговли, 1829, № 10, с. 14—25.

³⁵³⁾ См. Штукенберг, Статистические труды, I, Курская губ., 15. Поставка в казну в 1861 году определена была в 300000 аршин (Обзор, I, 185). См. Журн. ман. и торг., 1860, т. IX, приложение.

³⁵⁴⁾ Киевская Старина, 1886, XII, с. 743; Обзор, I, 185. В 1887 году Глушковская фабрика принадлежала статск. советнику Семену Артемьевичу Терещенко (Орлов, Указатель фабрик и заводов, 13). О владениях Глушковской фабрики в конце XVIII в.—Удинцев, Посессионное право, 53, 59—60. О Глушк. фабр. в XIX в. см.: Киевская Старина, 1889, VIII, с. 532; Журналы Комитета Министров, II, 610—11; Список фабрикантам и заводчикам, I, 258; Андроссов, Хозяйственная статистика России, 168; Арсеньев, Начертание статистики Российского Государства, 140; Военно-Статистический Сборник, IV, 361; Вержбицкий, Памятная книжка Курской губернии на 1892 (отд. 3, с. 13), 1893 (отд. 3, с. 64), 1894 (отд. 3, с. 212) годы, и др. Во второй половине XIX столетия производство Глушковской фабрики оценивалось в среднем в 100 тысяч рублей (*ibid.*). В XIX в. Глушковская фабрика состояла из нескольких фабрично-заводских предприятий (Журнал мануфактур и торговли, 1829, № 10, с. 15—20; Кеппен, Девятая ревизия, с. 289).

полка ³⁵⁵)—находилась почти в центре овцеводства на Левобережьи. Ряски принадлежали с начала 20-х годов генерал-аншефу графу де-Вейсбаху³⁵⁶). Иоганн-Бернгард фон-Вейсбах, богемский граф и российский генерал, один из тех международных искателей счастья и военной славы, каких немало было в Западной и Восточной Европе XVIII века, был тесно связан своей службой с Гетманщиной. Один из полтавских победителей и участник известного дела под Переволочной, он в 1711—1718 г.г. охранял южные границы Украины от набегов крымцев, которым в 1713 году нанес поражение под Богодуховом. В 1720 году он получил командование войсками, расположенными в Гетманщине и Слободской Украине, а в 1731 году был назначен киевским генерал-губернатором. Это сделало его одним из самых влиятельных лиц в Гетманщине и не способствовало умеренности его аппетитов к украинским землям. 20/III 1718 года он получил царскую грамоту на все „изменничьи“ маетности Миловичей, находившиеся в Цереевском полку ³⁵⁷). Извещая Скоропадского о царском пожалованьи, хозяйственный полководец пенял своему „особливому бенефактору“ на то, что гетманский универсал уступал в щедрости царской грамоте ³⁵⁸). Впрочем, это было только начало. Указ 16/IV 1722 года велел отвести Вейсбаху 500 дворов из „изменничьих“ маетностей ³⁵⁹). На основании этого указа Вейсбах завладел и с. Рясками, что вызвало протест Прилуцкой полковой канцелярии, который, однако, не имел успеха ³⁶⁰): Генераль-

³⁵⁵) С. Ряски упоминается в Переп. книг. 1666 г. („с. Раски“.— Чтения в Обществе Нестора, кн. XIII, с. 57—58). В Генер. Следств. упом. „в Иваницкой сотни: с. Раски—191 двор. Владеет господин генерал де-Вейсбах по указу, из Сената данному, 1722 году“. Принадлежало Дмитрию Горленко; после конфискации его имений—полковникам Прилуцким—Ивану Носу и Игнату Галагану (Чтения в Обществе Нестора, XI, с. 31).

³⁵⁶) Лазаревский, Описание, III, с. 318.

³⁵⁷) Материалы Судиенко, II, 473. Интересен отзыв о Вейсбахе де-Лириа (Записки Дюка Лирийского, изд. 1909 г., с. 66—67).

³⁵⁸) Материалы Судиенко, II, 473—74.

³⁵⁹) Баранов, I, с. 94, № 1078. В указе, кажется, было упомянуто и село „Роски“ (Опись Сен. Арх., отд. I, т. I, с. 136—137).

³⁶⁰) Лазаревский, Описание, III, 317 (не вполне точно); Русские Записки, 1915, VII, с. 139—140.

ное Следствие 1729 года отмечало, что Вейсбах „тим селом Расками завладел и досель владеет“³⁶¹⁾. Земельные захваты Вейсбаха продолжались и позже³⁶²⁾. После смерти Вейсбаха (24/VIII 1735 года) его имущества достались вдове, вскоре также умершей и передавшей часть своих украинских маетностей гвардии майору Иосифу Гампфу³⁶³⁾. Именной указ 20/X 1736 года предписывал описать все вейсбаховские имения³⁶⁴⁾. Их высмотрел другой служилый иноземец, и судьба их была решена. 13/I 1737 года Миних ходатайствовал о пожаловании ему украинских маетностей Вейсбаха и о разрешении прикупить к ним имения Гампфа³⁶⁵⁾. 20/I 1737 года ходатайство Миниха было удовлетворено императрицей³⁶⁶⁾. Таким образом, Ряски достались, в числе прочих имений, другому иноземному авантюристу, только более талантливому и предприимчивому, чем богемский граф. Генерал-фельдмаршал Бурхард-Христофор граф фон-Миних повидимому, задумывал широко поставить хозяйство своих имений на Украине. Привыкший глядеть на нее глазами петровского пленца — как на русскую колонию, Миних не церемонился с порядками и обычаями Гетманщины³⁶⁷⁾, меньше всего желал считаться с ее правами и думал только об эксплуатации своих украинских маетностей, не стесняясь в средствах и не останавливаясь ни перед чем³⁶⁸⁾. Выпрашивая вейсбаховские имения, Миних обещал „конские и овчарные заводы завести и суконную фабрику заложить“³⁶⁹⁾.

³⁶¹⁾ Чт. в Общ. Нестора, XI, 31.

³⁶²⁾ Лазаревский, Описание, III, 317—18; Русск. Зап., 1915, VII, с. 139—140.

³⁶³⁾ Сб. Р. И. О., т. 117, с. 31; Лазаревский, Описание, III, 148, 211—12.

³⁶⁴⁾ Баранов, II, с. 435, № 5687.

³⁶⁵⁾ Сб. Р. И. О., т. 117, с. 31; Сборник военно-исторических материалов, X, 248.

³⁶⁶⁾ Ibid.; Баранов, II, с. 450, № 5818. См. Дневник Марковича, IV, 112 (12/II 1737). В 1738 году между Минихом и Гампфом происходил спор из-за мельницы в селе „Рашке“ (Румянцевский Музей, Архив Марковича, № 1050).

³⁶⁷⁾ Дневник Марковича, IV, 237.

³⁶⁸⁾ См. Лазаревский, Описание, III, 318--19.

³⁶⁹⁾ Сб. Р. И. О., т. 117, с. 31; Сборник военно-истор. матер., X, 248. Это исключает предположение Лазаревского о том, что основа-

31/XII 1738 года он доносил императрице, „в каком состоянии заведенные... в пожалованных (ему)... после покойного генерала фон-Вейсбаха маетностях суконные и каразейные фабрики, на которых оное, також и ковры, подобны турецким и персидским, делаются“³⁷⁰). Мануфактура была основана, по всей вероятности, в конце 1737—начале 1738 года и, несомненно, была связана с военными обстоятельствами того времени. Миних обещал, что от „размножения той фабрики и от делания на ней добрых и прочных сукон в казне (ее) в-ва не без прибыли будет, а делающиеся белые и красные сукна и каразею (имеет) отдавать на строение мундира в ландмилицкие и другие полки по положенной в штате цене“³⁷¹). Однако, в Рясках Миниху было тесно, и он решил путем обмена присоединить к ним несколько соседних сел. 7/VIII 1740 года он подал императрице прошение, где писал: „в пожалованных мне от вашего имп. величества на Украине маетностях, по высочайшему в. величества повелению, заведены суконные фабрики, и так оные, чрез прилежное мое старание, на армию в. величества отданы, а впред с наивышшею ползою для армии оные быть могут... Помянутые фабрики имеются в с. Рашках, в полку Прилуцком находящемся, которое не весьма многолюдно, и для употребления на помянутые фабрики того села подданных недостаточно, в чом обстоит немалая нужда; а ежели б з других далних маетностей обывателей брать и на оные употреблять, то будет им немалое оттого отягощение“. Миних поэтому просил позволения произвести обмен с соседними владельцами, в частности с генеральным есаулом Лысенко, ранговые маетности кото-

телем Рясковской мануфактуры был Вейсбах (Лазаревский, Описание, III, 318; см. Кеппен, Девятая ревизия, 290—1722 г.). Миних определенно говорит, что фабрику завел „(своими) трудами“ (Сб. Р. И. О., т. 126, с. 536). См. Чулков, *op. cit.*, т. VI, кн. 3, с. 599).

³⁷⁰) Сб. Р. И. О., т. 126, с. 536; Сб. военно-истор. материалов, XIII, 104; 17/V 1739 года в Петербурге были получены образцы сукон Рясковской мануфактуры (*ibid.*, 471).

³⁷¹) Сб. Р. И. О., т. 126, с. 537; Сборник военно-исторических материалов, XIII, 106. В 1739 году Миних взял на себя поставку сукна, каразен и шляп военного образца (Сб. Р. И. О., т. 126, с. 594—95).

рого („деревни... Смошь, Боршна и Оробьевка“) были по соседству³⁷²⁾. Принципиальное согласие на это было дано 3/XI, однако, с тем, чтобы предварительно было произведено обследование на месте; посланные штаб-офицер и представитель Генеральной Войсковой Канцелярии обязаны были выяснить, довольны ли украинские владельцы этим обменом³⁷³⁾. Повидимому, при этом возникли некоторые затруднения, вероятно, со стороны украинской власти. Миних обращался и к Анне Леопольдовне³⁷⁴⁾, пока, наконец, в Петербурге не согласились с доводами первого министра Империи, вождя переворота, положившего конец регентству герцога Курляндского. Тогда вопрос был решен с большой быстротой и даже в более широких рамках, нежели намечал сам Миних в 1740 году. 12/I 1741 года „по доношению первого е. и. в. министра, генерала фельдмаршала и кавалера графа фон-Миниха и по приобщенной при том с именного е. и. в. указа, подписанного собственною е. и. в. государыни правительницы, великия княгини Анны всея России рукою на докладе его, генерал-фельдмаршала графа фон-Миниха, копии сего января 12-го дня, во исполнение оного Прав. Сенат приказал: о промене с генеральным есаулом Лысенком, так же ежели и в предь, по способности, в пожалованному ему, генерал-фельдмаршалу, в Малой России селу Ракшам (!) для вящего фабрик размножения, с кем с другими из тамошних владельцев, таковым же образом промену учинить пожелает, дать позволение; також и имеющихся в тех его, генерала фельдмаршала, и в именных маетностях обы-

³⁷²⁾ Лазаревский, Описание, III, 318—319; Сб. Р. И. О., т. 146, с. 374—75. Копия ходатайства Миниха—в собрании Лазаревского, № 37, т. 2. 6/VI 1739 года состоялась резолюция императрицы на прошении, Миниха об отдаче ему безденежно отписных в казну у князя Мещикова на Украине овец и ягнят 1069 штук и о продаже ему, кроме того, для его овчарных заводов—11080 голов, по местным ценам (Сб. Р. И. О., т. 126, с. 512; Баранов, II, 594, № 7017; см. Сборник военно-истор. материалов, XI, 506, пр. 1; X, II, 56, 104—106, 184).

³⁷³⁾ Копия указа 3/XI 1740 года генералу Кейту—в собрании Лазаревского, № 37, т. 2; Лазаревский, Описание, III, 319; Лет. зав. Арх. Ком., XVII, 226—27.

³⁷⁴⁾ Сенатск. Архив, II, 388.

вателей, кои из других владельческих деревень, по их древнему обыкновению, на житье по се время пришли, на их прежнее жилище не высылать, а оставить в его, генерал-фельдмаршала, и в именных маетностях по прежнему, дабы чрез то заведенные для пользы армии суконные и прочие фабрики и заводы, от времени до времени в лучшее распространение приходять могли, и о том в Малую Россию, в Генеральную Войсковую Канцелярию, к генералу Кейту с присутствующими членами и для ведома к нему, генерал-фельдмаршалу и кавалеру, послать указы³⁷⁵⁾. Обмен состоялся, и, в частности, село Смошь было приписано к Рясковской фабрике³⁷⁶⁾. Сенатский указ ставил Рясковскую мануфактуру в исключительно привилегированные условия, которые Миних не замедлил использовать³⁷⁷⁾. Миниху тем легче было действовать в пользу своей мануфактуры, что президентом Коммерц-Коллегии был его родственник барон фон-Менгден, который явно тянул его руку³⁷⁸⁾. При отставке Миних постарался обеспечить за собой свои украинские владения. 20/III 1741 года состоялся указ об оставлении в пожизненном пользовании Миниха „находящихся во владении его фабрик, заводов и маетностей“ на Украине³⁷⁹⁾. Мы мало знаем о состоянии Рясковской мануфактуры во времена Миниха. На фабрике работали „взятые из Москвы и здешние малороссийские мастера и работники“. Сукна выделывались из „здешней шерсти“ и, по мнению Миниха, были

³⁷⁵⁾ Ibid.

³⁷⁶⁾ Барвинский, Крестьяне в Левобережной Украине в XVII—XVIII веках, 175. В с. Смоши было в 1740 году—56 дв., 59 хат, 59 сем. По ревизии 1764 года там числилось 86 дв., 130 хат, 348 душ (рукописи собрания Лазаревского, № 28, III; № 37, I). Цыфра дворов в 1740 году, кажется, неточна. В ведомости 1710 года показано 70 дворов (Лазаревский, Описание, III, 166).

³⁷⁷⁾ См. Сен. Арх., II, 450; Чт. в Общ. Ист., V, 46, 48—49. Повидимому, украинская администрация не сразу поняла привилегированное положение миниховской мануфактуры (Сен. Арх., IV, 418).

³⁷⁸⁾ Соловьев, кн. V, с. 23.

³⁷⁹⁾ Баранов, III, 41, № 8336; Сенатский Архив, III, 483. Генеральная Войсковая Канцелярия должна была составить опись миниховских владений на Украине для отсылки в Коммерц-Коллегию (ibid.).

„добротою против российских сукон лучше и прочнее“³⁸⁰). Однако, ему недолго пришлось пользоваться новыми пожалованиями. Елизавета сослала его в Сибирь, и указом 1/XII 1741 года командировались „надежные люди“ для описи на Украине имущества Миниха³⁸¹). Именным указом 3/XII 1741 года все оно было конфисковано³⁸²). Рясковская мануфактура перешла в казну. Это был, кажется, самый печальный период ее существования. Она явно падала, и попытки Мануфактур-Коллегии поднять ее оказались неудачными. С середины 40-х годов на Рясковскую мануфактуру обратил большое внимание президент Коммерц-Коллегии князь Борис Григорьевич Юсупов. В 1746 году он затребовал от заведующего ею Раушерта³⁸³) объяснений о способах улучшения ее. Раушерт писал Юсупову какую-то нескладицу, из которой можно было понять только то, что дела мануфактуры оставляли желать много лучшего, но не были безнадежно плохи: „уповаю — писал он — что несправедливые вымыслы против фабрики, как бы они вымышлены ни были, по воле божьей в краткое время, подобно нынешнему снегу, исчезнут и уничтожатся“³⁸⁴). Юсупов недаром заботился о мануфактуре. В середине 50-х годов она перешла в его владение.

Вопрос о времени перехода Рясковской фабрики к Юсупову несколько неясен. Автор историко-генеалогического

³⁸⁰) Сборник военно-историч. материалов, XIII, 96, 184, 305. Интересные, хотя случайные сведения о положении посполитых с. Смоши, приписанного к фабрике, опубликованы В. А. Барвинским (op. cit., 175).

³⁸¹) Баранов, III, 78, № 8676.

³⁸²) Ibid., № 8681. См. Дневник Марковича, II, изд. 1859 г., с. 152.

³⁸³) Этот Раушерт — не родственник ли Иоахима Раушерта, обер-комиссара, „обретающегося при Коммерц-Коллегии“ (1740), определенного в 1740 году, „для довольного в заморском и внутреннем купечестве и во всех до Коммерц-Коллегии касающихся делах и порядках, искусства“, несмотря на старые грехи, советником Коммерц-Коллегии (Сб. Р. И. О., т. 146, с. 476—77); член Коммерц-Коллегии в 1741 году; был советником Коммерц-Коллегии в 1751—52 годах (Сен. Архив, VIII, 128, 386); статский советник (1754 г., — Баранов, II, 698; III, 67, 290). Повидимому, И. Раушерт был креатурой фон-Менгдена.

³⁸⁴) О роде князей Юсуповых, I, 123—25; Русск. Биогр. Словарь, том Щапов—Юшневский, 319—350. О Рясковской фабрике в 1744 году — см. П. С. З., XII, с. 270. Рясковская фабрика числилась казенной еще в 1753 году (рукописи собрания Лазаревского, № 37, т. I).

труда „О роде князей Юсуповых“ называет 1754 год, со ссылкой на подлинную жалованную грамоту. Архивные документы, имеющиеся в нашем распоряжении, указывают и 1754 год и 1757 год. Первая дата связана с передачей фабрики, на основании указа Мануфактур-Коллегии, поверенному Юсупова—мастеру Бобенку (Бобенту?). 12/III 1757 года фабрика была пожалована кн. Юсупову в вечное и потомственное владение, „зъ станами и всякаго званія фабричными инструментами, съ мастеровыми и работными людьми, канторскими служителями и со всѣми принадлежностями, селомъ Рясками съ людьми и съ крестьяни, съ землями и со всѣми угодіи, со всякимъ скотомъ, съ дворомъ хорошимъ и фабричнымъ строеніемъ, съ мельницами и вынокурными заводами“. При этом Юсупову было выдано из казны заимообразно на 10 лет—10000 рублей, без процентов, „на заведеніе голандскихъ овецъ и барановъ“. Юсупов обязался поставлять на армию сукно разныхъ цветов, „в первыхъ двухъ годахъ по 17 ти, в третьемъ, четвертомъ и пятомъ до 20-ти, в другіе пять годъ до 30-ти тысячъ аршинъ и отъ времени до времени более“, для приема по казенной цене. Кроме того, фабрика должна была поставлять соответствующее („по пропорціи суконъ“) количество каразеи. Мастерские при мануфактуре были подчинены ведомству Мануфактур-Коллегии. При передаче фабрики Юсупову представителем Мануфактур-Коллегии коллежским ассесором Петром Ивковым была составлена „издаточная опись“, дающая довольно ценный материал для ранней истории Рясковской мануфактуры. К сожалению, мы могли воспользоваться только частью этой описи, касающейся рабочих мануфактуры в 1754 году. (См. табл. на 117 стр.).

„Подданных“ в с. Рясках числилось тогда 912 д. м. п. и 943 д. ж. п.; всего 1855 д. об. п. Так или иначе в 1754 году фабрика находилась уже во владении Юсупова.

Для усовершенствования шерсти Юсупов выписал голландских баранов и овец³⁸⁵).

³⁸⁵) Киевский Центральный Исторический Архив, архив Киевского губернатора, дела Черниговского наместнического правления, № 181, дело о суконных фабриках в 1790 году. См. „О суконныхъ фабрикахъ въ Малороссійской губерніи въ 1797 году“, с. 3; рукопись

	Муж. пола.	Женск. пола.
Ткачей	58	—
Скробальщиков	29	—
Кардовщиков	29	—
Прядильщиков	50	—
Шпильников	13	—
Ковалей	2	—
„Ворсостригательного мастерства и другого мастеровъ и учениковъ, между коими одинъ великороссійскій“ .	29	—
Прядильщиц	—	125
Озчар и гуменник	2	—
Господар	1	—
Писарей	4	—
Всего	217	125
	342	

Еще до получения привилегии он, для улучшения выделки сукон, подыскал опытного мастера—прусского подданного Бобента, с которым заключил условие на 5 лет на выделку сукон и на выучку сукноделюю данных ему Юсуповым людей⁸⁸⁶). Б. Г. Юсупов, повидимому, много заботился о мануфактурѣ. Автор сочинения „О роде князей Юсуповых“ говорит, что он „довел выделку сукон до той степени, что они могли служить и к пользе казны и к зна-

конца XIX века—сообщение Ал. Ковалевского, предназначенное, видимо, для Киевской Старины, но оставшееся ненапечатанным—в собрании Лазаревского (в одной из папок с материалами по Прилуцкому полку. № 37, т. 2); Лазаревский, Описание, III, 320; Семевский, I, 543, пр. 2; Лаппо-Данилевский, 31, пр. 3 (на стр. 32); ссуда была возвращена (ibid.); О роде князей Юсуповых, I, 123—25; Р. Б. С., том Щапов—Юшневский, 320. Дата Лазаревского, на основании рукописи „О суконных фабриках“,—1744г. (Описание, III, 320)—ошибочна. Карнович, Замечательные богатства частных лиц в России, 189. Даты Семевского (основание фабрики в 1742 году,—с. 543, пр 2) и Карновича (пожалование Юсупову в 1759 году,—с. 189) ошибочны. Дата основания—1742—у Германа (Stat. Schild., 379) неточна.

⁸⁸⁶) О роде князей Юсуповых, I, 123—25. См. Киевский Центральн. губернаторский архив, дело о суконных фабриках в 1790 году.

чительному приращению собственных доходов³⁸⁷⁾. После смерти его (1/III 1759) мануфактурой владела его вдова, кн. Ирина Михайловна³⁸⁸⁾, во время владения которой, в 1763 году, упоминается в актах того времени директор Рясковской суконной фабрики Иван Деде³⁸⁹⁾. И. М. Юсупова владела Рясковской мануфактурой и в 1773 году. Мануфактура изготовляла синие, зеленые и красные сукна по 58 коп. аршин, на сумму 37009 р. 80 коп.³⁹⁰⁾. Неясно, когда вступил во владение мануфактурой князь Николай Борисович Юсупов, впоследствии президент Мануфактур-Коллегии и известный меценат. Во всяком случае, это не могло быть раньше середины 70-х годов³⁹¹⁾. В 1774 году о ней вспомнил проезжавший тогда по Гетманщине академик Гильденштедт³⁹²⁾. В 1786 году Рясковская мануфактура была крупнейшим промышленным предприятием в Черниговском наместничестве. Шафонский сообщает о ней подробные и интересные сведения. „В ней—пишет он—суконных станов 50 да каразейных 10, на которых ежедневно работают малороссиян села Ряшек 600 да великороссиян переведенных 100 обоего пола душ... Сукна ткнут простые солдатские и получше; первых выходит в год до 30000 да каразей 1500 аршин. Солдатские сукна поставляются на войско в Киевскую Обер-Штер-Кригс-Коммиссарскую Коммиссию, и, сверх того, продают на штатные роты трех малороссийских наместничеств и другим сторонним покупателям... Сия фабрика в обращении имеет 25000 рублей, которые до 3000 рублей в год прибыли приносят... Шерсть малороссийскую покупают по разным малороссийским заводам, тамбовскую получают из Москвы, а шленскую из собственного завода Харьковской губернии уезда Хотмижского,

³⁸⁷⁾ О роде князей Юсуповых, I, 125.

³⁸⁸⁾ Лаппо-Данилевский, 31, пр. 3 (на стр. 32).

³⁸⁹⁾ Лазаревский, Описание, III, 410—13.

³⁹⁰⁾ Чулков, Описание, т. VI, кн. 3, с. 599. В 1774 году за кн. Юсуповой числилась каразейная фабрика в Москве (*ibid.*, 595, 704). В 1770 году при Рясковской фабрике числилось украинцев и русских 701 д. м. п. (Семевский, Крестьяне, I, 543, пр. 2).

³⁹¹⁾ Род. 15/X 1750 года — сконч. 15/VII 1831 года (Русск. Биогр. Словарь, том Щапов—Юшневский, 353—54).

³⁹²⁾ *Reisen durch Russland*, II, 369.

из слободы его же, князя Юсупова, Рокитной. Также покупают последнюю и на заводе графа Петра Александровича Румянцова-Задунайского; прочие материалы, до сей фабрики принадлежащие, из Москвы привозят... Третья часть крестьян малороссиян упражняется в хлебопашестве, а прочие все от фабрики питаются, получая заработные деньги... Красильню и сукновальную мельницу тут же при фабрике на речке Смоше имеют⁸⁹³⁾. Село Ряски состояло тогда из 402 дворов, в которых было 545 хат⁸⁹⁴⁾, и, таким образом, было обширнее даже своего сотенного местечка Иваницы, где насчитывалось 529 хат⁸⁹⁵⁾. В числе этих 402 дворов были следующие:

	Дворов.	Хат.
Разночинцев (дворян, духовенства, церковников, разночинцев)	7	—
Козаков выборных	7	27
Козаков подпомощников	12	23
Крестьян князя Юсупова, „малороссиян“	324	421
Крестьян его же, „великороссиян“	49	64
Подсосудков разночинческих	3	10
<hr/>		
Всего	402	545 ⁸⁹⁶⁾ .

По ревизии 1795 года „крестьянъ мужеска пола въ селѣ Ряскахъ и въ принадлежащихъ къ оному селеніяхъ“ было 1465 душ.

⁸⁹³⁾ Шафонский, с. 501—502; Н. С-ко (Стороженко), История составления Топографического описания Черниговского наместничества—Шафонского, 7. Кн. Н. Б. Юсупов основал в сл. Рокитной фабрики—коверную (1788) и каразейную (1797) (Журнал ман. и торг., 1829, № 10, с. 36).

⁸⁹⁴⁾ Шафонский, 501.

⁸⁹⁵⁾ „Описание Черниговскаго и Новгородсѣверскаго наместничества 1781 года“ (рукопись собрания Лазаревского, № 42). Всего в Иваницкой сотне насчитывалось 1817 хат (ibid.).

⁸⁹⁶⁾ Шафонский, 501; ср. Описание Черн. и Новгор. наместн. 1781 года (545 хат). 7 разночинческих дворов распределялись так: 1—„дворян—шляхетства“, 2 духовенства, 2—церковников, 2—разночинцев (Описание Черн. и Новг. наместн. 1781 года).

	Муж. пола.	
В с. Рясках	1283	(с 6 дворовыми).
„ д. Онишевке (Оникиевке?)	107	
„ х. Котелевском	26	
„ „ Торамсовском (Таратков- ском?)	25	
„ „ Ляшенковском (Ильяшен- ковом?)	13	
„ „ при новой гребле	3	
„ „ Солоском (Солоховском?)	5	
„ „ Беличевском	2	
„ „ Мецевском	1 ⁸⁹⁷⁾	
В с е г о	1465	

⁸⁹⁷⁾ „О суконных фабриках“, с. 4; Лазаревский. Описание, III, с. 320. В 1780 году в хуторах Черняховском, Солоховском, Ильяшенковом—княгини Юсуповой насчитывалось 7 хат; в хуторе князя Юсупова Таратковщине—5 хат; в д. Оникиевке—26 хат (2 - козаков выборн., 24—подсуседч., Описание Черн. и Новгородсев. наместн. 1781 года). В рукописи „О суконных фабриках“ названия искажены. Следующая таблица может дать некоторое представление об изменении количества дворов посполитых в Рясках.

Г о д ы:	1666	1713	1718	1729	1737	1740	1753	Около 1760	1764	1780
Посполитых дворов	41	—	—	191 ²⁾	211 ³⁾	210	258 ⁶⁾	—	289	376
„ хат	—	—	—	—	—	225 ⁵⁾	—	—	397 ⁸⁾	495 ⁹⁾
„ сем. (хоз.?)	—	212	210 ¹⁾	221 ³⁾	—	—	—	346 ⁷⁾	—	—

1) Лазаревский, Описание, III, 320. Рукописи собрания Лазаревского, № 37, т. I. Лазаревский вряд ли правильно считает цифры 212 (1713 г.), 210 (1718 г.) и 221 (1729 г.) обозначающими число дворов (см. Описание, III, с. III—VI и рукописи собр. Лазар., № 37, т. I). Это (по крайней мере, в 1718 и 1729 годах) перечень глав семейств или хозяев.

2) Чт. в Общ. Нест., XI, 31.

3) Рукописи собрания Лазаревского, № 28, т. I; Лазаревский, Описание, III, 320. Сельские урядники сюда не включены.

4) Рум. Музей, Арх. Марковича, № 1961.

5) Лазаревский, Описание, III, 320; рукописи собр. Лазаревского, № 28, т. III. В это число включено и 5 подсуседческих бездворных хат

6) Рукописи собрания Лазаревского, № 37, т. I. Бездворных хат было 33 (ibid.).

7) Рукописи собрания Лазаревского, № 37, т. I. Сюда включены и 2 пеших подсуседч. семьи. Посполитые наместника рясковского Рудамовского в это число не вошли, равно как и в число 1753 года.

Несколько ранее, в 1791 году, Сенат указал „ежегодно с оной фабрики выставлять разных цветов сукон 63840 аршин, которые на той фабрике выработывались и в Комисариатское ведомство в отдачу производились“. Таким образом, за несколько лет продукция мануфактуры удвоилась. На 1797 год Мануфактур-Коллегия предписала „заготовлять, соображаясь против прошлого 1796 года суконной поставки, отчисляя от сукна десятую часть; вместо того, в полтора более готовить каразею“⁸⁹⁸). Так, все более расширяясь, Рясковская мануфактура переходит в следующее—XIX столетие и доживает до середины его⁸⁹⁹). Она не надолго пережила крепостную фабрику⁴⁰⁰).

⁸⁹⁸) П.С.З., ХХІІІ, с. 278, № 16998; „О суконных фабриках“, с. 4; Лазаревский, Описание, III, 320.

⁸⁹⁹) Список фабрикантам и заводчикам Российской Империи 1832 г. ч. II, 596; Арандаренко, Записки о Полтавской губернии, т. III, 290; Обзор различных отраслей мануфактурной промышленности, . 185. В 1828 году рабочих на фабрике было 1049 д. (Журн. мануф. и торг., 1831, № 2, с. 54—55).

⁴⁰⁰) Кажется, она прекратила свою работу после 1863 года. Боянский — Памятная книжка Полтавской губернии за 1865 год, алфавитн. список, с. 89—упоминает о ней. О Рясковской фабрике в XIX в. — Тр. Полт. Уч. Арх. Ком., II, прилож., с. 140; Журнал мануфактур и торговли, 1831, № 2, с. 53—55; 1832, № 1, с. 138; 1859, т. V, приложение; и др. Следующая таблица дает некоторые сведения об изменении числа рясковских посполитых на протяжении 80 лет. Необходимо отметить, что некоторые ревизии интересовались общим количеством рясковских посполитых; другие выделяли „приписанных от казны“.

Годы:	1764	1770	1773	1795	1816	1850
			(4 ревиз.)	(5 ревиз.)	(7 ревиз.)	(9 ревиз.)

Приписанных к фабрике:

1141 д.	701 д.	1216 д.	1465 д.	1327 д.	2303 д.
об. п. ¹⁰)	м. п. ¹¹)	м. п. ¹²)	м. п. ¹³)	м. п. ¹⁴)	об. п. ¹⁵)

⁸) Рукописи собрания Лазаревского, № 37, т. I.

⁹) Лазаревский, Описание, III, 320; Шафонский, 501; Описание Черн. и Новгород. нам. 1781 г. В это число включены 3 дв. и 10 хат „подсуседков разночинческих“.

¹⁰) Рукописи собрания Лазаревского, № 37, т. I. Сюда вошли посполитые только с Ряска.

¹¹) Семевский, I, 543, пр. 2. Это были, вероятно, „отдавные по указам“.

VII.

Ахтырская табачная фабрика связана с теми попытками правильного табаководства на Украине, которые из всех петровских промышленных предприятий в этом крае назались более жизнеспособными, имея здесь благодарную и подготовленную почву⁴⁰¹). Исследователи, впрочем, давно подметили относительно слабые результаты его на Украине и правильно об'яснили это стеснением табачной торговли системой регалии⁴⁰²). „Для умножения табаку в продажу из казны“ Петр рано занялся мыслью об организации табачной фабрики в районе местного сырья. Она и была основана, только за пределами Гетманщины. Это был „Ахтырский табачный завод“, основанный именным указом „по немецкому обыкновению“ в 1719 году⁴⁰³), хотя вопрос об основании его решен был, кажется, раньше⁴⁰⁴). Были вызваны иноземные мастера (в частности, „иностраный мастер Жан Андрей Жизи“), выписаны из „немецких стран“ табачные семена; станки для крошки табаку, мельницы и

⁴⁰¹) Слабченко, 276. См. Труды Полтавской Уч. Архивн. Комиссии, XV, 57—71.

⁴⁰²) Обзор различн. отр. мануф. пром., II, 227—29.

⁴⁰³) Сб. Р.И.О., т. 69, с. 252; П.С.З., IX, № 6371; Милюков, 524.

⁴⁰⁴) Обзор, II, 228. Дата 1716 года, как года основания Ахтырской мануфактуры, неточна. Но подготовительные работы начались раньше (см. Киев. Стар., 1886, IX, 179). Предположение Афанасьева (Государственное хозяйство при Петре Великом.— Современник, 1847, IV, с. 52) о том, что Петербургская табачная фабрика было переведена в Ахтырку, — неосновательно (Чулков, История законодательства о табачной промышленности, 41). На этом предположении, вероятно, основана дата „Обзора“.

¹²) П.С.З., XXIII, № 16998, с. 278.

¹³) Лазаревский, Описание, III, 320. Сюда вошли все „крестьяне мужеска пола в селе Рясках и в принадлежащих к оному селениях“, а также дворовые. В с. Рясках было 1277 д. м. п. (О сукоцных фабриках, с. 4)

¹⁴) Журнал мануфактур и торговли, 1831, № 2, с. 54.

¹⁵) Кешпен, 290. Это были „приписанные от казны“. „Приложения к Трудам редакционных комиссий“ указывают в с. Рясках, д. Оникиевке и 6 хут.—1105 д. м. п. (VI, Полт. губ., с. 42—43).

другие снаряды сделаны были по голландским образцам⁴⁰⁵). К мануфактуре было приписано 944 двора из отписных ма-етностей полковника Перекрестова, из которых к 1727 году „за раздачами“ осталось 552 двора. Из этих дворов брались годовые и месячные работники. Кроме того, часть рабочих обязан был поставлять Сумский полк⁴⁰⁶). Рабочие получали вознаграждение отчасти деньгами, отчасти натурой. При мануфактуре было много учеников, украинцев и русских⁴⁰⁷). Во главе управления стоял нарочитый „комиссар“⁴⁰⁸). Эту должность занимал в 1726—27 году Степан Федорович Павлов, которого Маркович называет „государевого табачного завода досмотрщиком“⁴⁰⁹). На мануфактуру возлагались большие надежды. Ожидалась „миллионная прибыль“⁴¹⁰). И первые шаги ее были, кажется, удачны. До 1725 года было „в отпуску для казенной продажи“ (в ведомство Камер-Коллегии) табаку 2 тысячи пудов; в 1725—2750; в 1726—4025 пудов⁴¹¹). В 1727 году при хорошем урожае нормой считалось 7 тысяч пудов⁴¹²). Официальные документы отмечали, что табак, изготовляемый на Ахтырской мануфак-туре, „против малороссийского весьма лучше и ко употреб-лению полезнее“. Предполагалось создать „со временем“ ряд мельниц „против голландских, на которых тобак кро-шить, в рули вить и толочь“⁴¹³). Правительство оказывало своему предприятию всяческую поддержку. Указ 7/IV 1723

⁴⁰⁵) П.С.З., IX, № 6371; Киевская Старина, 1886, IX, 179, 182. Та-бак разводился из „семян американских“ (Голиков, Деяния, XIII, 511).

⁴⁰⁶) Сб. Р.И.О., т. 69, с. 252. Указ 17/IV 1733 года дает круглую цифру 550. Каплуновская сотня была приписана „к табачным заводам, и оные там всякою работою упражнялись“ (Слабченко, 272, пр. 6).

⁴⁰⁷) П.С.З., IX, № 6371.

⁴⁰⁸) Сб. Р.И.О., т. 94, с. 592.

⁴⁰⁹) Дневник Марковича, II, 128. Не родственник ли он Михаила Федоровича Павлова, почеповского коменданта при Меншикове? В 1712 году был стольником (Доклады и приговоры, II, ч. 2, с. 105).

⁴¹⁰) Сочин. Посошкова, I, 137.

⁴¹¹) Сб. Р.И.О., т. 69, с. 252.

⁴¹²) Дневник Марковича, II, 128.

⁴¹³) П.С.З., IX, № 6371. „Знатная фабрика“ (Голиков, Деяния, XIII, 511). „В Украйне на заводах от иностранных семян тобак в доброту перед черкасским превосходит“ (указ 31/I, 1724 г. Чулков, описа-ние, т. VI, кв. 3, с. 218).

года, дававший „волю“ в продаже табака, заменяя регалию пошлиной, сделал исключение для „черкасского табака“, ввиду опасения подорвать этим Ахтырскую мануфактуру⁴¹⁴). Приговором Сената 2/III 1725 года, на основании именного указа 6/XI 1724 года, определено было прибыль с Ахтырской мануфактуры употреблять на содержание некоторых учреждений, в том числе Мануфактур-Коллегии⁴¹⁵). Проезжая в 1725 году в далекий персидский поход. Маркович отметил в своем Дневнике эту мануфактуру: „отехалисмо пред обедом з Ахтирки, а ехали поуз левади тютюнние государеви, очин великие и поуз мури превеликие, изрядно з резаного дерева поделанние“⁴¹⁶). На обратном пути, в 1727 году, он осмотрел ее подробнее. „Приездил к нам заводу табачного государевого досмотрщик Степан Федоров син Павлов, з котрым ездилисмо до оного заводу, где по избах многие работники, з котрых едни папуши разбирают по листу и з листов коренце витягают, тие в довгие трубки делают, крутячи оние колами железными, третии трубки тие в стовпчики скручуют, якие рулями называют, а покроплюют оние юшкою, в якої варено чорносливи з придатком соли, а четвертии тие стовпчики в прасе железном витискают сок з оних горкий, последний таковыи стовпчики рушут нарочно зделанными сечками сталными и в картузи кладут. Стовпчики нерезанние, а целие важат по 4 и по по 5 фунта, а в картузах по фунту. А табачним семенем засевают так великие леваци, же вомещается 50 десятин, а в десятине должни 60 сажен, а ширини 40 сажен. Работников в лете бивает до 500 человека и болш; збирают табак, буде урожай добрый, до 7000 пудов и менше; и такие заводи в Ахтирце“⁴¹⁷). В том же 1727 году Кириллов писал о мануфактуре: „в Ахтырском полку имеется табачный завод, на котором сеют табак английских семян, не обирая в рули и в картузы употребляют и на продажу в Санктпетербург и в другие города рассылают“⁴¹⁸).

⁴¹⁴) Милуков, 524.

⁴¹⁵) Сб. Р.И.О., т. 146, с. 351; П.С.З., VII. № 4671, с. 430—31.

⁴¹⁶) Дневник Марковича, I, 237 (26/V 1725).

⁴¹⁷) Дневник Марковича, II, 128 (14/III 1727).

⁴¹⁸) Кириллов, I, 156.

Однако, мануфактура быстро падала. Ее губила невозможность расширения сбыта, ввиду высокой казенной цены. Расходы по содержанию мануфактуры составили до 1727 года 29815 р. 11 коп. От продажи табаку было выручено до 1727 года 15531 р. 75 коп. Зато на мануфактуре в 1727 году оставалось каргузного, рульного и в папушах табаку 18190 пудов, причем часть его „лежала с начала того завода, от 719 го года“. Комиссия о Коммерции имела полное основание заявить 24/VII 1727 года, что она „из одного завода чрез прошедшие восемь лет прибыли не находит и впредь быть не уповаает, ибо на оном табак рульный и картузный делается и в Москву для рассылки по городам отвозится не по большому числу... его ж чрез казенную дорожную цену не скоро из казны распродают“. Поэтому Комиссия предлагала „Ахтырский табачный завод, опричь деревень, отдать в вольное содержание охотникам, а буде охотников не будет, то строение продать, а семена табачные раздать в малороссийских и слободских полках обывателям, кои табак сеют, для их домашнего развода, понеже оный всякого черкасского листом родня и прибыльня“⁴¹⁹). 17/VIII 1727 года это представление было утверждено Верховным Тайным Советом⁴²⁰). Таким образом, правительство готово было ликвидировать неулавленное предприятие. На основании указа 17/VIII, Мануфактур-контора отдала Ахтырскую мануфактуру петербургскому купцу Маслову „в собственное его содержание, с мастеровыми людьми“. Маслов обязался уплатить за „строение“ 234 рубля. Инструментам „за незнанием“ цены не было положено. Однако, Маслов, не заплатя следуемых с него денег, скоро умер, наследников после него не осталось, и мануфактура была „отписана на е. и. в.“, причем деревни остались во владении Ахтырского полка⁴²¹). Коммерц-контора опреде-

⁴¹⁹) Сб. Р.И.О., т. 69, с. 252—53. На мануфактуре, кажется, весьма неблагоприятно отразилась смерть главного мастера (Киевская Старина, 1886, IX, с. 179)

⁴²⁰) Сб. Р.И.О., т. 69, с. 250—51.

⁴²¹) П. С. З., № 6371; Обзор, II, 228; Чулков, История законодат. о таб. пром., 42. Это находилось в связи, вероятно, с пожалованием бывших маестностей Перекрестова Ахтырскому полку в 1709 году (Труды XII Арх. Съезда, II, 17).

лила „Ахтырскому полковнику на том заводе табак в рули и в крошение переделывать и продавать и мастеровым людям жалованье давать“⁴²²). Вскоре Ахтырский полковник извещал, что „папушного табаку налицо малое число, и тем мастеровым людям делать нечего, а жалованье просят“⁴²³). Произведенная трижды публикация „ко, взятию того завода в собственное содержание на свой кошт“ не нашла желающих. Предприятие явно тяготило казну, угрожая ей неизбежными убытками. 17/IV 1733 года Сенат утвердил мнение Камер-Коллегии и Коммерц-конторы. Оно сводилось к следующему: „для отвращения означенного убытка и для государственного плода, чтоб то табачное, по немецкому обыкновению, производство без действия не употребилось туне, ежели оного заводу на свой кошт никто требовать не будет, отдать для содержания тем же регулом Ахтырскому полку, взяв с того полку за строение и за инструменты в казну е. и. в. деньги по настоящей цене, для того что по тем заводам земля их же полку, да и семена по указам велено раздать им же, малороссийцам“. Следующее наставление хозяйственных учреждений звучало почти юмористично. „Токмо оному Ахтырскому полку иметь усердное старание, чтоб тот завод содержан и табаку размножено было так, как наперед сего имелось, и тот табак продавать им в Ахтырке и в прочих местах, с платежем по указу пошлин. А коликое число того табаку в каждом году уродится и в продаже будет, о том в Камер и Коммерц-Коллегии рапортовать“⁴²⁴). Это интересный факт в истории украинской мануфактуры, не имевший, впрочем, серьезного экономического значения. Общие условия были крайне неблагоприятны для развития табачной мануфактуры, и Ахтырский полк не мог выполнить предписания петербургских канцелярий. Определенные Коммерц-конторой смотрители свидетельствовали, что для мануфактуры производился „самою малою частью посев табаку“ до 1736 года, после которого, „з а б ы в-

⁴²²) П. С. З., IX, № 6371.

⁴²³) В 1732 году на фабрике числилось мастеровых людей—украинцев и русских—43 (Д. І. Багалій, Історія Слободської України, 120).

⁴²⁴) П.С.З., IX, № 6371; Чулков, Ист. зак. о таб. пром., 42; Киевская Старина, 1886, сентябрь, 179—80; Обзор, II, 229.

шими многотрудными военными кан'ектурами остановился". Изделия мануфактуры были плохи и не имели сбыта. Постепенно она разрушалась. Началось с фабричных построек. Один амбар, длиною в 48 саж., перенесен был еще в 1730 году внутрь города для склада армейского провианта. Три навеса „спалил“ приказчик бывшего откупщика мануфактуры Маслова—Федор Поршняков. Другие амбары и прочее строение „от долговременности вовся сгнило“. Инструменты хранились под надзором Ахтырской полковой канцелярии, и только один пресс, оказавшийся годным, некоторое время употреблялся полковниками и старшиной „партикулярно для izdelки табаку“. Печатные публикации мануфактуры о продаже табака не имели никакого успеха⁴²⁵). Мануфактура умирала естественной смертью и, кажется, прекратила свое существование задолго до середины столетия. Некоторые исследователи вряд ли основательно связывают ее конец с действиями табачного откупа графа Шувалова в конце 50-х годов (в 1759 году⁴²⁶). О ней вспомнили в 1766 году, когда табачное дело было поручено Теплому⁴²⁷). Но мануфактура уже умерла и не оставила после себя приличного наследства: единственный лучше уцелевший табачный пресс, высланный по требованию Теплова в Петербург, оказался полуразрушенным, „да и зделан он совсем не таким образом, каковы ныне (1766) при фабриках употребляются“. Изделия мануфактуры, сваленные в кучу, давно развалились и сгнили до основания, обратившись в „навоз и мокроту“. Услуги бывшего подмастерья Михайла Пилевина, который „умел разобрать и собрать прес“ оказались ненужными⁴²⁸). Впрочем, это был последний остаток давно уже умершей мануфактуры⁴²⁹).

⁴²⁵) Киев. Стар., 1886, IX, 180.

⁴²⁶) Обзор, II, 229. В середине 60-х годов об Ахтырской мануфактуре уже плохо помнили (Киев. Стар., 1886, сентябрь, с. 178 - 82).

⁴²⁷) Чулков, Описание, т. VI, кн. 3, с. 559—64. См. Труды Полтавской Арх. Комиссии, XV, 107—166.

⁴²⁸) Киевская Старина, 1886, сентябрь, с. 178—82.

⁴²⁹) В 1739 году в Кабинет обратился артиллерийский капитан Иоганн-Адольф Акермарк с просьбой разрешить ему завести на Украине фабрику „для делания табаку“ (Чулков, Описание, т. VI, кн. 3, с. 375—76).

VIII

Нигде, быть может, не обнаружилась так явно тесная связь развивавшейся в Гетманщине крупной промышленности с военными нуждами государства, как в основании старого Шостенского порохового завода. Изучение истории его лишь отчасти входит в нашу задачу. В XVII в.—перв. четв. XVIII в. нужды генеральной войсковой артиллерии обслуживались мелкими предприятиями порохового производства⁴⁸⁰⁾, которые находились в тесной связи со старым и широко развитым на Украине промыслом селитроварения. В середине 30-х годов XVIII века правительство решило сконцентрировать это важное производство. Указом 14/II 1736 года велено было Шаховскому „в малороссийские и слободские полки казакам и к пушкам пороху, сколько какого когда потребно, столько оного делать в Малой России при генеральной артиллерии, а в слободских полках в одном полку, где за потребно он, князь Шаховской, усмотрит, и оный, по требованиям офицеров и старшины, отпускать за деньги“⁴⁸¹⁾. На основании этого, был учрежден в хуторе Шкирмановском⁴⁸²⁾ пороховой завод. Однако, он действовал слабо: „с августа месяца 736 по 737 г. сделано 854 пуда 8 фунтов“. Ввиду такого „недостатка“, в 1738 году вопрос был снова поднят Шиповым, управлявшим тогда Гетманщиной. На

см. Сб. Р.И.О., т. 138, с. 527, 545). Кабинет передал дело в Коммерц-Коллегию, где оно и застряло надолго (Чулков, *op. cit.*, 376; Сен. Арх., IV, 398). Фабрика, кажется, не была заведена. О проекте Акермарка см. Сб. Р.И.О., т. 146, с. 353—54; Сен. Арх., VI, с. 600.

⁴⁸⁰⁾ Вероятно, таким небольшим предприятием был существовавший при Апостоле пороховой завод в х. Портниках, возле с. Велюхан Мглинской сотни (Черн. Губ. Ведом., 1853, № 48, с. 446; Лазаревский, Описание, I, 325; см. Труды Черниг. Учен. Архивн. Ком., XI, 13—22).

⁴⁸¹⁾ Сб. Р. И. О., т. 130, с. 193; П. С. З., т. XI, с. 672; Баранов, II, 397, № 5380.

⁴⁸²⁾ В Глуховском уезде существует два поселения с этим именем, хутора: Шкирмоновка на рч. Уске, недалеко от позднейшего Шостенского порохового завода (Черниговская губерния. Список населенных мест, 31, № 695), впоследствии причисленный к нему (Лазаревский, Описание, II, 351), и Шкирмановка (Есмани Малая) при р. Есмани (Список населенных мест, 39, № 799).

основании соответствующего доношения Шипова от 18/VIII 1738 года, состоялся указ 7/XII того же года Румянцеву, по которому „как оной учрежденной в Малой России пороховой завод, так и другой, что велено завести в одном слободском полку, в собственное ведение поручено ему... Румянцеву, и определить бы добрых и надежных людей из офицеров, коему в том, яко наиважнейшем, деле поверить можно, и как им в содержании и в размножении упомянутых заводов поступать, дать ему, генералу Румянцеву, от себя инструкции“⁴³³). Тем же указом велено было „крепкое смотрение иметь, чтоб сделанный на вышепомянутаго заводе порох употреблять на одне казенные дела, а в вольную продажу отнюдь никому не употреблять“⁴³⁴). В начале 1739 года Румянцев поручил управление заводом майору Постельникову⁴³⁵). Однако, тому не удалось расширить производство. Тогда Шипов „усмотрел..., что в заведении в Малой России вновь другого порохового завода надобность высокого... и. в. интереса состоит“, тем более, что 21/V 1739 года состоялся указ „на заведенных вновь в Украине пороховых заводах о умножении пороха крайнее старание прилагать, дабы оно не на одних казаков, но и на все здешние гарнизоны и ландмилицкий корпус было довольно“⁴³⁶). Было решено построить но-

⁴³²) Баранов, II, 568, № 6833; П. С. З., т. X, № 7700. Этот указ, кажется, был подтвержден указом 29/I 1739 года (Экстракт, 273—74).

⁴³³) Сенатский Архив, XIII, 483; П. С. З., т. XI, с. 672.

⁴³⁴) Сб. Р. И. О., т. 126, с. 468. Афанасий Григорьевич Постельников, от службы отставлен за болезнями в 1727 году (Сен. Арх., VII, 760); отставной майор, который „ныне у дел в Полицеймейстерской канцелярии“, кандидат в олонекские воеводы (1727,—Сб. Р.И.О. т. 69, с. 748); в 1732—34 г.г.—в отпуску; в 1734 году определен в Москве к полицейским делам (Сен. Арх., VII, 761); „не у дел“ (1737); послан указом 9/IX 1737 года на Украину „для определения к разным делам“ (Сб. Р.И.О., т. 117, с. 563; Сен. Арх., VII, 761; Баранов, II, № 6259); коллежский советник (1741.—Сен.Арх., VII, 761); в 1742 году назначен одним из генеральных подскарбиев (Дневник Ханенко, 184); в 1748 году назначен воеводой в Вятку (Ханенко, 345); кашинский помещик (Сен. Арх., VII, 760). О нем Дневник Ханенко, 153, 206, 312, 316, 341; Дневник Марковича, II, изд. 1859 г., с. 134 (2/IV 1741); Сен. Арх., IV, 178, 428.

⁴³⁵) П. С. З., т. XI, с. 672.

вый завод, верстах в 30 с небольшим от Глухова, на рч. Шостке, для чего была намечена одна из „ратушных“ мельниц ⁴³⁷⁾. Шипов лично отправился туда осмотреть место ⁴³⁸⁾ и определил „на том заводе строить селитренный и пороховой амбары и две светлицы для сушения пороха и небольшой двор для бытия определенным к тому надзирателям и работникам“. 12/VIII 1739 года, донося об этом в Кабинет, Шипов писал: „что к деланию пороха к оной мельнице прибавить надлежит, во всем с крайним моим прилежанием, чтоб конечно приумножить пороха, довольствуется всеми к тому потребностями с успехом, и по сильной воде на оном вновь, заводящемся, пороховые мастера по примеру об'являют—в год делаться будет до 12000 пуд.“. „И оный завод—прибавлял Шипов—чаятельно, совершится в августе месяце“. Ввиду необходимости снабдить новый завод достаточным количеством селитры, Шипов задержал постройку порохового завода в Слободских полках. „Прежде учрежденный же артиллерийский пороховой завод—писал Шипов—егда оный, вновь учреждающийся, в совершенстве будет и действительно порох начнется делать с таким довольством, как выше донесено, мнится, прежний завод не потребен будет, как за недовольством воды, так и чтоб мастера, работники и материалы были в одном, а не в двух местах“. 26/VIII 1739 года Кабинет, в общем утверждая доклад Шипова, поручил обсуждение деталей Артиллерийской канцелярии ⁴³⁹⁾. Возможно, что при этом правительство имело в виду тогдашние военные обстоятельства. Новый завод был также поручен Постельникову. В декабре того же года Постельников доносил в Глухов о „построении“ завода, который начал свою работу, вероятно, осенью 1739 года. Хотя „за нынешним зимнем

⁴³⁷⁾ Сб. Р. И. О., т. 130, с. 658. Предположение Лазаревского о том, что взята была одна из мельниц Бугаевских (Описание, II, 350), кажется, ошибочно.

⁴³⁸⁾ Шипов не раз посещал пороховой завод (Дневник Марковича, IV, 304, 353).

⁴³⁹⁾ Сб. Р. И. О., т. 130, с. 193—96. Шкирмановский завод продолжал свое существование до начала 40-х годов (см. Сб. Р. И. О., т. 146, с. 98).

временем“ завод „не так в состоянии приведен“, но работы на нем были уже начаты. К доношению была приложена ведомость о состоянии завода, из которой видно было следующее. На заводе из 48 ступ выходило пороха по 20 пудов в день, причем по 6 декабря его сделано было 750 пудов. Выделанный порох складывался в „сделанный весьма удобный погреб“, на расстоянии версты с лишним от Глухова. „Для надлежащей пробы“ Постельников отправил „пушечного и мушкетного“ пороха по 2 фунта в Кабинет и в Военную Коллегию. Далее Постельников „требовал указа“ о том, как и куда отправлять изготовленный порох. При этом он сообщал, „почему в пуд пороха—селистры и серы и угля исходит, и по какой цене становится пуд“, и прилагал „ведомость и строению планы“⁴⁴⁰⁾. Сообщая 15/ХІІ в Кабинет содержание этого доклада, Шипов указывал на то, что Постельников „у такого дела никогда не бывал, и пороховщики столько ль искусны, как им быть надлежит, неизвестно“⁴⁴¹⁾. Ввиду этого Шипов просил прислать из других заводов „искуснейшего и апробованного мастера, хотя б на полгода для рассмотрения, так ли оное дело происходит порядочно“⁴⁴²⁾. 5/ІІ 1740 года велено было „на оные малороссийские заводы отправить одного доброго порохового мастера на время из Артиллерийской... канцелярии“, а вопросы технического характера передать на заключение Главной Артиллерии⁴⁴²⁾. В начале 1740 года Постельников сообщал Румянцеву, что завод расширяется и „выходить может пороха по 36 пудов в сутки, а всего в год 14030 пудов“⁴⁴³⁾. 12/V 1740 года Румянцев, сообщая в Кабинет о расширении Шкирмановского и Шостенского пороховых заводов, писал, что Постельников „в том деле искусства не знает, и не без сомнения есть, дабы порох в настоящей доброту делан был, и чтоб от того напрасного убытка и в работе затруднения не было“. Он также просил, чтобы „для порядочного на том заводе смотрения и чтобы порох делан был по пробе и до-

⁴³⁹⁾ Сб. Р.И.О., т. 130, с. 658.

⁴⁴⁰⁾ Сб. Р. И. О. т. 146, с. 98.

⁴⁴¹⁾ Сб. Р. И. О. т. 130, с. 658.

⁴⁴²⁾ Сб. Р. И. О. т. 146, с. 98.

⁴⁴³⁾ Сб. Р. И. О. т. 138, с. 513—14.

броте“, были определены адмиралтейский офицер и „искусный, апробованный“ мастер из других заводов. Румянцев высказался против постройки особого завода в Слобожанщине, указывая на то, что выделяемого на двух заводах в Гетманщине пороха „как на малороссийские, так и на слободские полки довольно, и на ландмилиции и в тамошние гарнизоны отпускан будет“; устройство же нового завода вызовет недостаток в селитре; к тому же „мастеров и работников на том заводе должно содержать особливых, отчего излишний убыток будет“. Для того, чтобы обеспечить украинские пороховые заводы селитрой, Румянцев просил разрешения „делающуюся в Малой России и в слободских полках селитру в Артиллерию не отпускать, а употреблять бы на пороховые заводы в Малой России“. 15/VI 1740 года, подтверждая свое прежнее постановление, Кабинет приказал послать на Украину артиллерийского офицера и „доброто порохового мастера“⁴⁴⁵⁾, „а в каком состоянии те малороссийские пороховые заводы находятся и на каких именно землях построены, прислать ведомость“⁴⁴⁶⁾. Вопрос о постройке порохового завода в Слобожанщине был передан на заключение Шипова⁴⁴⁷⁾. Ходатайство Румянцева о невывозе украинской селитры в Главную Артиллерию, повидимому, не было удовлетворено, тем более, что Шипов высказался не в пользу этого ходатайства, находя, что „селитра на том (Шостенском) заводе изойти не может и будет оставаться“. Отвечая в середине 1740 года на запрос Кабинета, Шипов писал, что „по мнению его, на малороссийских пороховых заводах, ежели туда присланы будут из Артиллерии для лучшего надзирания офицер и порохового дела мастер, и по добром их искусстве может ставиться порох до 8000 пудов или более в год“; до присылки их он отказывался решить вопрос о постройке завода в Слобожанщине⁴⁴⁸⁾. Кажется, этот завод не был открыт⁴⁴⁹⁾.

⁴⁴⁵⁾ Сб. Р.И.О., т. 146, с. 98—99. Летоп. зан. Арх. Ком., XVII, 225—26 (№ 38).

⁴⁴⁶⁾ Сб. Р.И.О., т. 138, с. 543—44.

⁴⁴⁷⁾ Сб. Р. И. О., т. 146, с. 99.

⁴⁴⁸⁾ Ibid., т. 146, с. 365—66.

⁴⁴⁹⁾ Селитрозаводчики Слобожанщины и позже доставляли часть своей селитры, остававшуюся за отправкой в Москву, на Шостенский за-

Мы не знаем, как развивалась деятельность Шостенского завода в следующие годы ⁴⁵⁰), но в 1742 году он не действовал, вероятно, в связи с тяжелым положением селитренной промышленности ⁴⁵¹) и уходом Постельникова. По определению Сената 27/IX 1742 года, на основании доношения генерала Бутурлина (и приложенного к нему экстракта) о возобновлении в Гетманщине порохового завода, Военная Коллегия „обще“ с Артиллерийской канцелярией, рассмотрев этот вопрос, представила Сенату следующее заключение. Ввиду того, что потребность в порохе украинских и слободских полков в военное время определялась не более как в 4 тыс. пуд., а в мирное время наполовину меньше, „того ради для такого малого числа... особого завода содержать не для чего, понеже оной устроить надлежит таким манером, каковы ныне ведомые в артиллерии казенные и партикулярные заводы устроены с каменными и чугунными жерновами, а не с одними ступами, как ныне тот малороссийской завод состоит, к чему надобно все заготовлять вновь, на что потребна немалая денежная сумма“. Это имело свое значение, равно как плохое качество и дороговизна укра-

вод (Е. П. Трифилев, Очерки из истории промышленности Слободской Украины.—Сборник Харьковского Историко-Филологического Общества, том 6, вып. 2, I, с. 28).

⁴⁴⁹) 2/V 1742 года Ханенко, проездом в Глухов, посетил Шостенский завод (Дневник, 151).

⁴⁵⁰) 19/V 1740 года Румянцев доносил в Кабинет, что „ныне к деланию в Малой России на имеющихся пороховых заводах пороха в селитре имеется недостаток“. Ввиду этого он поддерживал ходатайство путивльских селитрозаводчиков Евстратовых, просивших об отдаче им для селитренного завода села Литвиновичей (Глуховской сотни) и обязывавшихся за то поставлять селитру и с нового завода и с Путивльского на Шостенский пороховой завод. 2/VI 1740 года Кабинет удовлетворил ходатайство Евстратовых (Сб. Р.И.О., т. 146, с. 2—4). Указ 14/VIII 1740 года отмечал, что „каким порядком в самом деле поступают и какое старание о умножении оной (селитры) имеют, репортов ни откуда не получено“ (ibid., 389). Кажется, Евстратовы не устроили завода в Литвиновичах, но постарались использовать литвиновцев для нужд своего домашнего хозяйства, причем допускали большие злоупотребления. В 1742 году Литвиновичи были отобраны от Вас. Евстратова (Лазаревский, Описание, II, 456—457).

инского пороха. Главные мотивы были все же иные. „Когда же оного пороха на означенные войска востребуется, тогда может удовольствовано быть отпуском из Москвы готовым порохом за присланные деньги, по настоящей цене... ибо ныне близ Москвы пороховых уговорщиков пороховые заводы в добром состоянии... К тому же того завода Артиллерийской канцелярии в своем ведомстве иметь за отдаленностью не можно; буде же оный делать от главной команды в отдаленности, то может происходить конфузия и неисправности... к тому же де ныне русские казенные мастера обучились и селитру литруют и порох делают по голландскому манеру сильного качества и к лежанию прочный, и такой секрет надлежит весьма наблюдать и крепко содержать внутри государства, чтоб оное до нерегулярного соседства дойти не могло“. Артиллерийская канцелярия рассуждала, что „никогда в порохе при достатке селитры оскудения не будет“⁴⁵²). И казенные и „партикулярные“ пороховые заводы в России нуждались в украинской селитре.

Сенат согласился с мнением Артиллерийской канцелярии и Военной Коллегии. 15/X соответствующий сенатский доклад был подтвержден императрицей⁴⁵³). При Разумовском в 1751 году завод был снова открыт, „и делался порох для генеральной и полковых артиллерий и для удовольствия малороссийских козаков“⁴⁵⁴). В начале 60-х годов, при Екатерине II, когда стали резче обозначаться централистические тенденции российского правительства, Разумовскому был сделан запрос (24/I 1763), на каком основании действует Шостенский завод. Ссылка гетмана на „особливые утвержденные ей (Украине) права и привилегии“ оказалась устаревшей. Дело перешло в Сенат, который не согласился с

⁴⁵²) П.С.З., XI, с. 672—673, № 8629; Сенатский Архив, XIII, 483—484. Ср. Экстракт, 274—276.

⁴⁵³) Сенатский Архив, XIII, 484; П.С.З., XI, 672. Возможно, что пороховой завод, на котором в 1746—47 г. г. отбывали работы работники и подводчики, нанятые новгородским мещанством (Труды XIV Арх. С'езда, III, 331), был именно Шостенский. В таком случае, он работал во второй половине 40-х годов.

⁴⁵⁴) Экстракт, 276.

представлением Разумовского. Указывая на то, что „в пунктах, данных гетману Хмельницкому“, и в привилегии 1751 г. ничего не было сказано „о имени в Малороссии пороховых заводов“, Сенат в своем докладе императрице (9/І 1764) просил „о небытии... оным пороховым заводам... высочайшего указа“. Интересна резолюция Екатерины: „Сенат и без меня в силе законов сие дело решит может“⁴⁵⁵). 2/ІІІ 1764 года Разумовскому послан был сенатский указ, которым велено было „имеющиеся в Малой России пороховые заводы... все уничтожить и впредь оным не быть тамо, а порох на те малороссийские войска отпускать готовой из Москвы за деньги, по настоящей цене“.⁴⁵⁶) Указ 22/ІІІ 1771 г. об учреждении в Гетманщине казенного порохового завода, которому предшествовал доклад гр. Румянцева в 1765 г.⁴⁵⁷), учреждал новое предприятие, устроенное на иных началах и рассчитанное на иной масштаб. Мы почти ничего не знаем о внутренней жизни старого Шостенского завода. К нему, вероятно, были приписаны те села и хутора, какие переданы были впоследствии новому Шостенскому пороховому заводу. Это были хутора Шкирмоновка (Шкирмовский) и Мироновка (Мироновский) и с. Фастовцы⁴⁵⁸).

⁴⁵⁵) Сен. Арх., ХІІІ, 484—87. Сначала Шостенский завод был лишен возможности получать селитру. Украинским заводчикам запрещено было ставить селитру на генеральную артиллерию, и Главная артиллерия взяла с них обязательство о непродаже. Ходатайство гетмана о снятии этого запрещения не было удовлетворено. Сенат писал: „что же он, гетман и кавалер, ко утверждению тех в Малороссии пороховых заводов пишет, Малая Россия де имеет особливые утвержденные ей права и привилегии всеми продуктами внутренними пользоваться свободно, беспрепятственно, то посему селитра, делаемая в Малороссии, продуктом их хотя назваться и может, но как селитерные промышленники, отдавая оную в Артиллерию, получают за нее деньги, следственно они тем продуктом и пользуются беспрепятственно“ (П. С. З., ХVІ, 504).

⁴⁵⁶) П. С. З., ХVІ, с. 501—505, № 12018; Экстракт, 277—78.

⁴⁵⁷) Лазаревский, Описание, ІІ, 350—51; Сб. Р. И. О., т. X, с. 13—14.

⁴⁵⁸) Лазаревский, Описание, ІІ, 351; см. Экстракт, 273—74. Интересные данные о новом Шостенском заводе в 1778 году—Киевская Старина, 1890, ІV, с. 138—39. О новом Шостенском заводе в ХІХ столетии—Труды Полт. Уч. Арх. Ком., ХІІІ, 110; Домонтович, 362—65; Черн. Губ. Вед., 1850, с. 357—60, 369—70.

IX.

Вот немного, что нам известно о старой мануфактуре в Гетманщине. Однако, и в рукописном материале и в литературе имеются беглые упоминания о некоторых предприятиях фабричной промышленности, отчасти выходящих за пределы Гетманщины, вообще недостаточно ясных и во внутреннем и во внешнем своем бытии. Мы обязаны упомянуть о них, перечислить известные ссылки и указания. Несомненно, наиболее крупным оказалось предприятие, выходявшее за географические рамки Гетманщины, хотя тесно связанное с украинской территорией. Это была суконная мануфактура в Салтовском уезде Белгородской губернии, заведенная в 1759 году⁴⁵⁹). Она принадлежала генерал-аншефу графу Ивану Симоновичу Гендрикову, родственнику императрицы⁴⁶⁰). В 1759 году ей выдана была правительственная ссуда в размере 15000 рублей на 10 лет, причем ссуда не была возвращена⁴⁶¹). До 1771 года (до морового поветрия) работало на ней 185 д. м. п. крепостных и 170 д. м. п. вольнонаемных. В 1778 году на ней числилось уже 285 д. м. п. крепостных и 170 же д. м. п. вольнонаемных⁴⁶²). Эти цифры весьма интересны. Они резко выделяют мануфактуру Гендрикова в ряду других помещичьих фабрик Империи, обходившихся почти исключительно трудом своих крепостных. С другой стороны, характерным для дворянской фабрики второй половины XVIII века является соотношение численности крепостных и вольнонаемных рабочих в 1778 году. В то время, как число кре-

⁴⁵⁹) Чулков, т. VI, кн. 3, с. 602; Hermann, Statistische Schilderung, 379. См. Московский Месяцеслов на 1776 год, 215.

⁴⁶⁰) Семевский, I, 597. Год основания у Семевского—1739—неверен. Об И. С. Гендрикове—Русск. Биогр. Словарь, том Гааг—Гербель, с. 388—89.

⁴⁶¹) Лаппо-Данилевский, 31, пр. 3 (на стр. 32).

⁴⁶²) Семевский, I, 597. Не относятся ли к Салтовской мануфактуре сведения Топогр. опис. Харьковск. нам. 1788 года о 485 душ об. пола, приписанных „к суконной фабрике“ (изд. 1888 г.—с. 78); см. Friebe, I, 192. У И. С. Гендрикова была еще (с 1759 года) „красильная“ фабрика в Москве, существовавшая в 70-х годах (Чулков, т. VI, кн. 3, с. 655, 710).

постных увеличилось на 54⁰/₀, вольнонаемные рабочие остались в прежнем количестве. К началу 70-х годов производство мануфактуры оценивалось в 35 тысяч рублей. В 1773 году на ней было выработано: сукон синих, зеленых, красных, по 60 коп. аршин, на 25084 р. 80 к.; сукон вальных, по 12 р. половинка, на 4800 рублей, и каразеи красной, по 14¹/₂ коп. аршин, на 3845 р. 40 к.⁴⁶³). Зуев, путешествовавший по Слобожанщине в начале 80-х годов, отметил в своих Путешественных Записках „суконную фабрику графини Гейнриковой“, находившуюся тогда на территории Волчанского уезда, в состав которого, после упразднения Белгородской губернии, вошел Салтовский уезд⁴⁶⁴). Суконный „завод“ кабинет-секретаря А. Макарова, под предлогом заведения которого он получил в 1720 году некоторые земли в Белгородском уезде, вероятно, не был заведен⁴⁶⁵), хотя отношение Макарова к Путивльской мануфактуре, поскольку оно изображено в челобитных Дубровского, могло бы быть объяснено конкуренцией двух предприятий⁴⁶⁶). Овчарные заводы там были им устроены⁴⁶⁷). Шелковая мануфактура в Киеве в 1727 году, о которой говорит Кириллов, повидимому, недоразумение⁴⁶⁸). Шелковые заводы в Киеве, действительно, были и имели довольно серьезный характер⁴⁶⁹), хотя все попытки пра-

⁴⁶³) Чулков, т. VI, кн. 3, с. 602.

⁴⁶⁴) Путешественные записки, 191.

⁴⁶⁵) Опись Сен. Архива, отд. I, т. 2, ч. 1, с. 247, № 1613; „Шибейкина деревня“ — выморочное имущество, оставшееся после полковника „Шибейки“. В 1733 году ничего не известно о заведении и состоянии этого суконного „завода“ (Сб. Р.И.О., т. 106, с. 192). Туган-Барановский упоминает суконную фабрику тайного советника Макарова (Русская фабрика, 13). Это, вероятно, его Красносельская фабрика (см. Описание документов и бумаг, хранящ. в М. А. Мин. Юст., VI, отд. 2, с. 45, 50, 57, 59, 60).

⁴⁶⁶) Сб. Р. И. О., т. 130, с. 33—34.

⁴⁶⁷) Описание документов и бумаг, хранящ. в Моск. Арх. Мин. Юст., VI, отд. 2, с. 45.

⁴⁶⁸) Кириллов, I, 133.

⁴⁶⁹) Андриевский, Исторические материалы, I, 182—83; III, 134, 142—47; VIII, 43—50; П. С. З., XIII, 110—11; *Güldenstädt's Reisen*, II, 345; Чулков, Описание, т. VI, кн. 3, с. 263—64, 658; Статистическое описание Киевской губернии (изд. Фундуклея), II, 453—64; Закрев-

вильного шелководства в Гетманщине оказались неудачными⁴⁷⁰). Возможно, что предполагалась организация в Киеве и шелковой мануфактуры. Но вряд ли она была осуществлена. Позже, когда в 40-х годах один заезжий иностранец предполагал организовать подобное дело, он имел в виду учредить шелковичный завод на Украине, а штофную мануфактуру в Петербурге⁴⁷¹). Во всяком случае, различные описания Киева в XVIII веке ничего не говорят о шелковой мануфактуре⁴⁷²). Впрочем, упоминание Кириллова недостаточно определено. Попытка Петра в 1720 году организовать в Киеве стеклянный завод „для изготовления зеркальных стекол и хрустальной посуды“, для чего приказано было отправить в Киев с Воробьевских заводов в Москве иностранных и русских мастеров, материалы и инструменты⁴⁷³), вряд ли была осуществлена. Описания Киева ничего не говорят о нем⁴⁷⁴).

ский, с. 589—90; Чижев, Историческое обозрение шелководства в Киевской губернии, 6—18. Интересный материал о Киевском казенном шелковом заводе в 1772—73 г.г. находится в Киевском б. Центральном Архиве (старые дела из архива Киевского Губернского Правления, дело „о поручении состоящего на Подоле шелкового казенного завода... в ведомство и смотрение... капитану Суковкину... и разные о том переписки... на 125 листах“). См. Модзалевский, Родословник, II, 285.

⁴⁷⁰) Андриевский, III, 147; Слабченко, Малорусский полк, 272.

⁴⁷¹) П. С. З., XIII, 110—12.

⁴⁷²) Один документ, кажется, 1742 года, называет в Киеве шелковую „фабрику“ (Киевская Старина, 1888, апрель, с. 6). В 1744 году, говоря о шелковом заводе в Киеве, заинтересованные лица называли его „фабрикой“ (Чтения в Общ. Нестора, кн. VI, с. 178—80). Лерхе (1770 г.) говорит о двух шелковых „фабриках“ в Киеве (Закревский, 94). Но эти указания недостаточно определены. Повидимому, у Кириллова слово „мануфактура“ употреблено, характерно для того времени, в широком значении (см. Чижев, *op. cit.*, 6). Впрочем шелковые заводы в Слобожанщине (в м. Нов. Водолагах) в конце XVIII века назывались нередко „фабрикой“ (Киев. Стар., 1892, III, 459). О водолажских заводах — Труды Харьковского Предварительного Комитета, т. II, ч. I, с. 36, 49—50; Скальковский, Опыт статистического описания Новороссийского края, II, 154—56; Семевский, Крестьяне, II, 847—48; Труды Вольно-Экономического Общества, 1795, ч. I, с. 194.

⁴⁷³) П. С. З., VI, № 3504; Опись Сен. Арх., отд. I, т. I, с. 74—75, № 321.

⁴⁷⁴) Мы не упоминаем некоторых мелких фабрично-заводских предприятий того времени, напр., нежинской шляпной фабрики 1774 года

Интересные проявления частной инициативы в деле фабричного строительства мы можем констатировать среди украинского купечества и мещанства еще в первой половине столетия. Они, несомненно, находились в связи с военными обстоятельствами того времени. 21/II 1738 года в Кабинет поступила челобитная „города Стародуба мещанина Семена Лашкевича—о позволении ему в Стародубском полку в пристойном месте завести парусную из пеньки фабрику“⁴⁷⁵). Это был Семен Тихонович Лашкевич (Тищенко), бурмистр Стародубовского магистрата (1737—1738), один из богатых и влиятельных представителей местного общества⁴⁷⁶). Кабинет, особенно считаясь с интересами Почеповской мануфактуры, запросил мнение генерала Шипова, управлявшего тогда Гетманщиной. 22/VI того же года было получено в Кабинете доношение из Глухова; где Шипов писал, что „прошение стародубовского мещанина Лашкевича о заведении в том полку парусной фабрики в Канцелярии Министерского Правления рассматривано, и, по мнению, оную построить ему надлежит позволить, для того что Почепской фабрике помешательства не будет, а на Почепской бы фа-

(*Goldenstädt's Reisen*, II, 368—69), восковой белильной фабрики на р. Лыбеди, принадлежавшей в 1760 году Киево-Печерской Лавре (Андреевский, *Материалы*, III, 121), батуринского завода листового золота и серебра, основанного русскими купцами в начале 50-х годов (*Труды Черн. Губ. Учен. Арх. Ком.*, XI, 125), целого ряда, иногда довольно крупных кожевенных (например, „кожевной двор“ в Чугуеве или в окрестностях его, бывший до 1711 года в „содержании“ Ф. В. Шидловского, а после конфискации его имущества переданный чугуевскому посадскому человеку Андрею Бутову.—*Материалы для очерка служебной деятельности Шидловских в Слободской Украине*, 145—47), кирпичных, известковых, лесопильных, винокуренных, медноплавильных, железоделательных, стеклянных, селитренных, мыловаренных и др. заводов. Особую группу представляют Бахмутские и Торские соляные заводы (о них—Скальковский, *Опыт*, II, 452—65 *Журн. Мин. Вн. Дел*, 1849, ч. XXV, с. 62—104, 197—218). Нам неизвестно, где и когда заведена была упомянутая в ведомости 1769 года полотняная фабрика сотника Ахтырского полка Семена Нахимова, к которой куплено было „крестьян и людей без земель“—1383 души (Сб. Р. И. О., т. X, с. 373).

⁴⁷⁵) Сб. Р. И. О., т. 120, с. 111.

⁴⁷⁶) Модзалевский, *Родословник*, III, с. 26.

брике, за недовольством лесов, быть сту станам, да вновь построить фабрику в Ропской волости или в раскольничьих слободах“⁴⁷⁷). Мы не знаем, была ли заведена Лашкевичем фабрика. Прекращение военных действий могло задержать это дело. Да и сам старый Лашкевич скоро умер (5/І 1743 года)⁴⁷⁸). Большой интерес представляет „фабрика“ Артино в Нежине, единственная купеческая фабрика в Гетманщине первой половины XVIII века⁴⁷⁹). 13/Х 1737 года в Коммерц-контуре поступило прошение нежинских жителей „Юря да Павла Алексѣевыхъ детей Артиныхъ“⁴⁸⁰) о том, „чтобъ, по силѣ манифактурной инструкціи, по желанию ихъ позволить имъ построить кожевной заводъ“ в Нежине или „гдѣ удобное мѣсто будетъ в Малой Россіи“. План Артино был довольно широк. Завод предполагалось основать „для дѣланія юети мастерской і пудовой ради продажи і поставки в армѣю и в протчии мѣста и отпускают для продажи ж за-границу с платежемъ пошлинъ“. „К... заводу удобное мѣсто і лесныя припасы“ были уже „искуплены“. Артино просили Коммерц-контору о некоторых привилегиях для своей „фабрики“: „дабы в отпуску за-границу от нежинской ратуши и от полковой канцеляріи запрещения имъ не было, о том, такожъ и о небраніи с нихъ правянта и лошадей в подводы і о увольненіи от постою, дать имъ указъ с прочетомъ“. Коммерц-контора затруднилась дать просимое позволение, „для того что малороссіскія города в ведомствѣ состоятъ Малороссіской Генеральной Войсковой Канцеляріи, и дабы позволением той фабрики тамошним правамъ в чемъ не учинить нарушение“. Свои недоумения Коммерц-контора сообщила при доношении от 4/ІІ 1738 г. Коммерц-Коллегии. 2/ІІІ 1738 года, наведя соответствующие

⁴⁷⁷) Сб. Р. И. О., т. 120, с. 498. Предположенная фабрика, кажется, заведена не была.

⁴⁷⁸) Модзалевский, III, 26; Дневник Ханенко, 189.

⁴⁷⁹) Некоторые сведения о ней, на основании Харьковского исторического Архива и отчасти Архива Марковича, были сообщены Плохинским в его работе „Иноземцы в Старой Малороссии“ (Труды XII Археол. С'езда, II, 260—261).

⁴⁸⁰) О Юрии и Павле Артино—*ibid.*, 213 (сведения 1765 года). См. Рум. Опись, опись гор. Нежина (Отдел рукописей Библ. Киев. Унив.), л. 117 об.—118.

справки, Коммерц-Коллегия определила: „в Генеральную Воисковую Канцелярию послать промеморию, дабы она благоволила вышеозначеннымъ просителемъ, нежинскимъ жителемъ Артинымъ, в построении того кожевного заводу (ежели по малороссіскимъ правамъ затруднѣнія от того не явится), по силѣ его імператорьскаго величества імянныхъ указовъ і Манифактуръ - Колегіи инструкціи, учинить позволение, и производили бѣ надлѣжащимъ образомъ, какъ указы о томъ повелеваютъ; і что учинено будетъ, в Камерцъ-Калегію для ведома сообщить“. Соответствующая промемория в Генеральную Воисковую Канцелярию была послана 3/III 1738 года⁴⁸¹). Генеральная Воисковая Канцелярия разрешила „Нартинымъ“ построить кожевенный завод в Нежине и предложила, „дабы старшины малороссійскіи, а особливо полковникъ нежинской, войтъ магистрату нежинского и всякаго званія люди в построении имъ Артиным... на собственной ихъ землѣ юфтяного заводу и в делании оной юети... никакой не чинили препоны и трудности“, и „о томъ, со объявленіемъ Генеральной Воисковой Канцеляріи открытого указа, из месискихъ (!) книгъ дана им выпись“. Завод был построен и расширялся: „изделанной... юети к приуготовленію на армию продажа имелась“. Затруднения „фабрики“ состояли в том, что „за продажею... и остаточная (юфть) есть, токмо той остаточной, безъ данной имъ исъ Камерцъ-Калегіи привилегіи и указу, за-границу не пропускать, а в Малой... Россіи, за неименемъ купцовъ, употребить ее невозможно“. Кроме того, „чинитца имъ (Артино) убытокъ, такожь пріезжающіи афицеры и салдаты и всякаго званія люди берутъ подводы, и от нежинскихъ гражданъ и всякихъ чиновъ людей чинятца обиды а заводу ихъ ко умноженію и распространенію остановка“. Все это заставило Артино в 1740 году обратиться в Коммерц-Коллегию с просьбой дать им установленную привилегию в том, что им разрешается: продавать выделанную юфть на армию, в украинских городах, „а достальной в отпускъ за-границу“; „в покупке на тотъ заводъ людей

⁴⁸¹) Румянцевский Музей, Архив Марковича, № 1362; см. в приложениях к настоящей книге, № 9.

до ста душъ запрещенія б и остановки, а имъ разоренія... чинено не было“; „судомъ бы и росправою ихъ і мастеровыхъ и работныхъ людей и прикащиковъ ихъ вѣдать в Камерцъ-Калегіи и в Малороссійской Генеральной Войсковой Канцеляріи“; освободить их „для новости бѣ того ихъ заводу“ от всякихъ повинностей и постоев; и, наконец, оградить от притеснений Нежинского магистрата и полковой канцелярии, а также отдельных лиц. Коммерц-Коллегія затруднилась, ввиду отсутствия всякихъ сведений об этомъ заводе, дать просимую привилегию и промеморией 10/VI 1740 года просила Генеральную Войсковую Канцелярію, „ежели помянутыми просителми кожевенной новоманерного дѣла заводъ в городе Нежине заведенъ и в добромъ порядкѣ имѣется“, „в подчиненныя места подтвердить указами, дабы впредь напрасныхъ имъ никакихъ обидъ, а фабрики помещателства и остановки чинено не было“. При этомъ Коммерц-Коллегія просила Генеральную Войсковую Канцелярію при помощи Нежинского магистрата освидетельствовать, „в какомъ она фабрика размноженіи имѣетца, и сколько капиталу положено, и матеріаловъ и товару зделанного порознь по сортамъ налицо, и по какимъ ценамъ в продаже бываетъ, и сколько жъ при томъ мастеровыхъ людей имѣетца... и что по свидѣтельству явится, писать в Камерцъ-Калегію немедленно“. Что же касается отпуска юфти за-границу, то в этомъ Артино, на основании запретительныхъ указовъ, было отказано⁴⁸²⁾. Мы надолго теряемъ из виду „фабрику“ Артино. Не нашла ее в 1744 году и Мануфактур-Коллегія, ассессору которой Меженинову было поручено обревизовать фабрики. Она, в числе другихъ, значилась прекратившей свою деятельность „за неимениемъ капитала“⁴⁸³⁾, что сгубило и более крупные предприятия. Но в 1766 году мы находим „фабрику“, принадлежавшую теперь одному Юрию Алексеевичу Артино, действующей. Предприятие имело небольшие размеры. „Мастеровыхъ людей“ было 6; „работныхъ наемныхъ“—8. Ежегодно выделява-

⁴⁸²⁾ Румянцевскій Музей, Архив Марковича, № 1384; см. в приложенияхъ к настоящей книгѣ, № 10. Впоследствии привилегія „фабрике“ Артино была, кажется, выдана (Сен. Арх., V, 116).

⁴⁸³⁾ Лаппо-Данилевскій, 30.

лось 3200 различных кож (из них 1200 юфтовых). Производство, однако, не было постоянным: „иного году видѣливается побольше, а иного и поменше, в случай по достатку кожъ і капиталу, такожь майстеровыхъ и работныхъ людей“⁴⁸⁴). Дальше мы теряем „фабрику“ из виду, и Гильденштедт, говоря о промышленности Нежина, не упоминает о ней. Но в описании Нежина в 1782 году упомянут, в числе прочих кожевенных заводов, завод мещанина „Артына“⁴⁸⁵). Этот несколько случайный факт представляет большой интерес для истории украинской фабрики.

Х.

Вторая половина XVIII столетия принесла с собой и новые условия промышленной деятельности в Гетманщине и новые фабрики. Можно отметить два момента промышленного под'ема: первый—в середине XVIII столетия—связан с гетманством Разумовского; второй, в новой экономической и политической обстановке, приходится на последнюю четверть века. Между ними много общего. Не случайно оба они связаны с именем Кирилла Разумовского и хозяйством его украинских латифундий. Еще важнее то, что характерным признаком обоих явилось значительное оживление украинской частновладельческой фабрики, которая, собственно, с этого времени начинает развиваться. На смену неуклюжим и громоздким, с трудом вмещавшимся в местном хозяйстве мануфактурам первой половины столетия, большей частью широко рассчитанным в масштабе потребностей всей Империи, хоть иногда и содержавшим элементы вотчинной фабрики, но несомненным предкам обязанной и посессионной фабрики, приходят легкие, небольшие по размерам производства и сбыта, одни—шляхетские, ограниченные узкими рамками вотчинного хозяйства, обслуживавшиеся панщинным трудом, занимавшие сначала сравнительно небольшое количество рабочих рук, другие—купеческие и мещанские, весьма напоминавшие кустарную мастерскую, прямые пред-

⁴⁸⁴) Рум. Муз., Арх. Марковича, № 5198.

⁴⁸⁵) Лазаревский, Описание, II, 66. Ср. Труды Черн. Губ. Арх. Ком. IV, 171—78.

шественники современной фабрики,—фабрики второй половины, особенно конца XVIII столетия. Они выходят за хронологические пределы Гетманщины, и изучать их здесь мы не можем. Но поскольку они связаны с промышленным хозяйством Гетманщины вообще и с мануфактурой первой половины XVIII века в частности, в иных случаях являя новообразования старого материала, будучи нередко продуктом разложения старых мануфактур,—они интересуют нас, и мы обязаны коснуться их хотя бы в кратком обзоре.

К середине столетия российская экономическая политика в значительной степени утрачивает прежний боевой характер. Первые признаки перелома обнаружилось вскоре после смерти Петра ⁴⁸⁶). Гетманщина была уже почти втянута в орбиту русского народного хозяйства. Гетманство Разумовского было очень безобидно и послушно петербургской указке, и всегда существовала полная возможность повлиять на украинские дела в желательном для Петербурга направлении. Российское правительство к середине XVIII столетия делает значительные отступления от прежних методов своей политики, хотя традиционные основы ее остались в полной своей незыблемости. Крупное русское землевладение на Украине отстаивается, органически срастается с местным крупным хозяйством, принимает более четкие формы, и латифундии Разумовских и Румянцева совсем непохожи на меншиковские колонии. Да и полвека хозяйственной деятельности не прошло бесследно. Несколько сравнительно спокойных десятилетий укрепляют украинское хозяйство. К середине XVIII столетия закрепляется хозяйственный контакт севера и юга Гетманщины, обусловленный их природной обстановкой и наметившийся еще в XVII веке. Старые хозяйственные традиции, семена, брошенные в украинскую почву, оживают и приносят богатые плоды в области промышленности. Кучук-Кайнарджийский договор, освоение черноморских степей и замирение Крыма открывают далекие и блестящие перспективы ⁴⁸⁷). Украинская колонизация засе-

⁴⁸⁶) Зап. Наук. Тов. ім. Шевченка, т. 105, стор. 86.

⁴⁸⁷) О связи украинской промышленности второй половины XVIII века с черноморской торговлей—Friebe, I, 299—320.

ляет прежнее дикое поле, и Черное море становится доступным для Империи. Восстанавливаются и расширяются южные старые пути украинской торговли; в небывалых до того размерах налаживаются новые. Украинское шляхетское хозяйство обращает свое внимание и энергию на Черноморье, открывавшее давно потерянную дорогу на Запад и новую дорогу на Восток, и скоро начинается черноморская предпринимательская горячка⁴⁸⁸). Результаты этого оживления сказались на украинской промышленности несколько позже, к концу столетия и началу следующего, но первые и серьезные признаки их мы замечаем еще в 80-х годах. Наконец, присоединение Правобережья, объединяя Украину, проводило в бывшую Гетманщину новые промышленные веяния и влияния из Польши и Западной Европы. Развивается заводская промышленность, в частности, в виде стеклянного производства; оживают старые мануфактуры, и нарождаются новые. 80-е и 90-е годы — время большого под'ема украинской промышленности. Но если промышленность кустарного типа выдержала этот под'ем, то старая мануфактура оказалась в ином положении. Значительное оживление кустарного производства сказывается на ней весьма неблагоприятно. Она не успевает завоевать местный рынок; далекие рынки для нее почти недоступны, ввиду сильной конкуренции русской промышленности. Ее архаическая организация, большая связь с казной или вотчиной мешают этому, и ей трудно соперничать с той широкой и гибкой промышленной организацией, которая вырастает во второй половине столетия в раскольничьих слободах Стародубья⁴⁸⁹). Окрепшая к концу XVIII века русская промышленность свободно и сильно проникает на Украину.

⁴⁸⁸) О черноморской торговле и об отношении к ней правительства и общества во второй половине XVIII века — Чулков, Описание, т. II, кн. I; Scherer, Histoire raisonnée du commerce de la Russie, t. I, p. 173—186; t. II, p. 21—39; Friebe, Ueber Russlands Handel, landwirthschaftliche Kultur, Industrie und Produkte. Erster Band; Фирсов, Правительство и общество в их отношениях к внешней торговле России в царствование императрицы Екатерины II, с. 276—97.

⁴⁸⁹) Лазаревский, Описание, I, 440—65; Оценка недвижимых имуществ Черниговской губернии, ч. III, с. 93, 160; Черн. Губ. Вед., 1851, № 45—47.

И старые мануфактуры доживают свой век вместе со своими владельцами, старыми фельдмаршалами. На смену им идут кустарь и вотчинная фабрика, развившиеся уже в следующем столетии.

Эпоха просвещенного абсолютизма и полицейского государства связана в украинской истории XVIII века с гетманством Разумовского и—в своем внешнем выражении—многим обязана ему, точнее, той петербургской среде, которая его выдвинула и поддерживала. Большую персональную роль в этом играл Теплов⁴⁹⁰). Широко развернувший программу „национальных строений“, позднее—заведующий табаководством Империи⁴⁹¹), он пытался сделать многое, но это ему удалось лишь в относительно узкой сфере гетманского, а позже частновладельческого хозяйства Разумовского, в котором ему, бесспорно, принадлежала руководящая роль. Нам несколько трудно различить при Разумовском государственные предприятия от частных. Начатые постройкой в качестве „национальных строений“, они закончены были и продолжали свою деятельность уже в эпоху принадлежности Батурина и других ранговых маетностей, на правах собственности, Кириллу Разумовскому. Да вряд ли строго разграничивалось это и в начале их организации. Была лишь разница в подходе к делу. Среди „национальных строений“, предпринятых Кириллом Разумовским, была „машинная фабрика“, или „машинная пильная мельница“, под Батурином, за постройкой которой с 1752 по 1755 год „по повелению его ясневельможности“ наблюдал батуринский сотник (1750—1767) Дмитрий Климентьевич Стожок⁴⁹²). Была учреждена особая экспедиция Глуховского и Батуринского строения, с большим количеством служащих. К работам привлекалось, в порядке натуральной повинности, население даже отдаленных полков Гетманщины. На ра-

⁴⁹⁰) Об этой стороне деятельности Теплова—у Лазаревского, Описание, II, §261—65. О Теплове—Р.Б.С., том Суворова—Ткачев, с. 471—78.

⁴⁹¹) Лазаревский, Описание, II, 261—65; Труды Полтавск. Арх. Ком., XV, 107—166; Киев. Стар., 1886, сентябрь, 178—82; Чулков, т. VI, кн. 3, с. 559—64.

⁴⁹²) Лазаревский, Описание, II, 261. 25/IX 1753 года ее осматривал Ханенко (Дневник, 506).

боты ссылались также за различные преступления⁴⁹³). Теплов управлял экспедицией, принимая живое участие в постройке „машинной фабрики“, равно как и целого ряда других предприятий. В 1757 году он писал в походную гетманскую канцелярию: „новостроящейся в Батурине машинной фабрики заготавливается в лесу г. генерального подскарбия Скоропадского, по его дозволению, около с. Охромеевич состоящем, соснового брусса 50, которое на сих днях надлежит и перевозить в Батурин, чтоб в строении оной фабрики остановки не последовало“. Теплов требовал присылки подвод из соседних сотен⁴⁹⁴). Исследователи полагают, что сначала Теплов хотел устроить лесопильный завод ввиду того значительного количества построек, которое намечалось в Батурине⁴⁹⁵). Он существовал в 1761 году⁴⁹⁶). Дальнейшая судьба этой „машинной фабрики“, по видимому, хорошо оборудованного лесопильного завода, нам неизвестна, и постройка ее интересна, как один из характерных моментов правительственной деятельности Разумовского.

Несомненно, самым крупным предприятием Разумовского в те годы была суконная мануфактура в Батурине, начатая постройкой в 1756 году⁴⁹⁷). Строилась она еще

⁴⁹³) Труды Черн. Арх. Ком., XI, 125—26. Интересные материалы отчасти опубликованные Лазаревским, находятся в Малоросс. Сборнике из собрания рукописей Лазаревского, № 46, т. I, л. л. 121—131 об. В 1751 году Новгородский сотник Степан Судиенко был „у заготовленія потребныхъ к строенію города Батурина матеріяловъ, яко то вапєнныхъ заводовъ и сискаванія к тому надобныхъ іскусныхъ людей“ (Малоросс. Сборник из собрания Лазаревского, № 46, т. 18, л. 81—частн. пагинація). См. Черн. Губ. Вед., 1852, с. 199—200; Модзалевский, Родословник, II, 49.

⁴⁹⁴) Лазаревский, Описание, II, 261 (28/V 1757).

⁴⁹⁵) Ibid., 261—65.

⁴⁹⁶) Черн. Губ. Вед., 1853, № 29, с. 308; см. Черн. Губ. Вед., 1852, № 19, с. 200.

⁴⁹⁷) Год основания указан в заметке П. Ростовцова „О фабричной и заводской промышленности в Черниговской губернии“ (Черн. Губ. Вед., 1851, № 37, с. 323) и в статье А. Гутмана „Историческое развитие технической и мануфактурной промышленности Черниговской губернии и современное ее состояние“ (Черн. Губ. Вед., 1852, № 18, с. 188). Его повторили в 1862 году Домонтович (с. 261) и в 1869 году

в 1761 году⁴⁹⁸). Первоначальные размеры ее были незначительны. Графиня Е. М. Румянцева отметила свое посещение ее в мае 1766 года в письме к мужу. „Все в Батурин ездили, и там две ночи ночевали, и сюда (в Глухов) воротились, время очень хорошо было, и там были на фабрике суконной, где красильня, да еще где и ковры делают“⁴⁹⁹). Но впервые более подробные сведения сообщает нам Гильденштедт, осмотревший ее в октябре 1774 года. Мануфактура в его время работала удовлетворительно, в значительной степени благодаря умелому руководству главноуправляющего именьями Разумовского в Черниговщине—майора Отто фон-Гофштейна⁵⁰⁰). Размеры ее все же были невелики. На мануфактуре было 11 станов. На 10-ти ткали сукна, а на одном стане—толстую байку. Ширина сукна в стане была 3 аршина, причем основа была на 2650 нитках. Каждый кусок имел 40 аршин длины. Ткали большим маховым колесом (5 футов в диаметре) и маленьким веретеном. Два ткача, приставленные к каждому стану, получали за кусок сукна, на который ими затрачивалось 3—4 дня, 3 р. 40 коп. Мальчик, наматывавший при стане нитки на чурки, получал с куска 20 коп., за набор основы—50 коп., за ческу шерсти—4 коп. с фунта, за пряжу—3 коп. Для прядения пользовались услугами детей обоего пола, которые могли выпрясть в день не более полуфунта пряжи. Сукна окрашивали в различные цвета: синий, красный, зеленый, серый, коричневый, фиолетовый. Лучшим сукном считалось синее: аршин его стоил 1 рубль. Для окрашива-

О. М. Бодянский в примечании к соответствующему месту записок кн. И. М. Долгорукого (Чт. М. Общ. Ист. и Др., 1869, III. с. 315, прим.). Этот год указан у Русова (Описание Черниговской губернии, II, 288) См. Список населенных мест Черниг. губ., XLVI.

⁴⁹⁸) Черн. Губ. Вед., 1853, № 29, с. 303.

⁴⁹⁹) Письма гр. Румянцовой, 58. Красильня—это, вероятно, и есть „краселный завод“, упомянутый в Отдточной книге 1761 года (Черн. Губ. Вед., 1853, № 29, с. 303). Около 1758 года экономия Разумовского самовольно завладела землями Батуринского Крупецкого монастыря для красильного и кирпичного заводов. Дело тянулось долго. Черн. Епарх. Изв., 1862, с. 722).

⁵⁰⁰) Reisen durch Russland, II, 39; Hammarcs Reise, 196; Васильчиков, Семейство Разумовских, I 354 356.

ния сукон употреблялись краски, отчасти добывавшиеся из местных растений (желтая краска), отчасти привозившиеся в готовом виде из Москвы (крап, покупавшийся по 11 руб. 50 коп. за пуд; вайда и индиго, стоившие 72—120 р. за Пуд). Необходимые для окраски квасцы продавались на украинских ярмарках по 4—5 р. пуд. Изделия Батуринской мануфактуры не имели большого сбыта. Гильденштедт отмечает, что только знатные и богатые покупают на фабрике и в лавках синее, зеленое и красное сукно⁵⁰¹). В середине 80-х годов изделия фабрики были невысокого качества. Фабрика выполняла также заказы местных помещиков⁵⁰²). Но в 1787 году Гаммард отмечал развитие фабрики, объясняя ее цветущее состояние мягким и гуманным обхождением Разумовского со своими крепостными⁵⁰³). Мануфактура обслуживала преимущественно обширное хозяйство Разумовского⁵⁰⁴). К концу столетия⁵⁰⁵) она еще расширилась. На запрос Мануфактур-Коллегии в 1797 году, может ли фабрика обслуживать нужды армии, батуринская экономия дала интересный ответ: „когда она будет обеспечена надобностию в черкасском сукне, то может иметь оно на продажу до двадцати тысяч аршин“. Таким образом, единственно, что мешало ей развернуться, это отсутствие сбыта⁵⁰⁶). В 1803 году фабрика перешла к гр. Андрею Кирилловичу Разумовскому⁵⁰⁷). Фон-Гун, посетивший ее в 1805 году, рассказывает: „в Батурине имеется суконная фабрика верстах в двух от одного, при самой реке Сейме. В ней работают на пятнадцати станах сукно, байки и русской стамед. Сукна делаются шпанские, шленские и черкасские. Наиболее отличаются они своею

⁵⁰¹) *Reisen durch Russland*, II, 396—97.

⁵⁰²) Частные письма в собрании Лазаревского, т. III (1714—1798) переписка Захара Адрианопольского с И. А. Войцеховичем (20/V 1785 (15/VII, 1785; 29/IX 1785).

⁵⁰³) *Hammards Reise*, I, 196.

⁵⁰⁴) Васильчиков, I, с. LXXXVI—CII (1774 г.).

⁵⁰⁵) О ней, равно как о восковой свечной фабрике, упоминает Краткое Топографическое описание Новгородсеверского наместничества 1787 года (Черн. Губ. Вед., 1851, № 47, с. 400).

⁵⁰⁶) „О суконных фабриках“, с. 2; см. *Friebe*, I, 309.

⁵⁰⁷) Васильчиков, III, 443.

краскою; ибо, действительно, цветы имеют весьма прочные; да это и не удивительно, ибо здесь находится отменно искусный красильной мастер, отец того фабриканта, что в Шептаках, который живет уже около тридцати лет. Есть при сей фабрике и суконной мастер, немец же“. Сукна продавались в одном из флигелей графского дома⁵⁰⁸). За короткий срок фабрика была расширена: в 1810 году в работе было 50 станов. При фабрике был овчарный завод, где насчитывалось до 1200 шпанских овец⁵⁰⁹). В XIX столетии Батуринская фабрика получила большие размеры⁵¹⁰). В 1852 году ткацких станов было 76. Рабочих числилось до 455 человек. Ежегодно выпускалось сукон на 22 тысячи рублей серебром. Из них на 20 т. р. поставлялось сукна в Киевскую комиссариатскую комиссию (с 1820 года фабрика стала выделывать сукна, употребляемые на обмундирование войск, преимущественно из черкасской шерсти), а на сумму до 2 т. р. выпускалось на рынок (при цене за аршин 60—75 коп.⁵¹¹). Однако, в 1855 г. фабрика уже бездействовала⁵¹¹),

⁵⁰⁸) Фон-Гун, II, 30—31. Местоположение фабрики может быть определено на основании указаний „Плана окрестностей Батурина“ (рукоп. серед. XIX в. из библиотеки Лазаревского, № 306, IV). Впоследствии около фабрики образовалось значительное поселение—деревня Фабричная Слободка (см. Общий план казенного Батурияского имения 1868 года—рукопись библиотеки Лазаревского, № 304). Описание 1761 года указывает, что суконная фабрика строилась „на речке Шолковщи, где и прежде мельница бывала“ (Черв. Губ. Вед., 1853, № 29, с. 303).

⁵⁰⁹) Чт. М. Общ. Ист. и Др., 1869, III, 315 (Путешествие в Одессу и Киев 1810 года кн. И. М. Долгорукого).

⁵¹⁰) О Батуринской фабрике при кн. Андрее К. Разумовском—Васильчиков, IV, 59—91. После смерти А. К. Разумовского (1836 г.) Батурин перешел в казну.

⁵¹¹) Черв. Губ. Вед., 1852, № 18, с. 188—89. Фабрика еще ранее начала поставлять солдатские сукна (И. С. З., т. XXX, с. 361—63). Интересные сведения о Батуринской фабрике сообщает Ростовцов (Черв. Губ. Вед., 1851, № 37, с. 323—24). Помещалась она в одноэтажном каменном доме и четырех флигелях; кроме того, при ней были две прядильни, красильня и сушильня. Для служащих и некоторых рабочих было выстроено 3 деревянных флигеля. Был также магазин для склада материалов. Летом фабрика не работала, так как рабочие заняты были хлебопашеством (ibid.). См. Семенов, Географическо-Статистический Словарь, I, 219.

⁵¹²) Домонтович. 261; Русов, II, 288.

не дожив одного года до столетнего юбилея. Она погибала вместе со всей крепостной фабрикой.

Кирилл Разумовский, повидимому, предполагал широко поставить суконную промышленность в своих имениях. В 1751 году он скупал в д. Костыреве (в Новомлинской сотне) земли „для заводу суконной фабрики“, которую должен был строить „фабрикант фон-Акер“⁵¹³). В 1751 г. ему было выдано для этого 1000 рублей⁵¹⁴). По распоряжению домово́й гетманской канцелярии новомлинцы должны были продать для фабрики, „хотя и с нуждою обывательскою“, свой „меский бор на строение амбаров и сараев“. Суконная фабрика в м. Новых Млинах, при реке Сейме, существовала в 1761 году⁵¹⁵). В 1751 году козаки с. Нехаевки продали гетману „озеро, прозываемое Винное, взявшееся з гори от изовища, а впавшее близ мосту в реку Винную, на котором озере и мельница об одном'коле мучном“, с окрестными землями. Исследователи полагают, что здесь существовала фабрика, как это видно из сохранившегося до нашего времени названия одного из хуторов— „фабрика“⁵¹⁶). Если это и не была предшественница Батуринской фабрики, то вряд ли она просуществовала долго. Мы ничего не знаем больше о ней. Вторым более удавшимся предприятием Разумовского является Батуринская восковая свечная фабрика. Возникла она, вероятно, одновременно с суконной; в 1761 году она еще строилась)⁵¹⁷.

⁵¹³) Не одно ли лицо с голландским купцом Яном ван-Акером, который участвовал одно время в работах Путивльской мануфактуры, выполняя правительственное поручение, а в 1737 году хотел построить собственный суконный „завод“, но разрешения не получил (Сб. Р.И.О., т. 117, с. 589). О нем—Сб. Р.И.О., т. 117, с. 533, 589; т. 126, с. 340; Описание Сев. Арх., отд. I, т. 3, ч. I, с. 359, 387, 394, 451, 520, 559; Чулков, Описание, т. VI, кн. 3, с. 371.

⁵¹⁴) Труды Черн. Арх. Ком., XI, 126. Деньги были выданы из Ген. Войск. Канц. (ibid.).

⁵¹⁵) Черн. Губ. Вед., 1853, № 29, с. 301.

⁵¹⁶) Лазаревский, Описание, II, 301; Черниговская губ. Список насел. мест, с. 162.

⁵¹⁷) Черн. Губ. Вед., 1853, № 29, с. 303. Вначале это было, повидимому, небольшое предприятие (см. Дневник Марковича, II, изд. 1859 года, с. 372).

В 1774 году о ней вскользь упомянул Гильденштедт⁵¹⁸). Разумовский гордился своей свечной фабрикой. В письме от 1/IV 1786 года к сыну гр. Андрею Кирилловичу он писал между прочим: „по желанию твоему, свечи восковые белые батуринской моей фабрики для домашнего твоего обиходу доставлены будут, которые, в рассуждении их белизны и чистоты, французским не уступят, но за приготовление светилен отвечать не могу, хотя все способы употребляются у меня на фабрике для приведения оных в совершенство, но не уповаю, чтобы могли с французскими равняться“⁵¹⁹). Подробные и интересные сведения сообщает о ней тот же фон-Гун (в 1805 году). Он застал ее уже в упадке. „Под самым же Батурином—рассказывает он—шагах во сте от большой дороги, на поемном месте, подле залива имеется восковая свечная фабрика, достойная примечания тем, что на ней делаются отменно хорошие столовые свечи, известные везде под именем батуринских. Тут перебеливается ныне воск и переделывается в свечи около двух сот пудов каждой год, а прежде делывалось и по четыреста. Мастера тут все здешние. Хотя ныне делаемые свечи очень хороши и гораздо лучше почти всех в России делываемых, однакож лет за восемнадцать перед сим (т. е. около 1787 г.) были они еще лучше, когда выписывалась для сей фабрики марсельская светильня. Со времени французской революции выписывать оную перестали, а довольствуются сарептскою“. Свечи также продавались в одном из флигелей графского дома⁵²⁰). Кн. И. М. Долгорукий, бывавший в Батурине в 1810 году, говорит о фабрике, где делают „славные восковые свечи, а также недавно начали лить короткие сгарки нарочно для ночников“. Тех и других продавали мало, так как граф Андрей Кириллович Разумовский, тогдашний владелец Батурина, затребовал к

⁵¹⁸) *Reisen durch Russland*, II, 402. Лазаревский (Очерки, II 67), конечно, ошибочно относит основание ее к концу XVIII столетия см. *Черн. Губ. Вед.*, 1851, № 47, с. 400).

⁵¹⁹) Васильчиков, I, 383.

⁵²⁰) Фон-Гун, II, 30—31. Еще ранее о ней упоминает Friebe, I, 304.

себе в Вену до 400 пудов свеч⁵²¹⁾. Описывая свое второе путешествие на Украину, в 1817 году, Долгорукий называет производство восковых свеч „старинным промыслом этой фамилии“ (Разумовских)⁵²²⁾. Изделия фабрики имели большой успех на мануфактурной выставке 1829 года. Годовое производство составляло тогда 250 пудов на сумму 17¹/₂ тысяч⁵²³⁾. В 1860 году на этой фабрике было выработано всего 15 пудов восковых свеч по 30 рублей за пуд: стало быть, ценность всего производства равнялась 450 руб. серебром⁵²⁴⁾ Это была агония. Более позднего происхождения кожевенный завод Разумовского, устроенный английскими мастерами осенью 1774 года близ д. Устья (20 в. к западу от Батурина). Это, кажется, было одно из более удачных предприятий экс-гетмана. Зато совершенно неудачной оказалась попытка организации зеркальной фабрики близ Батурина, относящаяся, повидимому, к более раннему времени. Гильденштедт в 1774 году слышал о печальных результатах этого скороспелого предприятия. В данной местности не было ни необходимых для производства материалов, ни достаточного количества леса. Зеркальные пластины, изготовленные для пробы, на воздухе принимали молочный цвет и были непрозрачны. Фабрика, на которую были затрачены большие деньги, была закрыта⁵²⁵⁾. Мы еще будем говорить о промышленной деятельности бывшего гетмана⁵²⁶⁾. Здесь мы хотели собрать те немногие

⁵²¹⁾ Чт. Моск. Общ. Ист. и Др., 1869, III, 314—15. Батуринская свечная фабрика обслуживала домашнее хозяйство Разумовских еще при Кирилле Григорьевиче (Васильчиков, I, с. LXXXIV.—1774 г.).

⁵²²⁾ Чт. М. О. И., 1870, II, 170. О Батуринской свечной фабрике некоторые сведения у Лазаревского, Очерки, II, 66—67.

⁵²³⁾ Описание выставки 1829 года, 281.

⁵²⁴⁾ Домонтович, 355, пр. I. Фабрика существовала в 1869 году Чт. М. О. И. и Др., 1869, III, 319, пр. I).

⁵²⁵⁾ Reisen, II, 398.

⁵²⁶⁾ Вероятно, в 50-х годах устроена была механиком „Гаржбергером“ на реке Сейме, близ Батурина, „славная водяная мельница“, которая сгорела в 1765 году (Щекатов, I, 366). Тот же Гиршбергер (Гиршберг) строил мельницы в имени Румянцева—Вишенках в 1769 году (Лазаревский, Очерки, IV, 18); о вишенской мельнице упоминает Гильденштедт (Reisen, II, 406). Постройки Гиршбергера казенная мельница в Глухове (Reisen, II, 419; см. Лазаревский, Описание, II, 434).

и отрывочные сведения, какие сохранились о его первоначальном промышленном хозяйстве, связанном с Батурином и теми „национальными строениями“, идея которых широко захватила первые годы последнего гетманства.

ХІ.

Переход ко второму моменту промышленного под'ема, устанавливающий известную связь между эпохой Разумовского и временем крупного оживления черноморской торговли, составляет деятельность Румянцева-Задунайского, точнее первое десятилетие его управления Гетманщиной. Верный сын эпохи просвещенного абсолютизма, серьезно заинтересованный строгим выполнением екатерининских проектов, хотя несколько по своему оценивавший положение дела в Гетманщине, повидимому, желавший управляемой им области благосостояния, как он его понимал, Румянцев продолжал традиции предшественника⁵²⁷). Однако, подход к делу у него был значительно иной, нежели у гетмана Разумовского. Идея „национальных строений“ последнего гетмана и связанные с ее осуществлением промышленные предприятия в батуринском районе есть только новая, более приспособленная к условиям времени, места и положения Разумовского, как гетмана, вариация старой идеи государственных мануфактур. Она была теперь лишь несколько ограничена в своем масштабе, и это ограничение особенно интересно для истории украинской фабрики. Эпоха Разумовского должна быть отмечена и в истории украинской промышленности вообще, хотя непосредственные результаты ее были невелики. Румянцев подходил к вопросу несколько иначе. От первой половины XVIII столетия он воспринял ее масштаб организации украинской промышленности, петербургскую точку зрения на Гетманщину. Но общие экономические условия были значительно иные. Уже елизаветинская эпоха (50-е годы) фактически

⁵²⁷) Общая характеристика деятельности Румянцева—у Лазаревского, Очерки, IV, 1—26. Специальная работа проф. Г. А. Максимовича о Румянцеве не закончена. Деятельность Румянцева в области хозяйственных отношений мало обследована.

покончила с системой государственных мануфактур. Правда, наказ Малороссийской Коллегии 1767 года полагал необходимым „для лучшего поощрения частных завести коронные фабрики“⁵²⁸), но времена были не те, и это предложение не было осуществлено. Разумовский, таким образом, осуществлял уже устаревшую идею, и в этом, бесспорно, основная причина неудачи его „национальных строений“, которые все, в законченном или незаконченном виде, превратились в части его же вотчины. А следующая эпоха—екатерининская—дала идеологическое объяснение этому факту. Недаром с ней связывают более заботливое отношение правительства к кустарной промышленности⁵²⁹). Новая экономическая конъюнктура обуславливала новую экономическую политику. В этом направлении и пошла деятельность Румянцева в области организации украинской промышленности. Им подготовлено было в значительной степени то интенсивное строительство частновладельческих фабрик, которое особенно обнаружилось в самом конце XVIII и начале XIX столетия, и в первых шагах которого принял активное участие сам Румянцев. Еще в первые годы своей деятельности в качестве президента Малороссийской Коллегии Румянцев указывал, что „надлежит трактовать, какие, где по способности, завести произведения и мануфактуры к пользе и выгоде государственной чрез искусных и способных к тому людей“⁵³⁰). В этой краткой, но определенной программе заметна еще зависимость от старых традиций экономической политики. Однако, последние слова этого текста, предоставлявшие широкий простор личной и частной инициативе, объясняют нам, что разумел здесь Румянцев под „пользой и выгодой государственной“. Развитие частной инициативы рано или поздно приводило к денационализации мануфактуры.

⁵²⁸) Сб. Р. И. О., т. 43, с. 227. См. Сен. Арх., XV, 70; Архив Государственного Совета, т. I, ч. 2, с. 677—78.

⁵²⁹) Туган-Барановский, 39, 40, 51—54; Архив истории труда в России, I, 26. См. Сб. Р. И. О., т. X, с. 256—59; Чулков, Описание, т. VI, кн. 3, с. 110—12, 121—23.

⁵³⁰) Чт. в Общ. Нест., кн. V, отд. III, с. 104; Авсеенко, 14.

Один из первых известных нам случаев в соответствующей практике Румянцева весьма показателен в этом отношении. В 1766 году житель Нежина, выходец из Турции, вероятно, грек или балканский славянин—Богдан Иванов⁵⁸¹⁾ „собственнымъ своимъ коштомъ началъ заводить къ пользѣ общей фабрику, къ дѣланію въ ней бумажныхъ кумачей и китайки разныхъ цвѣтовъ, такожь платковъ и поясовъ бумажныхъ же и полушелковыхъ и прочего, что съ тѣхъ матеріаловъ заспособно будетъ“. К 1767 году „в оной фабрикѣ“ он поставил девять станов „и сдѣлалъ пробы показаннымъ товарамъ“. Но, „не имѣя привилегіи производить болѣе и обращать въ продажу не (смѣя)“, он обратился к Румянцеву с ходатайством о выдаче ему „на ту фабрику“ привилегии и о представлении этого дела в высшие инстанции. Сообщая о том в Мануфактур-Коллегию 24/V 1767 года, Румянцев писал: „я нашель въ томъ его попеченіе для здѣшнихъ мѣстѣ небезполезнымъ, тѣмъ болѣе, что производство на заведенной фабрикѣ показанныхъ товаровъ, которые получаютъ всякъ можетъ на свое употребленіе, способно будетъ здѣшнимъ жителямъ зѣ довольною выгодною“. Румянцев просил Мануфактур-Коллегию „на заведенную им (Богданом Ивановым) фабрику, производство и продажу дѣлаемыхъ товаровъ, снабдѣть по государственнымъ узаконеніямъ повелѣнною привилегіею“⁵⁸²⁾. Неизвестно, получил ли Богдан Иванов привилегию. Сама Мануфактур-Коллегия в том же 1767 году высказала, в лице своего вице-президента Сукина, мнение о том, что промышленность должна быть предоставлена самой себе, и всякий может работать, сколько обстоятельства его позволяют⁵⁸³⁾. Манифестом 17/III 1775 года было подтверждено,

⁵⁸¹⁾ В списке нежинских греков 1765 года Богдана Иванова нет (Труды XII Арх. С'езда, II, 210—26). Нет его и в списках 1769 года (В. Савва, Материалы из архива нежинских греческих братства и магистрата, I, 1—14).

⁵⁸²⁾ Бумаги Румянцева в собрании Судненко (Отдел рукописей Библиотеки Киевского Университета, № 118).

⁵⁸³⁾ Нисселович, I, 88. См. наказ Мануфактур-Коллегии 1767 года (Сб. Р. И. О., т. 43, с. 204—10).

что „всем и каждому дозволяется добровольно заводить всякого рода станы и производить на них всевозможные рукоделия, не требуя на то уже иного дозволения от вышнего или нижнего места“⁵⁸⁴). Гильденштедт, посетивший Нежин в 1774 году, говорит о ткачах, которые находились в одной маленькой фабрике в нескольких верстах от Нежина, в деревне Филевке; они выделывали на счет одного местного купца хлопчатобумажные ткани. Фабрику эту он застал в плохом состоянии⁵⁸⁵). Кажется, это и была фабрика Богдана Иванова. Тогда краткое сообщение Гильденштедта приобретает особенный интерес. Больше мы ничего не знаем о ней⁵⁸⁶), и надо думать, что, несмотря на промышленную почву Нежина, она или погибла, или—это правдоподобнее—обратилась формально в мастерскую кустарного типа, какой по существу она и была. Этот интересный факт стоит особняком, представляя значительный шаг вперед в экономическом отношении, выходящий уже за пределы умиравшей Гетманщины. Не менее интересны попытки заведения фабрик украинским шляхетством. Первую попытку такого рода мы встречаем только во второй половине XVIII столетия. Полковник Иван Тернавиот, желая завести у себя суконную фабрику, обратился за разрешением в Мануфактур-Коллегию. Коллегия 20/XII 1765 года позволила Тернавиоту „занесть въ Малой Россіи, близъ города Нѣжина, въ слободѣ Филевкѣ суконную фабрику и производить на двенадцати станахъ и на оной сукна дѣлать и красить самимъ добрымъ майстерствомъ такія, кои бѣ были цѣною отъ осмидесятъ копѣекъ аршинъ и выше“. Фабрика была заведена Тернавиотом на его счет, без всякого пособия от казны деньгами или припиской крестьян. „На содержаніе оной фабрики приходило (!) со всего издержанія (Тер-

⁵⁸⁴) П. С. З., XX, № 14275; Нисселович, I, 92. См. Туган-Барановский, 39—44.

⁵⁸⁵) Reisen, II, 368. Недалеко от Нежина известны два поселения с этим именем: д. Филевка, при рч. Кропивне, в 8 верстах от Нежина (Список населенных мест Черн. губ., с. 135, № 2540), и хутор Филевский, в 5 верстах от Нежина (ibid., с. 136, № 2515).

⁵⁸⁶) Шафонский определенно указывает, что фабрик в Нежине и Нежинском уезде „никаких нет“ (op. cit., с. 442, 463, 485).

навиота)“. Это интересное предприятие просуществовало, вероятно, недолго. По крайней мере, в начале 90-х годов оно было уже воспоминанием, и, повидимому, старым⁵³⁷⁾. Нам важно отметить в доношении Румянцева от 24/V 1767 года дальнейший шаг в развитии его мысли, по существу пред-решенный первым. „Государственная польза и выгода“ сменяется здесь „общей пользой“, и раз’яснение этой формулы приводит Румянцева к характерной для эпохи просвещенного абсолютизма идее общего блага⁵³⁸⁾. Но из „общей пользы“ неизбежно выделялась польза частная, и вскоре она выдвинулась на первое место в деятельности вотчинной и городской фабрики конца XVIII века. Самое существо новой промышленной организации об’ясняет нам малое количество конкретных случаев из соответствующей сферы деятельности Румянцева⁵³⁹⁾. В 1769 году в Нежине возникла шелковая фабрика, принадлежавшая в 80-х годах Максиму „Алхов“. На фабрике было 6 станок и 55 рабочих. Капитал определялся в 8000 рублей⁵⁴⁰⁾. Это, несомненно, купеческая мануфактура. Малороссийская Коллегия, очевидно, не без влияния президента, живо интересовалась положением украинской промышленности, в частности, кустарной. В 1766 году было проведено обследование кожевенного производства, давшее богатый материал. Румянцевская Опись много внимания уделила украинской промышленности⁵⁴¹⁾. Экономич-

⁵³⁷⁾ Киевский Централархив, губернаторский архив, дело о суконных фабриках в 1790 году.

⁵³⁸⁾ G. Jellinek, *Das Recht des modernen Staates*. Erster Band (Berlin, 1900), 217.

⁵³⁹⁾ Интересно отметить также меры Румянцева к привлечению на Украину иностранных колонистов. Ими была заведена, например, в его имении Вишенках „ткацкая фабрика, на которой отменно ткут (в 1787 году) тонкие полотна“ (Черн. Губ. Вед., 1851, № 45, с. 384). О вишенских меннонитах—*Güldenstädt's Reisen*, II, 405—406. См. Storch, *Historisch-statistisches Gemälde des Russischen Reichs*, III, 69.

⁵⁴⁰⁾ Hermann, *Statistische Schilderung*, 379, Beil. XXVIII. См. Московский Месяцеслов на 1776 год, с. 216. Гильденштедт о ней не упоминает.

⁵⁴¹⁾ Румянцевский Музей, Архив Марковича, №№ 5187—5208 („указ о собрании и присылке в Коллегию ведомостей о кожевних фабриках и таких домах, в коих кожи виделиваются, и о продаже оних, також о прежней и нынешней продаже пряжи льняной“). Этот

ческая обстановка на Украине стала более удобной для развития новой промышленной организации лишь к концу XVIII столетия, когда деятельность одиноко доживавшего свой век последнего правителя Гетманщины была уже прошлым.

ХII.

Деятельность Румянцева формально определяла новое направление в истории украинской промышленности и, в частности, украинской фабрики. Но развилось оно значительно позже, в последней четверти века, точнее, в два последних десятилетия XVIII и в первые годы XIX столетия. Этот недолгий промежуток времени все же объединил в себе два поколения. Если в 60-х и 70-х годах „века Екатерины“ действовали люди с большой инициативой и размахом, государственные деятели с несомненным административным талантом, хорошо понимавшие местные отношения, то к концу века и в начале следующего на смену им пришли „дети“, не старые еще годами, но рано состарившиеся в международных дипломатических интригах и родных канцелярских подвохах, люди, смертельно напуганные страшным призраком революции 1789 года. Бюрократы в душе и за душой, чиновники с головы до ног, они мало вникали в хозяйство своих неизмеримых латифундий⁵⁴²). Однако, оно не только шло по инерции, данной ему хозяевами—„отцами“, но еще делало ряд заметных и интересных успехов. „Гетманичи“ Разумовские, в конце концов вконец разорившие отцовские латифундии, в начале XIX века живо увлекаются постройкой новых фабрик и заводов, расширением и улучшением старых⁵⁴³). Личная инициатива как-то отходила на задний план,—вперед вы-

материал отчасти опубликован Плохинским в статье „Иноземцы в Старой Малороссии“ (Труды XII Археол. Съезда, II, 260—62). Богатый материал Румянцевской Описи опубликован, к сожалению, в весьма небольшом количестве.

⁵⁴²) См. Васильчиков, I, с. VIII—IX.

⁵⁴³) Интересный материал собран в книге фон-Гува (*passim*). См. Черн. Губ. Вед., 1851, № 37, с. 323.

двигалось и властно заявляло свои требования экономическое развитие страны.

Особенную промышленную инициативу проявили оба фельдмаршала, оба последних правителя Гетманщины, судьба которых была так однообразна в последние десятилетия их жизни. В своих огромных украинских маетностях графы Кирилл Григорьевич Разумовский и Петр Александрович Румянцев-Задунайский не только расширяли прежние предприятия, но и организовали ряд новых. Особенно широка была деятельность Кирилла Разумовского. Он завел и постоянно расширял батуринские суконную и свечную фабрики⁵⁴⁴), кожевенный завод близ Батурина, неудачно пытался организовать зеркальную фабрику. Это предприятия раннего, еще гетманского периода его деятельности. Но она продолжалась и позже. В 1786 году Кирилл Григорьевич заводил в Почеповской волости полотняную фабрику, возобновляя, таким образом, традицию меншиковского „фабричного завода“⁵⁴⁵). В Быковской волости он устроил ковровую фабрику, которая была найдена в 1796 году Сиверсом в отличном состоянии. Мастера и рабочие были местные крестьяне⁵⁴⁶). Несколько позже, вероятно, уже в конце 90-х годов (после 1797 года), Разумовский завел вторую суконную фабрику в Шептаках⁵⁴⁷). Фон-Гун посетил и ее. „Здесьняя суконная фабрика—пишет он в 1805 году—заведена еще покойным фельдмаршалом (ум. 1803). В ней работают около шестидесяти человек, по большей части детей. Фабрикант тут швед, по прозванию Мальмстрогм, уроженец батуринской (сын батуринского фабриканта), знающий, деятельной молодой человек. Сукна, здесь вырабатываемые, довольно хороши и продаются по 2 руб. 20 коп. Граф (Алексей Кириллович Разумовский) намерен перевести сию фабрику в Яготин, для того что там с’естные припасы дешевле. В ней вообще

⁵⁴⁴) Васильчиков, I, 462.

⁵⁴⁵) Шафонский, 20. Это, вероятно, была упомянутая в ведомости 1802 года полотняная фабрика (единственная в губернии) с 29 рабочими (Труды Полт. Арх. Ком., XIII, 109).

⁵⁴⁶) K. L. Blum, Ein Russischer Staatsmann, IV, 248.

⁵⁴⁷) Фон-Гун, II, 13.

семь станов“⁵⁴⁸). Если добавить к этому стеклянный завод в Новгородсеверской губернии, где в 1786 году выделялось не только „белое оконничное стекло большими листами, но даже хрустальная чистая посуда“⁵⁴⁹); маслобойный завод, „может быть, единственный во всем государстве“ (с очень интересными техническими улучшениями), в Баклани, построенный не позже 1800 года, значит, еще при гетмане (вероятно, не ранее конца 90-х годов⁵⁵⁰), и целый ряд более мелких предприятий, — перед нами окажется длинный, но, несомненно, неполный список, подводящий значительные итоги промышленной деятельности последнего гетмана. Сыновья гетмана гр. Алексей, Петр и Лев Кирилловичи и кн. Андрей Кириллович продолжали его дело в этом направлении. Помимо поддержания и усовершенствования отцовских фабрик, они завели ряд новых, и в 1805 году фон-Гун упоминает о чулочной фабрике в Яготине⁵⁵¹), ковровой фабрике в Андреевке (близ Яготина⁵⁵²), „медном котельном заводе“ (осн. ок. 1803 года) возле Шептаков гр. Алексея Кирилловича и другом таком же заводе гр. Андрея Кирилловича, которые вместе с гр. Завадовским⁵⁵³), тогдашним министром народного просвещения, были монополистами этой очень важной, ввиду ее значения для винокурения, отрасли производства. Гр. Андреем Кирилловичем была заведена в 1810 году также суконная фабрика в м. Ропске, Новозыбковского уезда⁵⁵⁴), которая числилась за ним, равно как и Батуринская, в 1832 году. Они выделяли сукна различных сортов, тонкие, простые, байку, фланель, одеяла и платки. В том же году существовала и Шептаковская суконная фабрика (при селах Машеве и Жадове), которая числилась за

⁵⁴⁸) Ibid., II, 13—14. Сведения фон-Гуна повторены у Щекатова VII, 238—239.

⁵⁴⁹) Шафонский, 21.

⁵⁵⁰) Фон-Гун, I, 57.

⁵⁵¹) Ibid., 50—51.

⁵⁵²) Фон-Гун, II, 71.

⁵⁵³) Ibid., II, 11—13.

⁵⁵⁴) Черн. Губ. Вед., 1852, № 18, с. 189. В 1808 году гр. Львом К. Разумовским была заведена суконная фабрика в м. Карловке, Константиноградского повета (Журнал мануф. и торговли, 1831, № 2, с. 55—57).

дочерью гр. Алексея Кирилловича — тайной советницей Уваровой. Она выделяла солдатские сукна⁵⁵⁵). В 1817 году, во время второго путешествия своего на Украину, кн. Долгорукий посетил Быковскую волость гр. Петра Кирилловича Разумовского, где осматривал фабрики суконную и ковровую; кроме того, там делались восковые свечи⁵⁵⁶). Не меньшей промышленной предприимчивостью отличался преемник Разумовского по управлению Гетманщиной — Румянцев⁵⁵⁷). Помимо Топальской мануфактуры, ему принадлежали: стеклянный завод в Новгородсеверской губернии в 1786 году, где также выделялась хрустальная посуда⁵⁵⁸), и, вероятно, „медный завод“, где вырабатывалась разная медная посуда, в д. Драглевке, который числился в 1832 году за графом Сергеем Петровичем Румянцевым⁵⁵⁹). Кроме того, Румянцеву-Задунайскому принадлежало много мелких фабрично-заводских предприятий⁵⁶⁰). Однако, сыновья фельд-маршала были менее деятельны в этом направлении, нежели сыновья гетмана.

Другие фабриканты и заводчики в Левобережной Украине (собственно, на территории бывшей Гетманщины) были значительно скромнее, хотя по своему общественному положению некоторые из них не уступали Разумовскому и Румянцеву. Из четырех суконных фабрик, находившихся в 1797 году в Малороссийской губернии (включая Рясковскую

⁵⁵⁵) Список фабрикантам, II, 814. Ростовцов считает ее открытой в 1811 году (Черн. Губ. Вед., 1851, № 37, с. 325). См. Журнал ман. и торг., 1832, № 1, с. 133; Черн. Губ. Вед., 1852, с. 189.

⁵⁵⁶) Чт. М. О. И. и Др., 1870, II, 170. О Быковской ковровой фабрике — Черн. Губ. Вед., 1852, с. 449.

⁵⁵⁷) О хозяйственной деятельности Румянцева — Лазаревский, Очерки, IV, 23 — 26.

⁵⁵⁸) Шафонский, 21.

⁵⁵⁹) Список фабрикантам, II, 826.

⁵⁶⁰) В ведении Румянцева находился в 1778—87 годах казенный шелковый завод в Киеве (Чижев, *op. cit.*, 10). Вероятно, им была заведена небольшая суконная фабрика в одном из имений его, в Пирятинском уезде (с. Демки?), обслуживавшая в 1801 году лишь „экономические надобности“. Шерсть доставлялась из овчарного завода (шленских или шпанских овец), находившегося в Ташани (Труды Полт. Уч. Арх. Ком., II, прилож., с. 154; но *ibid.*, с. 160).

и Батуриинскую), одна принадлежала „его свѣтлости канцлеру князю Безбородку въ городѣ Острѣ“, а другая была „господь Будлянскихъ, Прилуцкаго повѣта в мѣстечкѣ Сръбномъ“⁵⁶¹⁾. Остерская мануфактура Безбородко—это, несомненно, суконная фабрика в Старогородке, подле Остра, бывшем имени Безбородко. В 1797 году она была еще мало развита, хотя на точность данных, доставленных остерской экономией, положиться, конечно, нельзя. „Во владѣніи его свѣтлости—писала экономия—нарочитой фабрики нѣтъ; а хотя имѣются при экономіи заведенія ткачества разныхъ полотень и подобнаго тому, также и суконъ простыхъ, но оныя употребляются единственно на экономическихъ служителей, поставки же или подряду, по неполному заведенію, учинить не можетъ“⁵⁶²⁾. Впоследствии фабрика расширилась⁵⁶³⁾; в 1832 году она принадлежала графу Александру Григорьевичу Кушелеву-Безбородко⁵⁶⁴⁾ и просуществовала почти до крестьянской реформы, оставив по себе печальную память в местном населении. „На фабрикѣ господь Будлянскихъ, по показанію управляющаго оною вырабатывается фабричнаго сукна простого пятьсотъ аршинъ, кое употребляется на дворовыхъ служителей и по экономіямъ г.г. Будлянскихъ“. Мануфактур-Коллегія потребовала, чтобы назначенное с этой фабрики количество—254 аршина—каразей было сделано и отдано в Комиссариатское ведомство к 1/XII 1797 года. Выполнение этого постановления возложено было на Прилуцкий нижний земский суд. Однако, экононом фабрики письменно заявил суду, „что показаннаго количества каразей въ такъ короткій срокъ сдѣлать фабрика не въ состояніи потому, что хотя и имѣлась собственнаго пріобрѣтенія волна, но вся употреблена на здѣлку для экономическаго расхода сукна, и что при оной фабрикѣ заведенія и каразейнаго стана нѣтъ,—однако, уважая государственную необходимость, старается (эконом) заготовить станъ и прі-

⁵⁶¹⁾ „О суконныхъ фабриках“, с. 1.

⁵⁶²⁾ Ibid., с. 2.

⁵⁶³⁾ В начале XIX в. фабрика поставляла в казну солдатские сукна в небольшомъ количествѣ (И. С. З., т. XXX, с. 361—63).

⁵⁶⁴⁾ Список фабрикантам и заводчикам, II, 813.

обрѣсть покупкою волны, сколько можно будетъ по нынѣшнему, къ тому неудобному времени, и сдѣлать къ повелѣнному числу каразей“⁵⁶⁶). Будлянские были одними изъ крупнейших помещиков Левобережья, благодаря родству с Разумовскими. Можно назвать еще „шелковые и чулочные фабрики“ в Тепловке, возникшие до 1795 года⁵⁶⁶), ковровую фабрику Томары в Войтовцах⁵⁶⁷), стеклянный завод Дунин-Борковских в Новгородсеверской губернии в 1786 году, где выделывалась и хрустальная посуда⁵⁶⁸). Перечислить все более мелкие предприятия невозможно⁵⁶⁹).

Характеризуя фабрично-заводскую промышленность Черниговского наместничества в 1786 году, Шафонский писал, между прочим: „у многих помещиков делают домашние изрядные холсты, салфетки и скатерти, но не такой доброты, каковыя в великороссийскихъ фабрикахъ делаются, и не в такомъ количестве, чтобы они могли настоящий из того вестъ торг“⁵⁷⁰). Некоторые из этихъ домашних „фабрик“ впоследствии выбились на более широкую дорогу; другие недалеко ушли от 1786 года. Только конец XVII столетия и начало XIX, в связи с ослаблением в эпоху французской революции и наполеоновскихъ войнъ заграничнаго импорта, присоединением Правобережной Украины и, наконец, укреплением местной экономической жизни, приносятъ кое-что новое. Это были последние предприятия Кирилла Разумовскаго, фабрики его сыновей, ряд другихъ частныхъ фабрик и заводов—с одной стороны, казенныхъ, главным

⁵⁶⁶) „О суконныхъ фабрикахъ“, с. 2; Лазаревский, Описание, III, 336—37.

⁵⁶⁶) Фон-Гун, II, 81.

⁵⁶⁷) Фон-Гун, III, 11.

⁵⁶⁸) Шафонский, 21.

⁵⁶⁹) См. Описания Шафонскаго и Пашенко и Лазаревский, Описание, I, *passim*.

⁵⁷⁰) Шафонский, 20; см. *ibid.*, 19, 227, 327, 364, 408, 442, 532, 560—61, 589—90, 616, 648. В Переяславскомъ повете в 1801 году „выделывается сукно разныхъ цветовъ по малой части во владении надв. советницы Марии Сухинной, урожд. кн. Несвитской, и те сукна никуда в продажѣ не выходятъ, а употребляются только на одеяние и уборъ крестьянъ дворовыхъ“ (Гр. Полт. Арх. Ком., II, прил., с. 154—55). Это, вероятно, Мария Васильевна Сулима, вдова Семена С. Сулимы (Модзалевский, Родословник, IV, 810).

образом, в Южной Украине⁵⁷¹⁾),—с другой, наконец, фабрики Правобережной Украины⁵⁷²⁾ и среди них продолжившая, в оригинальной переработке, традиции старой мануфактуры Киево-Межигорская фаянсовая фабрика⁵⁷³⁾. Но были уже иные времена, иные экономические отношения. Гетманщины давно уже не существовало.

⁵⁷¹⁾ См. Киевская Старина, 1892, II, с. 226—59; 1893, II, с. 274—92 III, с. 412—41; IV, с. 29—40; Харьковский Сборник, в. III, с. 111; Pamiętnik Historyczno-Polityczny, 1784, str. 967. Некоторые данные о фабрично-заводской промышленности второй половины XVIII века в Южной Украине—у Скальковского, Опыт статистического описания Новороссийского Края, т. II, и Д. И. Багалея, Колонизация Новороссийского края и первые шаги его по пути культуры, гл. IV—V (Киевская Старина, 1889, июль, с. 110—48); см. Труды Вольно-Эконом. Общества, 1795, ч. I, с. 193—95; Киевская Старина, 1885, апрель, с. 790. О промышленной деятельности Потемкина и Зубова, в частности о Екатеринославских казенных фабриках—Сборник военно-исторических материалов, VII, с. 117, 142; Летопись Екатеринославской Ученой Архивной Комиссии, год первый, с. 73, 78, 80—81, 83, 87; Скальковский, Хронологическое обозрение истории Новороссийского края, I, с. 136—37, 142, 182, 185, 222, 245—46; Брикнер, Потемкин, 73, 74—75, 243; Н. Storch, Historisch-statistisches Gemälde des Russischen Reichs, III, 250—51; De Castres, Relation d'un voyage sur le bord septentrional de la mer d'Azof..., éd. 1826, p. 102—106; и друг. издания.

⁵⁷²⁾ Список их, далеко неполный, у Korzona, op. cit., II, 260—63, 313—22.

⁵⁷³⁾ Киево-Межигорская фаянсовая фабрика имеет специальную; (обширную, но неравноценную) литературу. Очерк, посвященный ей в Статистическом описании Киевской губернии (III, 187—210), сохраняет свое значение до настоящего времени.

Глава II.

I.

Организация украинской мануфактуры, ее внутренняя жизнь, нам очень мало известна. Сохранившиеся официальные описания интересовались только внешней стороной дела, и данные их едва достаточны для намечения хотя бы в общих чертах внешней истории мануфактуры. Подробно рассказавшие нам о фабричных постройках и запасах, они умолчали о жителях и работниках этих построек и—что еще важнее—о их жизни и работе. Организация ее известна нам лишь в самых общих чертах, слабо раз'ясняющих неопределенную массу материала. Управление мануфактурами в Гетманщине не являло собой определенного постоянства и единства. В разное время разные предприятия то теснее сживались с местным хозяйством, то выходили за пределы его, превращаясь на более или менее долгий срок в одно из бесчисленных отделений петербургских коллегий и канцелярий. Бесспорно, на управлении украинской мануфактурой отразилась вся изменчивость центрального административного аппарата Гетманщины; а вторая половина столетия внесла много новых элементов в его организацию. Но была одна общая черта, свойственная всем мануфактурам. Обслуживая почти исключительно нужды казны или являясь государственными предприятиями, они, естественно, становились в более тесные отношения с нею, попадали в более крепкую зависимость от нее. Это определяло всю их дальнейшую судьбу и отражалось на их администрации. С другой стороны, на украинской мануфактуре, особенно в области управления отдельными предприятиями, отозвались все колебания и изменения промышленной политики русского правительства. Общій надзор за украинскими ману-

фактурами принадлежал центральным имперским учреждениям—Мануфактур-Коллегии или Коммерц-Коллегии и их московским конторам, равно как и Комиссии о Коммерции (в качестве высшего консультативного органа), редположения и решения которых восходили в Сенат, являвшийся высшей инстанцией. Место Сената отчасти занимала Коллегия Иностранных Дел (со своей конторой) в соответствующие моменты своего отношения к Гетманшине⁵⁷⁴). Наиболее актуальной власть Сената была до 1726 года и после 1741 года,—промежуток, когда решающее значение принадлежало Верховному Тайному Совету (1726—1730) и Кабинету Министров (1730—1741). Фактически соответствующий надзор эти учреждения осуществляли через местные органы, украинские и российские, компетенция которых в этом отношении не отличалась достаточной устойчивостью и ясностью. На месте этим ведали (в разное время или одновременно) Генеральная Войсковая Канцелярия, Малороссийская Коллегия и Канцелярия Министерского Правления Малороссийских Дел. Надзору Малороссийской Коллегии одно время была поручена Путивльская мануфактура, находившаяся за пределами Гетманщины. В 1728 году та же мануфактура сносится с Генеральной Войск. Канцелярией, как с высшей инстанцией⁵⁷⁵). Однако, официальное влияние центральных российских учреждений на украинскую промышленность не было постоянным. В 30-х годах, оставляя за собой право общего руководства и высшего контроля, они считали на месте Генеральную Войсковую Канцелярию главной инстанцией, и компетентной и правомочной в решении соответствующих вопросов⁵⁷⁶).

⁵⁷⁴) См. Токмаков, 111—13. Делами Ахтырской мануфактуры одно время ведала также Камер-Коллегия (П. С. З., IX, № 6371). В 40-х годах делами Рясковской мануфактуры интересовалась Коммерц-Коллегия. Бесспорно также влияние на администрацию украинских мануфактур Военной и Адмиралтейств-Коллегий и ряда других высших военных учреждений.

⁵⁷⁵) Слабченко, Протокол отпускных писем, 94. См. Чт. М. Общ. Ист. и Др., 1848, I, 106. Повидимому, Путивльская мануфактура находилась в ведении гетманского „регимента“, с которым должна была сноситься „о надлежащих делах со стороны тех заводов“ (ibid.).

⁵⁷⁶) Румянцевский Музей, Архив Марковича, №№ 1362, 1384; Ср. Сенатский Архив, III, 483, 554.

Во времена гетманства влияние российских властей несколько сокращалось, хотя гетманская власть в эпоху Скоропадского и Апостола была весьма ограничена в своем вмешательстве в дела промышленности. При Скоропадском почти непосредственно осуществлялось управление центральных имперских учреждений Апостол указывал на независимость соответствующих дел в маестностях русских владельцев от его власти⁵⁷⁷). В то время они входили в круг непосредственного ведения российских резидентов. В начале 40-х годов, кажется, некоторое влияние на эти дела имела Комиссия экономии. В эпоху Разумовского делами промышленности ведала Генеральная Войсковая Канцелярия, хотя фактическое влияние на дела было поделено между центральной российской властью, иногда непосредственно распоряжавшейся украинскими мануфактурами, и гетманской канцелярией, точнее Тепловым⁵⁷⁸). Положение значительно осложнялось еще тем, что заинтересованные ведомства допускали очень часто непосредственное вмешательство в местные дела. Таково было положение Почеповской мануфактуры, которой уделяли большое и навряд ли целесообразное и полезное для нее внимание— Адмиралтейств-Коллегия, Военная Коллегия и Кригс-Комиссариат. Одно обстоятельство вносило еще более путаницы и неясности в управление мануфактурами. Почти все украинские мануфактуры побывали в руках сильных, очень влиятельных людей, из которых иные имели то или другое официальное отношение к соответствующим органам центрального имперского или украинского управления. Служебное положение Меншикова, Миниха, кн. Б. Г. Юсу-

⁵⁷⁷) Материалы Судненко, I, отд. 1, с. 69.

⁵⁷⁸) Интересна переписка 1750 года по поводу вывода Почеповской мануфактуры за пределы Украины. Мануфактур-Коллегия обратилась в Генеральную Войсковую Канцелярию с предложением дать все сведения о мануфактуре и вывести ее „в удобное место“. Гев. Войск. Канц. обратилась к гетману, который раз'яснил, что „по силѣ... височайшаго указа, оной Манифактуръ - Коллегіи, куда ту фабрику вывести, не отъ Генеральной Нашей Канцеляріи, но отъ Сената учрежденія и указу требовать должно“. В этом смысле и был составлен ответ Мануфактур-Коллегии (Журнал делопроизводства гетманской канцелярии 1750 года, д.л. 5, 78).

пова, Разумовского, будучи особенно исключительным, определяло администрацию их мануфактур. Неустойчивость компетенции украинских учреждений заставляла центральные имперские органы осуществлять свое управление украинскими мануфактурами при помощи специальных агентов, непосредственно наблюдавших и руководивших работой мануфактур. Отмеченная неясность юридических отношений к мануфактуре со стороны украинских органов, в связи с централистическими тенденциями российских учреждений, часто ставила этих агентов в исключительно независимое положение, что, в свою очередь, усиливало указанную неясность. В роли таких агентов выступали как отдельные лица, нарочито назначаемые заведующими, управителями, надсмотрщиками или комиссарами, так и целые учреждения: в 1727 году Ахтырская табачная мануфактура была поручена ведению Ахтырского полка, т. е. полковой канцелярии и полковника. Управители действовали на основании особых инструкций, причем формальные пределы их власти были неодинаковы. Мы знаем „полное ведение“, очевидно, противопоставлявшееся неполному, частичному. Фактическая власть их была, конечно, шире. Представляется вероятным, что институт управителей, непосредственно подчиненных центру, появился позже. Первоначально существовали надсмотрщики, назначаемые местной российской властью и подчиненные ей, утверждаемые в Петербурге ⁵⁷⁹). Впрочем, оба эти института могли существовать одновременно. К середине XVIII столетия управители некоторых государственных украинских мануфактур получают звание директоров, уцелевшее и позже, когда иные из этих предприятий перешли в частные руки (Рясковская мануфактура). При управителях была фабричная канцелярия с приказными служителями (Путивльская мануфактура). Значительно проще

⁵⁷⁹) На Почеповской мануфактуре 30-х и нач. 40-х годов имела известное значение власть Почеповского коменданта (Сб. Р. И. О., т. 117, с. 473; см. Рум. Музей, Архив Марковича, № 3387). О Почеповских комендантах—Сен. Арх., V, 91, 249—50; IV, 429; XV, 622; Сб. Р. И. О., т. 146, с. 208—209. Возможно, что делами мануфактуры интересовался генерал-майор Ю. фон-Вейсбах, управлявший в 1739—41 годах „описными маестностями“ (Баранов, II, № 7082; Сен. Арх., V, 250).

было управление частными мануфактурами, включая сюда и казенные, находившиеся в частных руках. Обычно они управлялись соответствующей частновладельческой экономией, причем некоторые из них имели специальных управителей (Шептаковская при Строгановых). При иных были „конторы“ (Почеп), своего рода фабричные канцелярии⁵⁸⁰), иногда может быть, еще неразвившиеся (Топаль⁵⁸¹). Во второй половине столетия мы имеем исключительно частновладельческие мануфактуры, управлявшиеся соответствующими экономиями, через специальных управляющих или приказчиков. На первый план выступают „майстры“, мастера, преимущественно иностранцы, которым и принадлежит руководящая роль на той или иной фабрике, а в руках экономии остается общее наблюдение за фабрикой, как одной из статей целого хозяйства. Государственный контроль принадлежал центральным хозяйственным учреждениям, Малороссийской Коллегии и генерал-губернатору, а позже и казенным палатам в губерниях. В первой половине столетия правительство предпочитало не отдавать украинские мануфактуры в частные руки, и большинство их управлялось казной; когда же маетности, где находились эти мануфактуры, переходили в частные руки или, во всяком случае, выходили из ведения органов российского правительства, последнее заботливо переводило эти мануфактуры в другие места, а при случае выводило и вовсе из пределов Гетманщины, вне которых оно не боялось передавать их в содержание частных предпринимателей. В несколько особом положении, да и то на короткое время, оказалась только Шептаковская мануфактура. Во второй половине столетия правительственные взгляды на данный вопрос изменились, продолжив, только в более решительной форме, старую тенденцию 20—30-х

⁵⁸⁰) Книга описная, л. 68 об.; Токмаков, 114. Почеповский канцелярист Аким Платонович Винский. О нем—сборник „Почеп при Меншикове“, л. 139 об. Он был зятем Почеповского канцеляриста Юрия Симонова (Мазаревский, Описание, I, 294, пр. 454) и отцом Степана Винского, канцеляриста Почеповской комендантской канцелярии (Модзалевский, Родословник, I, 346). Гр. Ст. Винский, автор „Записок“—его внук (Русский Архив, 1877, кн. I, с. 78).

⁵⁸¹) Отдточная книга, л. 190 („писарь Василь Сулима“).

годов⁵⁸²). В 1750-х годах бывшая Почеповская мануфактура переходит к Чамову, Путивльская к Матвееву, Рясковская к кн. Юсупову; в конце столетия казенные фабрики заводились только для обслуживания специальных нужд казны и ее отдельных органов, причем чаще всего были расположены в Южной Украине. Таким образом, юридическое положение украинской мануфактуры было крайне разнообразным в различные моменты ее бытия и крайне неопределенным в каждый данный момент, в зависимости от характера предприятия. Несомненно, более интересная и подозрительная в глазах центрального имперского правительства, она, благодаря своей удаленности и связи с Гетманщиной, в значительной мере эмансипировалась от его строгих и придирчивых воздействий, но прочных связей с украинской администрацией она не завязала, по крайней мере, долго не могла их наладить. Гетманщина была уже фактом прошлого, когда крепко установились связи этой мануфактуры с местным хозяйством, а через него и с местной администрацией. Но эта администрация была уже иной, простой филией петербургских коллегий. Сама мануфактура стала иной. На территории Гетманщины выдвигается кустарная мастерская и вотчинная фабрика.

Большинство известных нам предприятий по типу близки к ранней форме посессионной фабрики, хотя понятие ее выработалось значительно позже, к концу столетия, когда яснее определился самый характер ее. Тем не менее, условия „содержания“ фабрик были очень близки к будущей посессии. Правительство само давало повод к неопределенностям. Нас останавливает в XVIII столетии большая неопределенность юридического положения Рясковской и Путивльской мануфактур. Обе были связаны рядом условий, а во второй, до получения Матвеевым прав дворянства, существовала формальная грань между имением и фабрикой. Правительство подчеркивало, что имение—это одно, а фабрика в нем—другое. Первое было или могло стать полной собственностью частных лиц, вторая как бы временно помещалась сюда правительством. На практике, впрочем, су-

⁵⁸²) Нисселович, I. 51.

ществовал большой произвол и широкое истолкование правительством всяческих прав и условий. Когда в 1726 году была национализирована Путивльская мануфактура, правительство конфисковало вместе с ней и собственное имение Дубровского, если только от нас не скрыты некоторые существенные детали возникновения этой мануфактуры. Только к середине столетия имения, приписанные к фабрикам, приобрели большую хозяйственную устойчивость и юридическую определенность. Разумовский, который в 1754 году возбудил ходатайство об отдаче в его „смотрение“ с. Рясок, состоявшего, „для имеющейся в нем суконной фабрики“, в ведении Мануфактур-Коллегии, получил отказ⁵⁸⁸). В ином положении находилась частновладельческая мануфактура, один из предков позднейшей вотчинной фабрики. Если Почеповская мануфактура в первой половине столетия и не развилась в вотчинную фабрику, став государственной мануфактурой, то Топальская прожила всю свою жизнь в вотчинном хозяйстве. Однако, вотчинная фабрика конца XVIII—начала XIX в. не связана непосредственным преемством с мануфактурами первой половины столетия, из коих некоторые погибли, не оставив прямого потомства, а другие были родоначальниками посессионной фабрики.

Неустойчивость в управлении украинскими мануфактурами, стоявшая в связи с колебаниями в центральном хозяйственном управлении Империи и в административном аппарате Гетманщины, объясняется, главным образом, неясностью правового положения украинской мануфактуры, которое, будучи обусловлено экономической неопределенностью ее, в свою очередь усиливало, подчеркивало последнюю. Это затягивало узел туже, тормозило процесс вrostания мануфактуры в местное хозяйство. Долгое время они жили, как огромные, широко рассчитанные предприятия, как бы случайно попавшие в данный район, громоздкие и мертворожденные построения, лишённые всякого экономического значения и хозяйственного смысла. Оттого в организации их мы находим мало местных особенностей.

⁵⁸³) Архив Воронцова, VII, 345, 353; Васильчиков, I, 187.

Перед нами чаще всего—обычная петровская мануфактура, и только своеобразие Гетманщины могло наложить на нее свою печать. Если мы примем во внимание тяжесть правительственной регламентации и узость или почти полное отсутствие свободного сбыта произведений этих фабрик, то придется признать, что украинская мануфактура имела характер скорее учреждения, нежели предприятия, была не столько крепостной, сколько закрепощенной. Гетманщина знала все виды старой мануфактуры. Мы встретим в ней и казенную фабрику (Ахтырская, Почеповская, Шептаковская, Шостенский пороховой завод; временно Путивльская и Рясковская) и раннюю форму посессионной (Шептаковская, отчасти Путивльская и Рясковская) и вотчинной (Батуриные, Топальская и временно Почеповская) фабрик. Нельзя сказать, чтобы какой-нибудь из этих видов имел преобладающее значение, хотя в первой половине столетия заметен уклон в сторону казенной фабрики, во второй—посессионной и, особенно, вотчинной.

II.

Хотя фабрику XVIII века мы привыкли свободно считать и называть мануфактурой, все же форма производства остается в значительной неопределенности. В Гетманщине она несомненно ближе к централизованной мануфактуре. В известной мере веским является уже общее соображение о том, что эта мануфактура была насаждена несколько искусственно, связана больше с местным сырьем, чем с местной промышленностью. Мануфактура в Гетманщине не выросла из кустарной мастерской, хотя в иных случаях она могла использовать труд и опыт кустарной промышленности. Фабричные работы производились рабочими, объединенными в больших помещениях, хотя сравнительно небольшие размеры фабричных построек как будто противоречат этому. Но если вспомнить обычную тесноту и ограниченность места фабричных строений XVII—XVIII веков, по размерам своим еще недалеко ушедших от кустарной мастерской—интереснейший пример дает „корпус строения фабрицкого“ Топальской мануфактуры,—если не забыть, что ранние мануфактуры в Гетманщине представляли собой далеко не

крупные предприятия этого рода, указанное противоречие теряет свою остроту⁵⁸⁴). Мы с полным правом можем говорить в данном случае о мануфактуре, со всеми ее характерными для первой половины XVIII века особенностями и несовершенствами. Необходимая для первой половины столетия, эта оговорка для второй только возможна. Фабрика второй половины XVIII века—или огромная централизованная мануфактура, подавляющая своей грандиозностью (Путивльская, Топальская при Румянцеве), или же маленькая домашняя „фабричка“ (нежинская, описанная Гильденштедтом; суконная фабрика Будлянских в Сребном, Остерская фабрика Безбородко). Мануфактура отличалась крайней разбросанностью своих построек. Множество изб, амбаров, сараев, погребов, клетей окружали самый „корпус строения фабрицкого“ или то, что ему соответствовало. В этих амбарах и сараях находились склады различных вещей, принадлежавших фабрике. В одних хранились инструменты, новые и нуждавшиеся в починке; в других были склады фабричных изделий, сырой еще материал и тот же материал в различных стадиях своей обработки; в третьих—всевозможные „припасы“ фабрики, материалы, так или иначе связанные с ее производством, запасы продовольствия, наконец, всякий нужный и ненужный хлам. Да и самый „корпус“ не представлял единого тела. В конечном счете это был ряд изб или светлиц, не всегда даже об'единенных одной крышей. На Ахтырской мануфактуре работы производились по избам. Поблизости находились: специальные фабричные постройки (токаря, кузница, мыларня, сушильня, красильня и т. д.); избы, где проживали мастеровые и фабричные „служители“ (например, писарь); иногда фабричная контора (Почеп) и нечто, может быть, напоминавшее будущие фабричные казармы. Обычно была одна или несколько мельниц и сукновален (на суконных фабриках). Почеповская мануфактура далеко опередила своих товарок: здесь была даже нарочитая корчма с харчевней. Все эти разбросанные постройки, внутри довольно тесные, примыкали к какой-либо речке

⁵⁸⁴) См. Чулков, Описание, т. VI, кн. 3, с. 101—104.

или ручью. Постройки были преимущественно деревянные, и резким пятном выделяется каменное строение Почеповской мануфактуры. Даже во второй половине столетия каменные корпуса Топальской мануфактуры Румянцева были исключительным явлением, несколько изумлявшим современников. А в первой половине века они были совсем редки. Кроме почеповских построек, можно указать на кирпичный погреб в Топали, хотя время сооружения его неизвестно. Описание той же Топальской мануфактуры 1771 года, характеризующее ее в половине XVIII столетия, рисует нам „деревянную“ фабрику, построенную из местной сосны и дуба. Дерево скоро ветшало; строились новые здания, заменяя старые или пристраиваясь к ним. Эти интересные „заплатки“, о которых мы можем судить по Топальской мануфактуре в 1771 году, быть может сильнее всего подчеркивают примитивность и доморощенность этих предприятий. За целое полустолетие, век деревянной постройки,—мало существенных изменений. Топальская мануфактура в 1771 году недалеко ушла от времен Саввы Владиславича. В ней мы отметили две части, наложенные одна на другую: „самая ветхая“ часть „завода“, вероятно, первоначальная фабрика, и „старая“, предположительно, 50-х годов XVIII столетия. Разница между ними только количественная: построек больше, и они разбросанней. Размеры строений были невелики. Интересные цифры описания Топальской мануфактуры 1771 года изображают ряд небольших построек. Некоторые части мануфактуры находились иногда на значительном расстоянии от главных построек (Топаль). Во второй половине столетия, особенно в последней четверти его, централизация проходит глубже. Топальская мануфактура в 1781 году, бесспорно, более централизованное предприятие, чем это было 10 лет назад. Итак, приходится признать в первой половине XVIII столетия, наличие не формальной централизации, централизации фабричных помещений, которая часто отсутствовала, а централизации работы, которая несомненна. Современники считались с отсутствием этого признака централизованной мануфактуры. Особенно характерно употребление в тогдашней терминологической практике множественного „фаб-

рики“, „фабричные заводы“, „суконные заводы“, когда речь шла об одном предприятии ⁵⁸⁵).

Как общее правило, — рабочие жили при мануфактуре. Румянцевская Опись говорит о рабочих Топальской мануфактуры, что они живут при фабрике. В том же 1767 году некоторое количество „работных“ людей жило на хуторе Драглевке. Рабочие Рясковской мануфактуры в 1786 году в большей части своей были местные посполитые, жители с. Рясок и соседних хуторов. Более прикрепленными к фабрике, теснее связанными с ней своим жильем были, конечно, рабочие „великороссийского народа“, переведенные сюда нарочито для фабричных работ. В таком положении была, например, Почеповская мануфактура, где в 1727 году и позже были русские рабочие, крепостные, купленные Меншиковым или переселенные сюда из русских имений Меншикова. Они, очевидно, должны были жить при фабрике и составляли главный контингент населения 23 светлиц „для работных людей“, о которых говорит Описание 1727 года. Все 221 рабочие Почеповской мануфактуры в 1727 году числились при той фабрике и, надо думать, жили здесь же. В других случаях некоторые категории фабричных рабочих обычно жили на фабрике. На Топальской мануфактуре 1771 года часть рабочих жила в строениях самой фабрики: избы их находились в „корпусе строения фабрицких рабочих“; это были, по всей вероятности, лица низшей администрации, мастера, более квалифицированные рабочие. Большая часть рабочих жила в отдельных избах, расположенных недалеко от фабрики. На Шептаковской мануфактуре, повидимому, также были специальные помещения для рабочих. Это, вероятно, обозначенные в описании 1734 года „обыкновенные светлицы“. Вообще фабрика втягивала в свою работу население данной волости. Меньшая часть всех ее рабочих, но зато рабочих постоянных, более квалифицированных, жила при фабрике; значительно большая часть их была рассеяна по окрестным деревням. Нередко к

⁵⁸⁵) „Суконные фабрики“ Миниха в Рясках (Сб. Р.И.О., т. 126, с. 536; Сборник военно-исторических материалов, XIII, 96); „суконные заводы“ в Путивльском уезде (Путивльская мануфактура, — Чт. М. О. И. и Др., 1848, I, 106).

фабрике приписывалась или целая волость, или часть ее—одно или несколько сел. В 1719 году к Ахтырской табачной мануфактуре было приписано 944 крестьянских двора из числа конфискованных у полковника Перекрестова. К Путивльской мануфактуре были приписаны села Глушково и Званное с деревнями. В 1726 году, при заведении Узруевской парусной мануфактуры, к ней была приписана Шептаковская волость. К Рясковской мануфактуре было приписано село Ряски и „принадлежащие к оному селения“. Постепенно цифры эти значительно увеличивались. За Путивльской мануфактурой, по ведомости 1778 года, считалось „отданных по указам“⁵⁸⁶⁾ 9478 душ обоего пола, а в середине следующего столетия за ней числилось посессионных крестьян 20840 душ обоего пола. В 1795 году за Рясковской мануфактурой числилось 1465 душ обоего пола. „Посессии“ образовывались „для поддержания мануфактуры“ одновременно или несколько позже возникновения предприятия, иногда впоследствии, при переходе его в казну или в руки другого частного владельца. Что касается земельных владений самой мануфактуры, то, как общее правило, фабрика располагала территорией своих построек и некоторыми земельными угодьями специального назначения (конопляными огородами, табачными плантациями и т. д.). Пахотной земли при мануфактуре обычно не было, так как рабочие, жившие на фабрике, не занимались хлебопашеством. Так было в Топали и, вероятно, в Почепе при Меншикове.

Сложным и интересным представляется вопрос о промышленных компаниях на Украине⁵⁸⁷⁾. Имеющиеся в нашем распоряжении документальные данные, в большинстве случаев умалчивая о них, как будто отрицают их существование. Между тем эта возможность не исключена. Бесспорно, яркий пример представляет ранняя история Путивльской мануфактуры. В 1722 году Дубровский допустил „к содержанию той фабрики в компанейство“ бригадира Корчина, на землях ко-

⁵⁸⁶⁾ См. Семевский, I, 609, 603—13.

⁵⁸⁷⁾ О российских компаниях в первой половине XVIII столетия—Лаппо-Данилевский, *op. cit.* и Фирсов, Русские торгово-промышленные компании в первой половине XVIII столетия.

того отчасти была расположена мануфактура⁵⁸⁸). Сенатский экстракт 1729 года отмечал, что „в прошении своем о заведении означенных заводов он, Дубровский, в компанейщики себе оного Корчмина не требовал, и от оного Корчмина о том, чтоб ему с ним, Дубровским, заводить, прошения не было ж, а о сообщении своем к тем заводам объявили они себе в то время, как зачалось на оного Дубровского челобитье от сумских черкас в отнятии земель и в прочих обидах, в 1722 году“. Дубровскому понадобились денежная поддержка Корчмина, человека очень богатого, и его петербургские связи, весьма важные в то время для Дубровского. В „письменном между ними предложении“ 25/VII 1724 года было между прочим отмечено: в пункте 5—„как в селах и деревнях, так и о всяких товарах, посланных куда для продажи, и о всяких доходах ведать обоим компанейщикам, и единому без одного на свои собственные расходы не брать, а хотя кому и случится что взять, то не больше четверти дохода, и никто-б общего своим не дерзал звать; а как кто из компанейщиков на какие нужды деньгами или товаром что возьмет, и то ставить на истинный счет за собою особь, и о всяких приходах и расходах весьма обоим компанейщикам быть известным“; в пункте 6—„заводы п е ч н ы е, винные откупы, мельничные и прочие промыслы в оных местах иметь и трудиться о том обоим, кому где возможно будет, и что с оных заводов, и промыслов, и откупов будет приобретено, иметь общее“⁵⁸⁹). Неясным представляется отношение этой компании к тому договору, который существовал между Дубровским и Екатериной I. Перед нами, быть может, довольно сложная компания, интересная и своими участниками и своей судьбой. Когда в 1726 году Путивльская мануфактура была национализирована, Корчмин добился выделения ему половины отписанных сел и деревень. Впрочем, в 1729 году, по смерти Корчмина, имение его, как выморочное, поступило в казну и было снова

⁵⁸⁸) „Компанейщикъ Иванъ Дубровской“ (Разные указы Ген. Войск. Канц. 1726 года, л. 29).

⁵⁸⁹) Сб. Р. И. О., т. 130, с. 637. Кириллов называет Путивльскую мануфактуру „компанейской“ (op. cit., I, 159).

приписано к мануфактуре. Участие наследников Екатерины I, в данном случае Елизаветы Петровны, было устранено. Кириллов в 1727 году упоминает „о компанейской парусной фабрике“ в Стародубовском полку⁵⁹⁰). Вряд ли здесь идет речь о Топальской мануфактуре, вероятно, возникшей позже и, во всяком случае, не компанейской. Фабрика, о которой говорит Кириллов, это или Почеповская, или Шептаковская мануфактура. Возможно, что Кириллов объединяет их, как находившиеся во владении Меншикова и затем перешедшие в казну. Однако, если он имел в виду лишь одну из них, то это была, вероятнее всего, Шептаковская мануфактура, хотя в таком случае несколько странно, что он не упомянул о более крупной, Почеповской мануфактуре. Для нас важно название фабрики компанейской. Правда, основательно замечено, что Кириллов часто называет заводы единоличных предпринимателей компанейскими. С другой стороны, необходимо различать мнимые и настоящие компании. На Западе тогда встречались единоличные предприятия, называвшиеся компаниями, ввиду полученных ими привилегий⁵⁹¹). Однако, на этот раз, кажется, Кириллов точен, хотя характер компании для нас неясен. Шептаковская мануфактура в 1726—27 г. г. находилась в аренде компании Марьи Строгановой и ее сыновей⁵⁹²). Позднейшее владение Меншикова Шептаковской мануфактурой, быть может, объясняется тем, что он имел близкие связи с этой компанией, даже входил в нее. Широкие торговые операции с пенькой Меншикова и Строгановых могли объединить их деятельность и в области соответствующей отрасли промышленности, хотя соперничество мануфактур было неизбежно. Здесь, быть может, и кроется позднейшая связь между обеими мануфактурами, их общая судьба. Перед нами интересная, хотя и темная страница истории украинской фабрики.

⁵⁹⁰) Ibid., I, 143.

⁵⁹¹) Лапно-Данилевский, 46.

⁵⁹²) Братья Артино, владельцы кожевенного завода в Нежине, в одном официальном документе названы „компанейщиками“ (1740. — Румянцевский Музей, Архив Марковича, № 1381).

III.

Мануфактура имела обширное и сложное хозяйство. Помимо специальных фабричных строений (сукновальни, „толчеи для пенечной чоски“ и др.), она располагала целым рядом хозяйственных предприятий и угодий, порой более тесно связанных с производством мануфактуры, порой имевших с ней чисто случайную связь. Конопляные огороды при парусно-полотняных мануфактурах, табачные плантации при табачных фабриках, овчарные заводы при суконных мануфактурах были вполне понятными и совершенно необходимыми заведениями, хотя не все они находились в одинаковой связи с мануфактурой. Суконные мануфактуры старались закрепить за собой овчарные заводы, которые в самой своей организации ближе подходили к промышленному предприятию. Путивльская мануфактура имела овчарные заводы⁵⁹³). Рясковская, находясь в теснейшей связи с овцеводством окружающего района, также создавала для себя особый овчарный завод. Большое внимание на эту сторону дела обращал, в интересах Батуринской мануфактуры, Кирилл Разумовский, который в 1797 году выписал испанских овец с завода князя Лихтенштейна⁵⁹⁴). Эти заводы имели неодинаковые размеры. На Путивльской мануфактуре в 1727 году было овец и баранов 311⁵⁹⁵); в 1732 г. их было (вместе с козами) 359: повидимому, завод не расширялся. Овцы эти находились на хуторе, недалеко от фабрики⁵⁹⁶). В 1734 году Полуярославцеву „для размножения суконной фабрики“ отдан был курский овчарный завод⁵⁹⁷). В 1787 году овчарный завод Путивльской мануфактуры имел 17000 овец⁵⁹⁸). На Рясковской мануфактуре Ми-

⁵⁹³) Сб. Р. И. О., т. 130, с. 640. „Иностранных пород овец знатный завод“ (Голиков, Деяния, XIII, 513).

⁵⁹⁴) Васильчиков, I, 462.

⁵⁹⁵) Сб. Р. И. О., т. 130, с. 640.

⁵⁹⁶) Ibid., 611.

⁵⁹⁷) Чулков, Описание, т. VI, кн. 3, с. 262—63.

⁵⁹⁸) Новый и полный географический словарь, I, 213. Топограф. описание Харьк. нам. 1787 года упоминает о заводе силезских овец при Глушковской фабрике (Труды Харьк. Предв. Ком., II, ч. 1, с. 42). В 1811 году этот завод насчитывал до 23 тысяч гол. (Сборник све-

них предполагал создать большой овчарный завод. В 1739 г. ему было подарено 1069 штук овец и ягнят в отписных маетностях Меншикова, да сверх того разрешено купить десятую часть всех овец, находившихся в то время на украинских кошарах т. е. 10 тысяч с лишним голов. Неизвестно, удалось ли Миниху воспользоваться в полной мере этим разрешением. В 50-х годах Юсупов занят был заведением овчарного завода улучшенных пород. Но в 1786 году юсуповская мануфактура, повидимому, не имела собственного завода, хотя принадлежавший Юсупову завод в слободе Рокитной, Хотмыжского уезда, был связан с мануфактурой. Батуринская мануфактура, располагая средствами обширного овцеводства Разумовских, вряд ли нуждалась в собственном заводе. В Шептаковской экономии в начале XIX столетия было до 1000 овец (из них 200 испанских), которые обслуживали суконную фабрику⁵⁹⁹). Во всяком случае, овчарные заводы при мануфактурах значительно превышали размеры обычных кошар⁶⁰⁰). Менее связаны были с предприятиями парусно-полотняного производства их конопляники. Обычно они были невелики сравнительно с потребностями той или иной фабрики. На Шептаковской мануфактуре Описание 1734 года отмечает конопляные огороды; то же было в 1771 году и на Топальской мануфактуре. Однако, главная часть необходимой для производства пеньки доставлялась из различных мест данной волости, в большинстве случаев путем оброка. В этом отношении особенно интересна Почеповская мануфактура, которая, повидимому, получала в готовом виде всю необходимую ей пеньку⁶⁰¹). Обшир-

дений и материалов по ведомству Министерства Финансов, 1865, II, № 6, с. 227). См. еще Н. Storch, *op. cit.*, III, 252. Об овчарных заводах Путивльской и Рязковской мануфактур.—Семевский, I, 613—14.

⁵⁹⁹) Фон-Гун, II, 15; Щекатов, VII, с. 238—39 (на основ. фон-Гуна).

⁶⁰⁰) Интересные сведения о размерах кошар в 20-х годах—Румянцевский Музей, Архив Марковича, № 3325.

⁶⁰¹) „Пенкою за гетмана било намъ всѣмъ, хто похочет, торговать, купить и продать поволною настоящею ценою—жаловались в 1727 году почеповцы—а нынѣ тоею пенкою запрѣщено торговать намъ, и отбирается оная пенка в пашенныхъ во всѣхъ жителей в зачетъ за побори толко по три рубль и меншь за берковецъ. А в протчихъ

ные табачные плантации Ахтырской мануфактуры были тесно связаны с ее работой ⁶⁰²). Мануфактура имела основной задачей не только обработку табака, но и культуру иностранных сортов его, носила отчасти характер опытной показательной станции.

Но, помимо этих специальных угодий, мануфактура располагала целым рядом других, являя в общем сложное и громоздкое хозяйство. На Путивльской мануфактуре было в 1727 году: скота—583 (включая овец), птиц разных—644; винокуренные заводы с 18 казанами и кубами; запасы хлеба и вина ⁶⁰³). В 1732 году на мануфактуре находилось сукон и др., хлеба, вина и скота на 17107 руб. 6 коп., не считая винокуренных заводов (где было 15 кубов, 9 казанов, 2 лейбика, 63 трубы), пасеки с 93 ульями и овчарного завода ⁶⁰⁴). Путивльская мануфактура арендовала также Теткинские мельницы на Сейме, принадлежавшие Молченской Софрониевой пустыни ⁶⁰⁵). При Топальской мануфактуре в 1771 г. были: мукомольный амбар о двух колах; амбар с одним мукомольным колесом для весенней воды; мельница, называемая „толчаевская“, и при ней устроенный из брусьев спуск с двумя мукомольными колесами; два огорода, роши, рыбные садки и т. п. В конце 30-х годов Топальской мануфак-

городѣхъ цена оной пенки бываетъ по полъ чварта и по четыре рубли („Почеп при Меншикове“, л. 225 об.). Это подтверждала и администрация. „Пенка на оную фабрику к делу полотень производима была и ныне (1737) производится от Почепской канцеляріи не покупная, но зборная с почепскихъ подданныхъ, вместо денегъ за окладные подати, и зачитаетца темъ подданнымъ разными ценами, такими, когда в купечестве состоится на половую пенку цена по пяти рублевъ берковецъ... тогда подданнымъ зачитаетца в подати за берковецъ по четыре рубли; когда в купечестве берковецъ будет по 4 рубли, тогда подданнымъ зачитаются по 3 рубли... а на фабрику оная пенка отпускается такую ценою, какъ в которомъ году состоит цена на пенку в купечестве“ (Рум. Муз., Арх. Марковича, № 1995). Отчет о 32 присужд. наград гр. Уварова, с. 123; Токмаков, 99—100.

⁶⁰²) Для табачных плантаций в Ахтырке были заняты „обывательские“ земли (Киев. Старина, 1886, сентябрь, 180).

⁶⁰³) Сб. Р. И. О., т. 130, с. 640.

⁶⁰⁴) Ibid., 641.

⁶⁰⁵) Труды Харьковского Предв. Ком., II, ч. 1, с. 182. См. Журнал ман. и торг., 1829, № 10, с. 20.

туре принадлежало в Стародубе два двора с хоромным строением⁶⁰⁶). На складах мануфактуры хранились в большем или меньшем количестве различные припасы, связанные или с производством ее, или с продовольствием ее рабочих. Описания Почеповской мануфактуры 1727 года и Топальской мануфактуры 1771 года подробно, не упуская мелочей, поведали нам о точном количестве всяких „припасов“⁶⁰⁷). Долгая и сложная жизнь мануфактуры накопляла в амбарах ее всякий хлам, который залеживался годами и старательно заносился в современные описи. Наконец, мануфактура имела склады своих изделий. Если в 1792 году на складах Топальской мануфактуры могло оказаться приблизительно 165000 аршин⁶⁰⁸), это, может быть, характерно только для данного предприятия в данное время. Но весьма интересно, что на Почеповской мануфактуре до 1729 года сохранялась вся продукция 1726—28 годов, приблизительно 75000 аршин. В 1737 году на Почеповской мануфактуре было 4110 кусков, т. е. свыше 200 тысяч аршин. Тоже, в соответствующем уменьшении, мы наблюдаем и на Шептаковской мануфактуре. Обычно производство данного года сохранялось на мануфактуре до конца года (а иногда и дольше). Это было тем более необходимо, что большинство мануфактур обслуживало крупные казенные заказы. Менее поражающие нас цифры Путивльской мануфактуры 1727 года объясняются, быть может, ее особым положением в то время. Опись 1727 года отметила на ней: „некрашеного“ сукна—1449 арш., „крашеного“—924 арш., итого 2373 аршина; „некрашенных“ каразей—249 арш., „крашенных“—172 арш., итого 421 аршин; байки белой и красной—1328 арш., стамеду „некрашеного“—1617 арш., „крашеного“—1447 арш., итого 3064 аршина. Таким образом, всего на мануфактуре было 7186 аршин⁶⁰⁹). Это было значительно меньше пред-

⁶⁰⁶) Малоросс. Сборник, № 46, т. 18, л. 55 об. (частн. пагинац.).

⁶⁰⁷) На Почеповской мануфактуре в 1727 году было пеньки „наличной и в работе“ 8972 пуд. 33 ф. („Почеп при Меншикове“, л. 208 об.; см. *ibid.*, л. 70—71).

⁶⁰⁸) В 1792 году в Топальской экономии было на 23000 рублей парусины. Беря цену аршина парусины в 11 коп., получим 164285 аршин.

⁶⁰⁹) Сб. Р. И. О., т. 130, с. 640; цифры эти, вероятно, несколько случайны.

положенного количества годового производства (от 80 до 100 тысяч аршин)⁶¹⁰). Изделия мануфактуры иногда, кажется, складывались вне ее, в специальных постройках экономии. Продажа производилась администрацией данной экономии, причем иногда для этой цели отводились особые помещения (Батурин). Мануфактура снабжала свои произведения фабричным клеймом (Топаль). В несколько особом положении оказывалась вотчинная фабрика второй половины столетия; там навряд ли залеживались изделия: их требовали текущие нужды данного хозяйства, причем иной раз эти требования отрезывали мануфактуру от рынка.

Мануфактуре приходилось вести довольно обширные и сложные торговые операции. Ей, прежде всего, надо было закупать значительную часть необходимого для производства сырья. Рясковская мануфактура в 1786 году закупала необходимую ей шерсть: черкасскую—по разным местным заводам; тамбовскую—в Москве; шленскую—между прочим, на заводе гр. Румянцева; прочие материалы, „до сей фабрики принадлежащие“, привозились из Москвы. Путивльская мануфактура производила большие закупки украинской шерсти⁶¹¹). Она же закупала некоторые материалы за границей (Кенигсберг, в 1729 году)⁶¹²). Батуринская суконная мануфактура покупала нужные ей краски на местных ярмарках и в Москве. Свечная фабрика в Батурине выписывала некоторые, необходимые ей материалы из за-границы, в частности из Франции, а после 1789 года из России. Регламент 1741 года рекомендовал фабрикантам употреблять „внутренние материалы“, как можно меньше

⁶¹⁰) Ibid., 637.

⁶¹¹) См. также Дневник Марковича, I, 197 (8/II 1725).

⁶¹²) Дниариуш Ген. Войск. Канцелярии 1729—31 г. г., л. 16 и 16 об. (18, I 1729.—Рукопись собрания Лазаревского, № 19, т. II). В 1728 году Путивльская мануфактура обращалась в Ген. Войск. Канц. с ходатайством „о происканю згодного человека в толмачи немецкого языка“. Ген. Войск. Канц. поручила это „ураду ратуши Глуховской“, предложив ей прислать „оного в Енер. В. К-рию для учиненя контракту“ (Слабченко, Протокол отпускных писем за гетмана Апостола 1728 года, с. 94). Ведя торговые сношения с заграницей, мануфактура нуждалась в толмаче. В 1729 году в этой должности был роменский мещанин Иван Яковлев (Дниариуш 1729—31 г. г., л. 16).

обращаясь за-границу⁶¹³). Сребрянская суконная фабрика закупала шерсть на месте. Не менее сложными были операции мануфактуры по продаже ее изделий. Если техника их значительно упрощалась для казенных предприятий, то частным приходилось порой с большим трудом и усилиями добывать себе прочный рынок. Значительную часть своего производства мануфактура поставляла в казну. Обязанные фабрики были связаны определенной нормой; частновладельческие не являли в этом отношении постоянства и устойчивости. Чрезвычайные обстоятельства времени часто заставляли мануфактуру жить нервной и напряженной жизнью, иногда превышать свои силы и возможности. Это обстоятельство, вообще весьма существенное и актуальное в истории украинской мануфактуры, было особенно influent в первой половине столетия, в частности в беспокойную пору 30-х годов. Казенные подряды и поставки, своеобразно и не всегда благотворно влияя на жизнь мануфактуры, часто оказывались необходимыми для ее развития. Дело в том, что иногда украинская мануфактура с трудом завоевывала себе рынок. В 1797 года, отвечая на запрос Мануфактур - Коллегии, Батуринская экономия писала, что „когда она (суконная фабрика) будет обеспечена надобностию в черкасском сукне, то может иметь оно на продажу до 20 тысяч аршин“. Казенные заказы обеспечивали постоянный сбыт, но они изолировали мануфактуру, отрывали ее от местной почвы и местного рынка. К тому же иногда мануфактура была затруднена транспортом своих изделий. Путивльская мануфактура в 30-х годах сукно и каразею для украинских полков и гарнизонов обязана была возить в Москву⁶¹⁴). Почеповская мануфактура в 20—30-х годах отправляла свои изделия в Петербург⁶¹⁵). Но за пределами казенной надобности даже государственные фабрики могли продавать свои изделия на вольном рынке. В 1738 году, когда Топальская мануфактура предложила поставить на армию большое количество полотна, она, повидимому, пред-

⁶¹³) П. С. З., XI, 490.

⁶¹⁴) Чулков, Описание, т. VI, кн. 3, с. 251—53. См. П. С. З., IX, № 6706.

⁶¹⁵) Рум. Муз., Арх. Марк., № 1995.

полагала не порывать тех связей с местным рынком, какие были ею завязаны с первых лет ее существования, и Генеральная Войсковая Канцелярия была озабочена тем, как бы Владиславич не продал этого полотна частным лицам⁶¹⁶). Ханенко записал в своем дневнике под 29/XII 1732 года о поездке своей в Топаль, где он купил парусного полотна: кусок для себя и 4 куска по поручению Вейсбаха⁶¹⁷). При Гавриле Владиславиче мануфактура отправляла свои изделия в Петербург и за-границу (через Ригу). Приказчик Гаврила Владиславича в 1739—40 г.г. продал в Риге пеньки и парусного полотна на 10000 руб.⁶¹⁸). Таким образом, связи Топальской мануфактуры с рынком значительно старше 1781 года. Не следует в данном случае переоценивать значение казенной организации мануфактуры: часто она определяла только технику сбыта изделий. Все же значительная часть их попадала на рынок (местный или—чаще всего—за-граничный, российский и иностранный). Так, из 10499 кусков почеповского (и шептаковского) полотна продукции 1726—36 г. г. (что составляло 74,5% всей продукции за эти годы проданных до середины 1737 года, 78% пошло на рынок (продажа производилась большей частью через Коллегию Ин. Дел), 21,6%—на военные нужды (главным образом, в Адмиралтейство), 0,4% разошлось в вотчинном (Меншикова) или в фабричном хозяйстве⁶¹⁹). Мануфактура, повидимому, торговала оптом и в розницу. В широких размерах оптовая продажа, видимо, производилась на Почеповской мануфактуре в первой половине 30-х годов, причем мануфактура продавала не только „полотна парусные, пеньку, пряжу на вьюках, масло конопляное“, но и „масло коровье“⁶²⁰). Ахтырская мануфактура часть своей продукции продавала на месте, часть отправляла в Коммерц-контору, а часть сбывала „в разные города“⁶²¹). Батуринская су-

⁶¹⁶) См. Румянцевский Музей, Архив Марковича. № 1352.

⁶¹⁷) Дневник Ханенко, 33.

⁶¹⁸) Малоросс. Сборник, № 46, т. 18, л. л. 55 об., 56 об. (частн. пагинация).

⁶¹⁹) Рум. Муз. Арх., Марк., № 1995.

⁶²⁰) Токмаков, 112—11.

⁶²¹) Голиков, Деяния, XIII, 511.

конная фабрика торговала своими изделиями, хотя вряд ли ее коммерческие дела шли хорошо. Бесспорно, в таком же положении оказывалась и Батуринская свечная фабрика. Топальская мануфактура в 1781 году имела довольно широкий рынок. Ее изделия покупались обывателями раскольничьих слобод Зыбкой и Клинцов и приезжими купцами из „великороссийских разных мест“. Есть данные думать, что Путивльская мануфактура отправляла свои изделия и за-границу. Рясковская мануфактура часть своей продукции поставляла на войска, в Киевскую Обер-Штер-Кригс-Комиссариатскую Комиссию, а остальное сукно продавала „на штатные роты трех малороссийских наместничеств и другим сторонним покупателям“. Путивльская мануфактура в 1725 году вела, кажется, и розничную продажу своих изделий на Украине⁶²²). В таком же положении, вероятно, были и другие украинские фабрики. Необходимо отметить, что казенные нужды, особенно в первой половине столетия, и вотчинные, во второй, иногда значительно уменьшали связи мануфактуры с вольным рынком. На рынок отправлялись только остатки. Батуринская суконная фабрика в 1774 году вряд ли выделяла свыше 5000 аршин сукна; меж тем не меньше половины этого количества шло на нужды вотчины Разумовского. В частности, на один домашний штат Кирилла Григорьевича и его сыновей в том же 1774 году разошлось не менее 1½ тысячи аршин. Свечная фабрика в Батурине, изделия которой были известны и в России, часто лишена была возможности, за обслуживанием домашних потребностей господского хозяйства, удовлетворять спрос широких кругов населения. Мелкая вотчинная „фабрика“ обслуживала только соответствующее хозяйство. Необходимо также отметить и то, что производства, которые представляло большинство украинских фабрик, были несколько оторваны от насущных потребностей местного населения. Крупная промышленность мало интересовалась местным рынком, будучи основана в иных целях, для обслуживания специальных нужд казны и, в некоторых случаях заграничного рынка и вотчины. К тому же изделия

⁶²²) Дневник Марковича. I, 197 (8/II 1725).

мануфактур были дороги, превышая платежную способность местного населения. Гильденштедт подметил в 1774 году, что батуринские сукна покупаются лишь „знатными и богатыми“. Спрос населения удовлетворялся местной кустарной промышленностью и отчасти импортными (в том числе русскими) фабрикатами. И те предприятия фабричной промышленности, которые были близки к кустарной мастерской, имели более прочную и постоянную связь с местным рынком, хотя решающее значение принадлежало предмету производства. Кожи, выделывавшиеся на Нежинском кожевенном заводе Артино в 1766 году, „в городѣ Нѣжинѣ приказчиковъ его, Артина, продается в лавки здешнимъ обивателемъ порознь и приезжимъ з разныхъ малороссійскихъ городовъ скупщикамъ, такожь і в разныхъ малороссійскихъ городахъ приказчиковъ его продаются“. Но завод Артино брал на себя и крупные подряды: „а в случаи тѣ кожи по подряду ним, Артиномъ, в гусарскіе полки на уборъ лошадей и протчую амунѣцію гусарскую употребляются“⁶²³). Весьма интересно в этом отношении другое нежинское предприятие — хлопчатобумажная фабрика Богдана Иванова. Недаром Румянцевым было отмечено, что „производство на заведенной фабрике показанных товаров, которые получать всяк может на свое употребление, способно будет здешним жителям з довольною выгодною“. Для своих торговых операций мануфактуре приходилось иметь специальных служащих и, вероятно, посредников⁶²⁴). Не всегда ясно, продавала ли мануфактура свои изделия непосредственно, или делала это при посредстве местной экономики. На практике несомненно большей свободой в этом отношении пользовалась казенная и ранняя посессионная фабрика и меньшей — вотчинная. Иногда продажа производилась путем предварительной публикации (Ахтырская мануфактура).

В этом отношении особенно интересен один факт из истории Почеповской мануфактуры начала 30-х годов. Управитель ее Гаврило Лукин, посылая с этой целью в Москву нарочных лиц, почеповского мещанина (купца?) Алексея

⁶²³) Румянцевский Музей, Архив Марковича, № 5198.

⁶²⁴) См. Дневник Марковича, I, 197.

Шлотмина⁶²⁵) и фабричного подмастерья Сергеева, в наказе им писал: „в Москве и той губернии в городех и на пристанях, где имеется купечество, о том опубликовать в самой скорости. А вам, будучи в Москве и в Калуге, о продаже в Почепе оных товаров и припасов всюду об'являть и купечество приглашать, дабы они, кому это надобно купить, для добровольного торгу приезжали в Почеп без всякого сумнительства в том, чтоб им волокиты и убытков и, ежели кто что с торгу купит, то в отдаче и во опусках оных товаров ни мало продолжения ни для чего отнюдь не будет, и торг им в том волны так, как обстоит между купечеством, и чтоб они ехали в Почеп некоснительно, дабы не опустить зимнего пути, когда настоят ныне время быть тем товарам в отпусках в надлежащие места, как о том купечество сами довольно знать могут; и ныне посылаются с вами для показания купцам парусных полотен лутчего и среднего и последнего реместв 3 куска, также и пенки по 10 фунтов 3-х рук“. Администрация мануфактуры предвидела, что купечество может отнестись несколько недоверчиво к казенному предприятию, и оговорила это в наказе. „Вам же, будучи в Москве и в Калуге, осведомитесь подлинно, почему там ныне показанные товары покупают, и ежели, паче чаяния, по публикациям и по вашему приглашению для торгу в Почеп купцы зачем не поедут, и надобно будет по вашему уведомлению о ценах те товары куда из Почепа поднять, то можно ли иметь какую надежду, что оные товары в тех местах продадутся, дабы не залежали“. Посланцы должны были обернуться в 10, а „по крайней мере“ в 15 дней, „ибо до (их) возвращения торгу и продажи тем товарам не будет“⁶²⁶). Мануфактуре не удалось приобрести себе русский рынок: конкуренция русских парусно-полотняных фабрик была сильна и влиятельна на рынке, и с этим должно было считаться и казенное предприятие. Парусные полотна Почеповской мануфактуры имели впоследствии загранич-

⁶²⁵) Алексей Шлотмин (Шлома, Шломин) был, вероятно, почеповский купец. В 1737 году он упоминается, как ктитор Ильинской церкви в Почепе (Черн. Епарх. Изв., 1865, с. 470). См. Токмаков, 75—77.

⁶²⁶) Токмаков, 112—14.

ный сбыт. Но то был государственный торг, к которому мануфактура не имела прямого отношения⁶²⁷⁾.

Размеры мануфактур были неравны и неодинаковы в различное время существования каждого предприятия. Большие изменения пережили за свою недолгую жизнь казенные мануфактуры и отчасти за свою долгую жизнь посессионные⁶²⁸⁾ фабрики. Более консервативными в этом отношении оказались вотчинные фабрики XVIII века, поскольку они замыкались в данном хозяйстве. Эти изменения очень редко бывали следствием экономического развития данного предприятия: казенные и посессионные мануфактуры обладали ограниченным и случайным рынком, и стимул их расширения был иной. В большинстве, это были усложнявшиеся потребности государственного хозяйства, в связи с военными действиями или приготовлениями к ним. В 40-х годах некоторое расширение Почеповской мануфактуры объясняется отчасти широкими экспортными операциями Коммерц-Коллегии. Так или иначе, это был казенный интерес. Посессионные и обязанные фабрики, более устойчивые определенными размерами своего производства, могли расширяться под давлением или правительства, или местного спроса, который, впрочем, в XVIII столетии касался их слабо. Наоборот, последний момент в развитии вотчинной фабрики имел большее значение, хотя неровности и колебания местного рынка заставляли ее предпочитать гарантированные казенные заказы случайному спросу частных потребителей. Иногда изменения в размерах производства являлись результатом случайных обстоятельств, напр., соединения двух мануфактур. К тому же надо учесть и естественное развитие каждой мануфактуры. Сведения наши весьма случайны и отрывочны, характеризую не одинаковые моменты жизни различных предприятий. Эта отрывочность наших известий и затрудняет изображение последовательного хода развития той или иной мануфактуры.

Почеповская мануфактура работала в 1727 году на 48 станках, хотя всех станов было 101: мануфактура, очевидно,

⁶²⁷⁾ Сен. Арх., V, 180.

⁶²⁸⁾ Этот термин мы употребляем с большими оговорками, имея в виду замечания Туган-Барановского (op. cit., 105, пр. 1). См. Удинцев, Посессионное право, 52—80.

еще не пошла полным ходом. В 1729 году действовал 71 стан. В 1731 году, после соединения с Шептаковской мануфактурой,—91 стан. В том же году Лукин предполагал расширить мануфактуру до 100 станов. В следующие годы она, кажется, уменьшилась. В 1737 году было в работе 63 стана ⁶²⁹⁾. Но в 1738 году в Канцелярии Министерского Правления предполагалось „на Почепской... фабрике, за недовольством лесов, быть сту станам“, а взамен этого построить нарочитую фабрику в Ропской волости или в раскольничьих слободах. Судя по цифрам 40-х годов, продукция Почеповской мануфактуры расширилась, а в связи с этим, вероятно, увеличилось и число станов. На мануфактуре было выработано кусков полотна:

1726 г.	16	1731 г.	1641
1727 „	570	1732 „	1679
1728 „	864	1733 „	1436
1729 „	1244	1734 „	1318
1730 „	1297	1735 „	1483
1736 „			1315 ⁶³⁰⁾

В 1731 году Лукин предполагал в ближайшие годы повысить продукцию до 2000 кусков. В 1760 году бывшая Почеповская мануфактура была, во всяком случае, довольно крупным предприятием. Шептаковская мануфактура была значительно меньше: в 1728 году на ней работало 30 станов. Во время ликвидации мануфактуры станов было, кажется, меньше. Сокращение числа станов на Шептаковской мануфактуре неудивительно, если принять во внимание ее катастрофическое положение. Продукция ее:

1727 г.	215	кусков
1728 „	277	„
1729 „	462	„

Размеры Топальской мануфактуры нам известны мало. В первой половине столетия, возможно, в связи с военными

⁶²⁹⁾ Румянцевский Музей, Архив Марковича, № 1995.

⁶³⁰⁾ Румянцевский Музей, Арх. Марковича, № 1995. В 1730 году на Почеповской фабрике было выработано 815 кусков; остальное количество (482 куска) было привезено из Шептаков.

обстоятельствами, производство ее дает нам более крупные цифры. Но в середине столетия оно, несомненно, понизилось. Реорганизация, произведенная Румянцевым, содействовала повышению продукции мануфактуры:

	1771 г.	1781 г.
Число станов (действ.) . . .	52 ⁶³¹⁾	70
Количество производства .	ок. 590 куск.	800 к.
Сумма производства (при цене 14 коп. аршин)	св. 4000 р.	св. 6000 р.

Путивльская мануфактура, после всех злоключений и перемен, быстро развивается во второй половине столетия. На мануфактуре было станов (общее число):

	1727 г.	1752 г.	1787 г.	1811 г.
Суконных станов	23	60	100	} 563
Каразейных „	37 ⁶³²⁾	5	16	

Если взять позднейшие данные (Рясковской фабрики), мы получим возможную продукцию 1727 года: сукна 7800 (на 13 станах), каразей 3600 аршин (на 24 станах). Цифры, указанные Дубровским—30 тысяч аршин сукна и 50—70 тысяч аршин каразей,—преувеличены. Данные ревизии Павлова в 1726 году подтверждают это предположение. В конце столетия и в начале следующего Глушковская мануфактура занимала первое место среди суконных фабрик Империи. В 1811 году поставка в казну составляла свыше 400000 аршин сукна и до 140000 аршин каразей. Рясковская фабрика имела в 1786 году 50 суконных станов и 10 каразейных; количество изготавливаемого сукна было не меньше 30000 аршин, каразей—1500 аршин. Обороты мануфактуры оценивались в 25000 рублей, которые приносили в год прибыли до 3000 рублей, т. е. 12%. В начале 90-х годов Рясковская фабрика занимала третье место в ряду обязанных суконных фабрик Империи. Ахтырская мануфактура находилась в осо-

⁶³¹⁾ Сверх того, было „праздных“ 11 станов.

⁶³²⁾ В числе суконных станов было новых, без инструментов, 10; в 1727 г. в числе каразейных (стамедных) станов „порозжих“ было 13. Цифры Дубровского для 1725 года—30 суконных и 40 стамедных станов „действующих“—сомнительны.

бом положении. Батуринская суконная фабрика имела в 1774 году 11 станов (10 суконных и 1 стамедный); в 1805 году— 15 станов; в 1852 году—76 станов. В 1774 году выделялось в год вряд ли больше 5000 аршин; в 1797 году мануфактура вызывалась поставлять до 20 тысяч аршин; в 1852 году производство сукон оценивалось в 22 тысячи рублей серебром. В сравнении с производством 1774 года, которое вряд ли превышало сумму в 3500 рублей ежегодно ⁶³³), производство 1852 года далеко ушло вперед (учитывая и изменения курса рубля). На Шептаковской суконной фабрике в 1805 году было 7 станов. На Сребрянской фабрике Будлянских в 1797 году выделялось 500 аршин сукна. А Остерская фабрика Безбородко была совсем небольшим предприятием, боявшимся выглянуть за пределы вотчины. Невелики были и купеческие фабрики. На Нежинской хлопчатобумажной фабрике Богдана Иванова было в 1767 году 9 станов. Если сравнить указанные цифры с соответствующими данными относительно русских фабрик того времени, размеры украинской мануфактуры окажутся в общем средними (хотя в масштабе украинского хозяйства они были велики) и неустойчивыми.

Украинская мануфактура часто сокращала свое производство. Это известно нам в первой половине столетия из

⁶³³) Следующая таблица дает представление о размерах производства суконных фабрик на Украине в 1773 году:

Путивльская мануфактура	109807 р. 67 к.
Рясковская	37009 „ 80 „
Салтовская	33730 „ 20 „
Батуринская	ок. 3500 „ — „

По данным Германа (относящ. к 80-м годам), размеры украинских суконных фабрик представляются в следующем виде:

	Производство (рубли).	Число станов.	Число рабочих.
Путивльская	73500	116	1379
Рясковская	65000	52	756
Салтовская	60000	24	348

(Hermann, Statistische Schilderung, S. 379. Beil. XXX). Данные Германа расходятся с некоторыми другими (правда, отрывочными) сведениями. Мы приводим их, так как для выяснения сравнительных размеров украинских мануфактур они сохраняют свое значение.

истории Шептаковской, Ахтырской и Путивльской мануфактур. За 14 лет (1773--1786) Рясковская мануфактура сократила свое производство почти на 50%. В 90-х годах она повысила его приблизительно на 100% сравнительно с 1786 г. Батуринская свечная фабрика на рубеже XVIII и XIX веков пережила значительное сокращение своего производства. В 1805 году Гун отметил, что ежегодная продукция ее равнялась 200 пудам, между тем как в прежние годы она выделявала до 400 пудов. Позже эта цифра повысилась, но в 1860 году фабрика выработала всего 15 пудов свеч. Значительные колебания переживала и купеческая фабрика. Кожевенный завод Артино в Нежине имел неодинаковую продукцию, в зависимости от „достатка кож и капитала, також майстеровых и работных людей“. „Неимение капитала“ иногда заставляло предприятие вовсе прекращать свою работу, как это было с той же „фабрикой“ Артино в начале 40-х годов. Это сокращение производства иногда было временное и случайное, иногда прогрессивное, в конце концов приводившее к закрытию мануфактуры. Так погибли Шептаковская и Ахтырская мануфактуры. Несомненно повышая свою продукцию в годы военных подрядов и поставок, иногда слишком напрягая свои технические силы, мануфактура, по миновании соответствующей надобности, сильно и резко сокращала свое производство. Бедность и молчание наших источников скрыли от нас много драматических моментов этих промышленных кризисов.

IV.

Источники, сохранившие нам скудные сведения о внешнем виде украинской мануфактуры и, в общих чертах, об организации ее, поспешили оставить нам какой-либо материал о самом ходе работ на мануфактуре, ее будничной жизни. Приходится поэтому о многом догадываться, многое представлять себе на основании тех данных о строениях и угодьях мануфактуры, которые имеются в нашем распоряжении. Соответствующее российское фабрично-заводское законодательство распространялось и на Украину: стало быть, жизнь казенных и посессионных украинских фабрик

шла в тех же колеях, тем же шагом, как и в России. На основании наших источников мы можем подметить лишь некоторые детали. Украинская мануфактура, в большинстве случаев, пользовалась силой воды. Обычно фабрика строилась на какой-либо речке, или ручье, или вообще при каком-нибудь источнике водяной силы. Несомненно важные специальные заведения фабрики часто непосредственно связаны были с водой. Подобная связь существовала в области суконного производства: сукновальни жили на воде и работали водой. Не менее связаны были с водяной силой красильни. Без воды не могла существовать такая существенная часть парусно-полотняной мануфактуры, как мыларня. Пороховые заводы были тесно связаны с водой и представляли собой мельницы с соответствующими приспособлениями. К концу столетия использование водяной энергии было значительно усовершенствовано. Машины были весьма примитивны и неизменны в течение почти столетия. Применение пара начинается лишь с конца XVIII столетия и для мануфактур первой половины его не могло быть знакомо. Техника производства была весьма несложна и типична для восточно-европейской промышленности того времени. Некоторые технические улучшения встречаются в конце XVIII столетия. Фон-Гун описывает в 1805 году Бакланский маслобойный завод, технические усовершенствования которого ставили его на первое место во всей Империи. Бесспорные улучшения в технике работы мы можем констатировать в конце XVIII столетия на медно-котельных заводах. Основным источником рабочей силы, дававшим все содержание мануфактуры, была мускульная сила человека, и здесь одна из главных причин того, что до конца XVIII столетия, до применения силы пара, мануфактура, в сущности, жила старой жизнью, не выходила еще из технических условий первой половины XVIII столетия и даже более раннего времени.

Навряд ли мануфактура одинаково работала круглый год. Незначительное количество рабочих и слабую деятельность Топальской мануфактуры в июле 1792 года можно объяснить отчасти временем года. Основная работа, вероятно, приходилась на осенние и зимние месяцы, хотя во-

обще она шла непрерывно в течение всего года⁶³⁴). С другой стороны, отчасти приходилось считаться с замерзанием воды в речках и ручьях. На пороховых заводах зимой работа почти останавливалась. Соответствующие части работы могли быть сосредоточены в определенное время года. Некоторые предприятия заняты были весной и летом подготовкой необходимого сырья. Ахтырская мануфактура, имевшая собственные плантации, много времени отдавала сбору табака.

Казенные и ранние, поссессионные фабрики, а таковых в первой половине XVIII столетия в Гетманщине было большинство, в своей ежедневной работе руководствовались существовавшими законоположениями. Продолжительность рабочего дня в общем была та же, что и в России⁶³⁵). Мы имеем некоторые данные относительно работы суконных мануфактур. „Регламент и работные регулы на суконные и каразейные фабрики“ 1741 года, интересный, но бесплодный памятник фабричного законодательства эпохи „брауншвейгской фамилии“⁶³⁶), зафиксировал некоторые моменты, характерные и для украинских мануфактур. Регламент отмечал, что „при осмотре некоторых суконных фабрик, худые пробы показались; ибо на оных (выключая насилу две) ни о единой из вышепомянутых весьма важных потребностей („казенный интерес“ и „общее благополучие прочих мешан“) суще не старались, и казне у поставленных на армию сол-

⁶³⁴) Маркович, посетив Ахтырскую мануфактуру в середине марта, застал фабричную работу на полном ходу. Батуринская суконная фабрика действовала и весной (посещение гр. Румянцевой). Фабрика Будлянских работала также осенью. Регламент суконным фабрикам 1741 года предполагал работу в течение всего года. Интересно отметить, что Батуринская суконная фабрика в середине XIX в. не работала в летнее время (Черн. Губ. Вед., 1851, с. 324). Указ 20 XI 1791 года предполагал фабричные работы круглый год (И. С. З., XXIII, № 16998).

⁶³⁵) Туган-Барановский, 29, 116—18.

⁶³⁶) И. С. З., XI, 482—501, № 8440; Чулков, Описание, т. VI, кн. 3 с. 333—75. Проект Комиссии, учрежденной „для рассмотрения о суконных фабриках“ — там же. Этот материал тем более интересен для нас, что Комиссия, повидимому, имела в виду порядок и непорядок, главным образом, Путивльской мануфактуры.

датских сукон поныне только убытки были... но и меньше ж они до того привели, чтоб для умножения своей и прочих мешан прибыли, сколько сукон на фабриках их делалось, дабы можно было без чужестранных сукон, по крайней мере, таких простых сортов, пробить и способно препятствовать, что за оные впредь наличные капиталы, как прежде сего бывало, из государства более уже не вытаскались". Печальное положение в эти годы Путивльской мануфактуры Полюярославцева и Рясковской мануфактуры после Миниха могло бы иллюстрировать это общее замечание. Регламент отмечал отрицательные стороны жизни тогдашних суконных мануфактур. „Ткачи насилу и столько денного света имели, дабы ткань свое точно высмотреть, наименьше ж сукну самовредительные субтильные худобы открывать могли; а скробальщики и кардовщики обще с прядильщиками принуждены были работу свою в темноте за станами исправлять, и тако они следовательно хорошо видеть не могли... У некоторых фабрикантов строение в такой плохой почине содержится, что теча от снегу и дождя и валяющийся сквозь щели неплотных потолков песок и сор людям работу в руках марают и портит; а полы иные ни досками, ниже кирпичем или камнем не выстланы; а которые выстланы, те гнилы и в досках множество скважин, и кирпичи или камни в разных местах выломаны, и дворовое место разными малыми из досок строениями и всякою деревянною посудю и многими другими вещьми так утеснено, что почти и потребное на проход место на некоторых дворах свободно не оставлено, и от того работникам великая трудность и неспособность происходит, а фабрикану немалой вред и нещастие воспоследовать может". Если представить себе бесконечное количество деревянных построек на Топальской мануфактуре 1771 года, старых, ветхих, весьма ветхих—в оттенках этого обветшания нам порой невозможно разобратся,—иногда со сгнившими полами и обвалившимися потолками,—неприглядная картина, нарисованная Регламентом, окажется вполне жизненной. Быть может, в несколько более благоприятном положении оказались Почеповская и Шептаковская мануфактуры. Регламент отмечал скученность рабочих различных специальностей, что

крайне неблагоприятно отражалось на ходе работ; нечистоту фабричных помещений, вредившую и здоровью работавших в них и качеству изделий; неисправность инструментов и т. п. Отсутствие материала, часто по вине фабрикантов, прерывало работы мануфактуры. На Топальской мануфактуре в 1792 году материала было заготовлено „самое малое количество“. Регламент считал необходимым производить заготовку материалов вперед на полтора года, „чтоб фабричной работе никогда остановки не было“⁶³⁷). Если же это случится, фабриканты „должны работным людям, когда за неимением материалов гулять будут, толикое число денег, сколько в то время подлинно заслужить могли, без всяких отговорок немедленно и исправно заплатить“. Полуярославцева обвиняли в том, что в работе его Путивльской мануфактуры бывали подобные перебои, причем, по видимому, рабочим за это время не платилось денег. Правительство руководствовалось в данном случае соображениями вовсе не человеколюбия, а исключительно фискальными и полицейскими. Выясняя причины плохого качества „отечественных“ сукон, Регламент указывал на серьезные дефекты в технике производства. „Сожалеют около шести копеек на половинку сукна, когда шерсть сперва на решетках не объется, на чесалках не чешется, також и ребитами не общиплется, и от грязи, песку, репейнику, соломы, щепочек и всякого дрязгу не очистится, не исправя сперва вышеозначенные у шерсти нужные дела, скребли и карты от всякой нечистоты, которая в шерсти еще находится, частию скоро портится, частию ж чесание на скреблях и картах трудно и продолжительно исправляется, и шерсть тем одним никогда по надлежащему чищена и довольно светла и крепка прядильщикам в руки отдана быть не может. Такие ж примеры можно бы было о крашении, и о непорядочном учреждении для работы, и о плохих расположениях, о инструментах объявить“. Из этого Регламент делал сентенциозный вывод, который навряд ли мог воздействовать на фабрикантов, хотя и апеллировал к интересам их кармана. „Не-

⁶³⁷) Указ 2/IX 1741 года понизил этот срок до полугода (Чулков Описание, т. VI, кн. 3, с. 374; П. С. З., XI, с. 503).

рассудное сожаление или паче безвременное любокорыстие напремного отваживается, а всегда еще и гораздо больше теряет“. Много наблюдений Регламента с у к о н н ы м фабрикам можно распространить и на иные мануфактуры XVIII века. Украинские мануфактуры не были исключением. Современники даже во второй половине столетия отмечали, что изделия украинских фабрик уступали в качестве русским⁶³⁸). Подмеченные Регламентом недостатки и перебои в работе мануфактур вряд ли были сглажены и во второй половине столетия.

V.

Рабочий вопрос в Гетманщине—еще неоткрытая страница социально-экономической истории Украины. Источники сохранили нам совершенно ничтожные данные, соответствующие, быть может, только тому слабому интересу, который был обнаружен исследователями к данному предмету. Если внешняя сторона жизни фабрично-заводских предприятий, вообще более доступная изучению, обращала на себя хотя бы небрежное и случайное внимание исследователей, то будничная жизнь мануфактуры, ее работа и ее рабочие, ускользнула от него. Данный вопрос слагается из двух моментов, связанных тесным и непрерывным взаимодействием: общие условия жизни мануфактуры определяли ту или иную организацию ее работы и ее рабочих, а результаты первой и положение вторых, в свою очередь, необходимо воздействовали на эту организацию. В этом тяжелом колесе вращался тот человеческий материал, который так своеобразно определял самую сущность мануфактуры. Эти два момента мы обязаны рассмотреть хотя бы в общих чертах, считаясь с той досадной скудостью наших сведений, которую мы подчеркнули выше. Мы вынуждены признать, что внутренней жизни украинской мануфактуры мы почти не знаем. Источники наших знаний об украинской мануфактуре—в огромном большинстве случаев, официальные документы, интересовавшиеся преимущественно внешней стороной дела, так сказать, результатами работы

⁶³⁸) Шафонский, 20.

мануфактуры, а не самым ходом ее. Современники мало интересовались рабочими предприятий. Своеобразие крепостной⁶³⁹⁾ фабрики естественно ослабляло и устраняло ряд животрепещущих моментов рабочего вопроса. Мы лучше знаем, сколько досок пошло на постройку всех зданий Топальской мануфактуры, как она представлена была в 1771 году, нежели о числе ее рабочих, оплате труда их, вообще их быте. Украинская мануфактура в первой половине XVIII столетия была невелика по количеству рабочих, и среди огромных восточно-европейских мануфактур эпохи она занимала далеко не первые места. В среднем она имела человек 200 с лишним. Была большая разница в положении казенных и посессионных фабрик— и вотчинных. Первые были значительно многочисленнее; вторые имели меньшее число рабочих, определенное чисто хозяйственной необходимостью. Но существенное различие между ними лежало не в этой плоскости. Юридическая природа и происхождение предприятия решали ту или иную связь его с местным населением, ставили последнее в те или иные отношения к фабрике. В первом случае (казенная и посессионная фабрика) совершенно обязательной являлась приписка к фабрике тех или иных сел и деревень, того или иного количества дворов, иногда целой волости. К Ахтырской мануфактуре в 1719 году было приписано, при основании ее, 944 двора из отписных маенностей полковника Перекрестова. „Для заводу“ и „для поддержания“ парусной мануфактуры в 1726 году Строгановым была отдана „на оренту“ Шептаковская волость, очевидно, тем самым становившаяся в более тесные отношения к мануфактуре. В том же 1726 году, при национализации Путивльской мануфактуры, к ней были приписаны большие имения Дубровского и Корчмина, которые сохранены были за ней и при передаче ее Полуярославцеву в 1732 году, переходе в казну в 1741 году и отдаче Матвееву в 1752 году. Имение было закреплено за мануфактурой, и все слезные челобитные Дубровского не привели ни к чему. В несколько свое-

⁶³⁹⁾ Этот термин мы употребляем в расширенном значении, считаясь с некоторыми особенностями, отличавшими украинскую фабрику XVIII в. от русской.

образом, хотя родственном предыдущим, положении оказалась Рясковская мануфактура, под предлогом заведения которой Миних и выпросил Ряски и другие села и деревни. Когда в 1742 году все конфискованные украинские имения Миниха были подарены Алексею Разумовскому⁶⁴⁰), Ряски, приписанные к казенной мануфактуре, в это пожалованье не вошли, а в 1754 году вместе с нею были переданы Б. Г. Юсупову. Прекращение этой связи, вызванное передачей соответствующих имений в другие руки, обычно срывало мануфактуру с насиженного места и могло выбросить ее за пределы Гетманщины. Если пример Шептаковской мануфактуры, выведенной в 1730 году, после отдачи Шептаковской волости на гетманскую булаву, может быть, недостаточно убедителен, ввиду почти катастрофического положения этого предприятия, то значение вывода Почеповской мануфактуры из пределов Гетманщины, после передачи Почепа гетману Разумовскому, не оставляет никаких сомнений.

Казенная или посессионная фабрика была немыслима без „приписных дворов“. Она вырывала из местного населения определенное количество рабочих для постоянной фабричной работы. В ином положении оказывалась иногда вотчинная фабрика. Она выбирала из местного населения неопределенное количество рабочих и обычно ненадолго связывала их с фабричной работой, хотя в переводе крестьян из России можно усмотреть попытку создать постоянных рабочих, навсегда прикрепив их к фабрике. Мы знаем попытку купеческой фабрики Артино купить до 100 душ крепостных⁶⁴¹), которая вряд ли осуществилась, несмотря на сочувственное отношение к этому центральной российской власти⁶⁴²). Почеповская (при Меншикове) и Топальская мануфактуры близко притягивали к себе известную часть на-

⁶⁴⁰) Баранов, III, 98, № 8831; ср. Дневник Марковича, II, изд. 1859 года, с. 191—92.

⁶⁴¹) Рум. Музей, Архив Марковича, № 1384.

⁶⁴²) Савва Владиславич в 1730 году, кажется, просил о пожаловании ему, в вечное владение, 800 дворов в Севском уезде (Баранов, II, 209, № 3668). Гаврило Владиславич скупал крестьян у смоленской шляхты (Киевская Старина, 1882, январь, с. 121. Материалы—в Малороссийском Сборнике из рукописного собрания Лазаревского, № 10, т. II).

селения, освобождая ее, повидимому, от всяких иных работ. Вотчинная фабрика в этих случаях (при крупном производстве) пыталась создать себе постоянный контингент рабочих. В этом смысле весьма важно указание Описания 1771 года на отсутствие у Топальской мануфактуры пахотной земли. Существенно также указание на то, что большинство рабочих этих мануфактур жило на территории этих предприятий, в „корпусе строения фабричных рабочих“ или в „светлицах для работных людей“. Несколько схематизируя это различие между первой и второй группами мануфактур, можно сказать, что первая (казенные и посессионные фабрики) использовала весь труд части населения данной местности; вторая (вотчинная) занимала часть труда всего населения данной местности. Это вносило весьма существенное различие в положение рабочих этих двух групп предприятий. На практике, однако, дело оказывалось значительно сложнее, иногда запутаннее. В первой половине столетия очень трудно провести грань между посессионной и крупной вотчинной фабрикой. К тому же, за исключением одной лишь Топальской, все украинские мануфактуры в недолгий срок пережили различные виды крепостной фабрики, причем искать строгой последовательности и юридической отчетливости было бы напрасным трудом. Это значительно осложняло правовое положение рабочих на этих предприятиях.

Сведения наши о количестве рабочих на украинских мануфактурах отрывочны и случайны. Более полны данные, относящиеся к 1727 году.

Ахтырская мануфактура	510 ⁶⁴³⁾
Путивльская „	455 ⁶⁴⁴⁾
Почеповская „	221
Шептаковская „	100—120 ⁶⁴⁵⁾

В конце своего существования Шептаковская мануфактура занимала, вероятно, около 150 человек. Почеповская

⁶⁴³⁾ Сб. Р. И. О., т. 69, с. 252.

⁶⁴⁴⁾ Сб. Р. И. О., т. 130, с. 610.

⁶⁴⁵⁾ Предположительные цифры, основанные на соотношении данных касательно Почеповской мануфактуры и предположении, что число станов в 1727 году было не более 25.

мануфактура в начале 30-х годов имела около 420 рабочих⁶⁴⁶). На Рясковской мануфактуре в первой половине столетия, по отсутствию данных, мы не можем указать даже предположительных цифр. В середине столетия Рясковская мануфактура имела около 350 рабочих⁶⁴⁷). Что касается Топальской мануфактуры, то она в этом отношении нам также неизвестна. Однако, в первой половине XVIII столетия она имела не менее 250—300 рабочих. Нам важно установить также, в каком отношении находилось число рабочих на казенных и посессионных фабриках к общему количеству населения приписных имений. Установленная законом норма, вероятно, нарушалась⁶⁴⁸). К Ахтырской мануфактуре в 1719 году приписано было 944 двора. Считая по 5 человек на двор, получим 4720 д. об. пола. Таким образом, приблизительно 11% местного населения было занято фабричной работой. По такому же расчету находим свыше 14% для Шептаковской мануфактуры, хотя в последнем случае возможен только недостаточно уверенный вывод, и около 7% для Путивльской мануфактуры 1727 года. Среднее соотношение выразится 10%. Несомненно, эти выкладки очень грубы и общи. Но картина оказывается интересной. После различных отчислений (женщины, дети, старики) мы можем утверждать, что в общем к фабричной работе привлекалось почти все взрослое и трудоспособное население мужского пола. Число приписных дворов не оставалось неизменным. Из 944 дворов Ахтырской мануфактуры в 1719 году к 1727 году „за раздачами“ осталось 552 двора, а между тем число рабочих оставалось почти то же (500). На Путивльской мануфактуре в 1728 году число приписных дворов уменьшилось вдвое, а рабочих на мануфак-

⁶⁴⁶) В 1731 году, после соединения с Шептаковской, она имела 91 стан. Если считать нормальной цифру 221 рабоч. при 48 станах, то для Шептаковской фабрики, с ее 30 станами, получим 138 рабочих; для 91 стана 119 рабочих.

⁶⁴⁷) Киевский Централхив, губернаторский архив, дело о суконных фабриках в 1790 году.

⁶⁴⁸) П. С. З., XIII, № 9954. Указом 20 XI 1791 года определено было употреблять круглый год на фабричные работы (на суконных фабриках) всех безземельных крестьян и половину имеющих землю (П. С. З., XXIII, № 16998).

туре оказалось 303, т. е. в $1\frac{1}{2}$ раза меньше предыдущего года. Вторая половина столетия внесла большие изменения в количество рабочих на украинских мануфактурах. Старые мануфактуры не только не уменьшили числа своих рабочих, но в некоторых случаях, в связи с расширением производства, даже увеличили его. Наши сведения и для второй половины столетия отрывочны. Приведенная таблица имеет целью дать соотношение количества рабочих на украинских мануфактурах второй половины XVIII в.

Путивльская мануфактура . . .	1768 г.	имела 2000 раб.	⁶⁴⁹⁾
Рясковская „ .	1786 г.	„ 700 „	
Салтовская „ .	1778 г.	„ 455 „	⁶⁵⁰⁾
Топальская „ .	1781 г.	„ 300 „	

Если Топальская мануфактура, в 1781 году занимая ежедневно труд 300 человек, не слишком значительно увеличила число рабочих, бывшее в последние годы владения Рагузинских (220—230), то Путивльская мануфактура была огромным предприятием. Зато вновь открывшиеся предприятия обращают наше внимание немногочисленным составом рабочих. Строго говоря, вотчинная фабрика появилась на Украине лишь во второй половине столетия, точнее, в конце его. Так, в 1805 году на Шептаковской суконной фабрике Разумовского работало около 60 человек, по большей части детей. Вероятно, несколько больше рабочих было на Батуринской суконной фабрике, хотя известия Гильденштедта не дают достаточно определенных материалов для выяснения их количества ⁶⁵¹⁾. Суконные фабрики Будлянских и Безбородко занимали небольшое число рабочих. Основной причиной этого был, конечно, иной, более узкий масштаб новых предприятий, органически связанных с вотчинным хозяйством и, в большинстве случаев,

⁶⁴⁹⁾ Труды Вольно-Экономического Общества, 1768, ч. VIII, с. 205.

⁶⁵⁰⁾ До 1771 года на Салтовской мануфактуре было 355 рабочих (Семевский, I, 597).

⁶⁵¹⁾ На двух суконных фабриках, находившихся в Черниговской губернии в 1802 году, было рабочих 87 человек (Труды Полт. Арх. Ком., XIII, 109). Это были, вероятно, Батуринская и Шептаковская фабрики Разумовского.

замыкавшихся им. Молодая купеческая фабрика имела очень незначительное количество рабочих. На „фабрике“ Артино в 1766 году работало 14 человек. Это было очень недалеко от кустарной мастерской. Большое количество рабочих иногда весьма тяготило фабричную администрацию и казну. Ахтырский полковник, ведению которого была поручена Ахтырская мануфактура, значительно в то время сократившая свое производство, недаром жаловался на то, что „мастерским людям делать нечего, а жалованье просят“. Болезнь становилась затяжной, разлагая мануфактуру. Несомненно более сложным представляется вопрос о казенной Шептаковской мануфактуре к началу 1729 года. Там выделка 522 кусков за 1727—28 годы потребовала уплаты „мастерским людям“ 1906 р. 48 коп., тогда как в те же годы в Почепе 1450 кусков полотна обошлись по этой статье расхода в 3374 р. 99³/₄ к. К сожалению, неясно, чем вызвана была эта разница, более высокой ли оплатой труда, или же большим количеством рабочих. Скорее—последнее. Производство куска полотна обходилось в Шептаках в 7 руб. 54³/₄ коп., в Почепе—3 руб. 55 к. При казенной цене—4 рубля за кусок полотна—Шептаковская мануфактура оказывалась в катастрофическом положении. Кажется, в иные моменты (1726—32 годы) большое число рабочих на Путивльской мануфактуре тяготило администрацию ее. Частновладельческая мануфактура находилась в этом отношении в более выгодных для себя условиях.

Заработную плату получали на казенных и посессионных фабриках мастерские и работные люди. Она выдавалась деньгами и отчасти натурой (Ахтырская и Путивльская мануфактуры). Мастерские имели установленный, заранее фиксированный оклад содержания, выдававшийся деньгами и натурой; работные люди получали сдельную („задельную“) плату. Поручая Ахтырскому полковнику заведывание табачной мануфактурой, Коммерц-контора предписала ему „мастерским людям жалованье давать“. На Почеповской и Шептаковской мануфактурах мастерские люди получали „жалованье“. Работные люди получали то или иное содержание в зависимости от выпол-

ненной работы ⁶⁵²⁾. Это отчасти, может быть, объясняет нарекания на Полуярославцева, что у него на фабрике рабочие остаются без работы, стало быть, не зарабатывают денег, необходимых на уплату податей. Во второй половине столетия рабочие Рясковской мануфактуры получали сдельную плату. Положение рабочих на частных мануфактурах, вероятно, было несколько иным, хотя в первой половине столетия на Украине провести в этом отношении грань между правовым положением их и рабочих казенных и посессионных мануфактур—нельзя. Если в 1767 году рабочие Топальской мануфактуры получали за плату „по положенной цене“, то в первой половине столетия это было неизбежно. То же было и в 1771 году; а в 1781 году Описание Новгородсеверского наместничества говорит о „наемных рабочих“ на Топальской мануфактуре. Рабочие Батуринской мануфактуры в 1774 году получали сдельную плату ⁶⁵³⁾. Однако, к концу столетия вотчинная фабрика, повидимому, перешла к панщинному труду. Фон-Гун, сообщивший нам некоторые сведения о Шептаковской суконной фабрике Разумовского в 1805 году, ничего не говорит об оплате труда ее рабочих. Указание на то, что владелец фабрики предполагал перевести ее в Яготин, потому что там дешевле с'естные припасы, дает некоторые основания предполагать определенную повинность в порядке панщины. В таком же положении, повидимому, находились рабочие и других небольших вотчинных фабрик. Размеры заработной платы почти неизвестны нам. Источники в большинстве случаев хранят упорное молчание, и лишь путем некоторых вычислений и сопоставлений можно определить раз-

⁶⁵²⁾ В расчет принималось также качество работы. На Почеповской мануфактуре в конце 20-х годов существовала система вычетов из заработной платы. Общая сумма их в среднем давала казне не менее 100 рублей в год (Токмаков, 108).

⁶⁵³⁾ Два ткача получали за кусок сукна, на который у них уходило 3—4 дня, 3 руб. 40 к. (Güldenstädt's Reisen, II, S. 397). Таким образом каждый мог заработать 40—50 к. в день. Это были более квалифицированные рабочие. Впрочем, эти цифры кажутся слишком высокими. Интересные материалы о заработной плате рабочих Почеповской и Рясковской мануфактур требуют специальной разработки, которую мы надеемся дать в одном из следующих выпусков Очерков.

меры ее для первой половины столетия. В общем она была невысока. Для Почеповской мануфактуры в 1727—1730 годах она окажется около 3 коп. в день. Но эта цифра может быть признана только предположительной. Оплата труда рабочих суконных мануфактур в первой половине столетия нам неизвестна. Для второй половины столетия мы имеем более обширные и точные данные. На Топальской мануфактуре в 1771 году средний рабочий получал 4 коп. в день на своих харчах⁶⁵⁴), и это, кажется, было нормой⁶⁵⁵). Ткач на Батуринской суконной мануфактуре мог заработать ежедневно от 40 до 55 копеек. Выше, вероятно, была оплата вольнонаемных рабочих, которые тогда хотя и редко, но все же были (мануфактура Гендрикова, купеческие фабрики). Детский труд оплачивался ниже. На Батуринской мануфактуре в 1774 году мальчик, наматывавший при стане нитки на чурки, зарабатывал в день 5—7 коп.; но дети, занятые пряжей, получали не больше 1½ коп. в день. Надо думать, что вообще на суконных фабриках оплата труда была выше, чем на полотняных⁶⁵⁶).

Гетманщина знала применение в широких размерах женского и детского труда. Женский труд был широко развит. Он применялся для целого ряда работ на парусных фабриках. Регламент 1741 года рекомендовал ввести его и на суконных фабриках⁶⁵⁷), где, впрочем, он существовал и раньше (Путивльская мануфактура)⁶⁵⁸). В иных случаях, особенно на вотчинной фабрике, он даже преобладал (ковровые фабрики и т. п.). Известные нам факты указывают на значи-

⁶⁵⁴) Отдаточно́ная книга, л. 297 об.

⁶⁵⁵) Архив истории труда в России, кн. 2, с. 1 (Мария Мурзанова, На Московско-Новгородской парусной фабрике).

⁶⁵⁶) Специальное значение имеет вопрос о положении приписных к фабрикам посполитых. Изучение его представляет большой интерес для выяснения тех путей, какими проникала мануфактура в украинское хозяйство. Однако, в нашем распоряжении имеется пока лишь очень скудный материал, касающийся Путивльской мануфактуры при Дубровском и Рясковской при Минихе.

⁶⁵⁷) Чулков, т. VI, кн. 3, с. 352—53. Указ 2/IX 1741 года, в общем утвердивший „работные регулы“, несколько ограничивал безусловное постановление Комиссии (*ibid.*, 374; П. С. З., XI, 495).

⁶⁵⁸) Сб. Р. И. О., т. 94, с. 598.

тельное участие детей в работах мануфактуры. В более широких размерах детский труд стал применяться во второй половине столетия, и преимущественно также на вотчинных фабриках. Но существовал он и в первой половине столетия (Путивльская мануфактура)⁶⁵⁹). Мы знаем о детях, работавших на Батуринской суконной мануфактуре в 1774 г. Они выполняли вспомогательные, хотя иногда сложные работы. Дети обоего пола наматывали при станах нитки на чурки, набирали основу, чесали и пряли шерсть. В 1792 г. среди рабочих Топальской мануфактуры были дети (обоего пола), которые занимались чоской пряжи. В 1805 году из 60 рабочих на Шептаковской, суконной фабрике бóльшая часть были дети. На Яготинской чулочной фабрике в том же 1805 г. работали дети. Вероятно, на мелких вотчинных фабриках детский труд применялся в более широких размерах. Нет ничего невозможного, что детский труд в некоторых частях производства применялся и раньше⁶⁶⁰). Местное население, таким образом, сызмала приучалось к фабричной работе.

В нашем распоряжении слишком мало данных, чтобы судить о положении рабочих на украинских мануфактурах. Трудно обобщать еще несобранный материал. Поэтому можно было бы говорить только об отдельных предприятиях. Единственный более солидный материал принадлежит Топальской мануфактуре 1771 года. Но он требует дополнительных изысканий и специальных исследований⁶⁶¹). Не все категории рабочих находились в одинаковых условиях, и в первой половине XVIII столетия это, в большинстве случаев, не зависело от характера предприятия: была ли то казенная и посессионная, или частновладельческая фабрика; допустимо предположение о более сносных условиях жизни ра-

⁶⁵⁹) Ibid. „А дранне, щипание и чищение малолетние ребята исправлять могут, получая платы по две копейки в сутки“ (Регламент суконным и каразейным фабрикам, — Чулков, т. VI, кн. 3, с. 358).

⁶⁶⁰) На Топальской мануфактуре (Отдточная книга, л. 297 об.).

⁶⁶¹) Посильная разработка этого материала дана нами в статье „Рабочие на Топальской мануфактуре в 1771 году“ (Архив истории труда в России, 1923, кн. 6—7, с. 41—51). См. П. С. З., X, № 7866 (если только это относится к Путивльской фабрике Полуярославцева).

бочих казенных и частновладельческих мануфактур. Обычно рабочие имели свое хозяйство, более или менее незначительное, как можно судить по данным Топальской мануфактуры. Местные, украинские рабочие иногда не прекращали некоторых связей с сельским хозяйством. Переведенные из России крестьяне чаще были оторваны от земли. Мы ничего не знаем о волнениях рабочих в Гетманщине. Факты жестокого обращения фабрикантов с рабочими отмечались самим правительством⁶⁶²). Волнения, несомненно, были, но—не выразившиеся в более грандиозных и ярких формах—остались в неизвестном прошлом⁶⁶³).

VI.

Мануфактура, занесенная на Украину извне, несообразная с силами местного хозяйства, зачастую российское казенное учреждение, все же не могла изолировать себя от воздействий этого хозяйства, не сумела избежать связи с местным обществом. Многими сторонами своей жизни, серьезными моментами своей деятельности она соприкасалась с Гетманщиной, на чью территорию ее забросила судьба. Существование мануфактуры было фактом, очень заметным в истории местного хозяйства и общества. Не вырастая органически из украинского хозяйства, она подходила к нему с самыми важными своими запросами, извлекая оттуда необходимое ей сырье и отбирая значительное количество населения для своей работы. Все парусно-полотняные и суконные мануфактуры в первой половине столетия жили за счет местного сырья, и только некоторые второстепенные материалы доставлялись им из России и заграницы. Во второй половине столетия мануфактура несколько раздвинула рамки своего хозяйственного кругозора, приобретая новые рынки для сбыта своих произведений, в частности, закрепляя свои позиции на внутреннем рынке, и вывозя необходимое ей сырье и полуфабрикаты также из России и иногда

⁶⁶²) Киев. Стар., 1886, XII, 742 (Путивльская мануфактура). См. П. С. З., XI, 483.

⁶⁶³) Рабочие Почеповской фабрики, переведенные в Ревны, повидимому, не легко уживались на новом месте: в 1757—58 годах известны случаи побега с фабрики (Труды Орловской Арх. Комиссии, 1890, I, 24).

из за-границы. Часть необходимых продуктов доставлялась местным населением в уплату разных налогов и поборов; больше закупалось, и вряд ли на вольном рынке, у того же населения, только более широкой области; некоторую, несомненно, небольшую часть доставляло само господское хозяйство. Еще более осязательной была живая связь мануфактуры с населением данного района. Недаром Разумовский в 1751 году доказывал, что почеповские парусные полотна выделаны „коштом малороссийским и людьми“. Приписка целых украинских волостей к мануфактурам ставила местное население в длительные обязанные отношения к тому или иному предприятию, а это вносило в местную жизнь тысячу порой, может быть, незаметных, но в общем значительных мелочей. Украинская посессионная фабрика по своему правовому положению не отличалась от российской, послужившей соответствующим образцом. Если в первой половине столетия украинская вотчинная фабрика и не могла быть крепостной, несмотря на участие в ее работах переведенных из России крепостных крестьян, то во второй половине и, особенно, к концу его нам трудно было бы обнаружить основное различие. Но, помимо отдельных частей населения и целых волостей, надолго, часто без возврата „уходивших на фабрику“, иногда—и нередко—местное население принудительно привлекалось к каким-либо вспомогательным работам на мануфактурах, в порядке натуральной повинности. В подобном положении находилась, например, Ахтырская мануфактура. Это было обычным явлением в Гетманщине, особо и крепко связанным в первой половине XVIII столетия со сложными военными нуждами. Несомненно, напряжение работы мануфактур в соответствующие моменты требовало принудительного наряда населения на ее работы. Повидимому, „национальные строения“ Разумовского основывались именно на таком принудительном труде. На Батуринском кирпичном заводе в 1754 году было 300 человек „кирпичных рабочих“, и высылались „к кирпичным заводам для копания глины“ 100 человек (их предполагалось увеличить до 150)⁶⁶⁴). В 1759

⁶⁶⁴) Труды Черн. Губ. Уч. Арх. Ком., XI, 126, пр. 1.

году к батуринской работе „необходимо потребно немалым числом разных мастеровых людей, пеших работников и подвод с подводчики“. „На перьвой случай“ требовалось мастеровых людей и работников: „столярей искусных в их мастерстве—40, кузнецов—30, плотников—200, да для копания погребов и планирования земли пеших работников—200; также для вывозки лесу от Устья и для разных повозок подвод с подводчики 300“⁶⁶⁵). Часть этих рабочих была выслана, но среди них было много „генерально крайне негодных и малолетних“. Этим рабочим производилась „довольная плата“, но принудительность труда этим, конечно, не устранялась. Все эти чрезвычайные наряды больно задевали интересы населения. Вольнонаемных рабочих в Гетманщине было мало. Теплов, присмотревшийся к порядкам Гетманщины, писал в 1759 году: „есть ли способ в Малой России за деньги вольных рабочих доставать, когда от лености все мужики малороссийские бегают почти всякой работы, не желая себе никакой платы“⁶⁶⁶). Факт был констатирован, но объяснен наивно. Экономическое развитие Украины еще не создало достаточно квалифицированных рабочих и не выбросило на рынок большого количества рабочих рук⁶⁶⁷).

Если к низшим слоям украинского населения мануфактура обращалась особенно неприглядной своей стороной, выжимая из него необходимую ей рабочую силу, то высшие слои общества относились к ней иначе. Мануфактура, бесспорно, была им чужда. Мы можем отметить среди „украинских“ фабрикантов первой половины столетия полное отсутствие украинского шляхетства и купечества. Императрица Екатерина, князь Меншиков, бароны Строгановы, граф Владиславич-Рагузинский, граф Манин—вот краткий, но выразительный список, бесконечно чуждый Украине.

⁶⁶⁵) Лазаревский, Описание, II, 261—65. Материалы—в Малоросс. Сборнике из собрания Лазаревского, № 46, т. I, л. л. 121—131 об.

⁶⁶⁶) Лазаревский, II, 264. См. Записки о Южной Руси, II, 194—96. Ср. „Замечания, до Малой России принадлежащие“ (Москва, 1848), с. 52.

⁶⁶⁷) Особую группу представляет повинность мещанства некоторых городов (Новгородок) поставлять работников и подводчиков на казенные фабрично-заводские предприятия. Повинность эта тяжело ложилась на местное население (Труды XIV Арх. Съезда, III, 331).

Единственное имя представителя купеческой фабрики — Артино — также чуждо Украине. Известная нам попытка Лашкевича была вряд ли осуществлена. Остальные фабрики были государственными предприятиями или просто кустарными мастерскими. Во второй половине столетия выступают также громкие имена гр. Разумовского, кн. Юсупова, гр. Румянцева, кн. Безбородко, и только имена Тернавиота и Будлянских являются некоторым исключением. Представитель купеческой фабрики Богдан Иванов — также чужой человек для Украины. Козацкой старшины и украинского купечества (мещанства) мы не встречаем среди фабрикантов. Формально доступ к промышленным предприятиям им запрещен не был. Кабинет, получив прошение Семена Лашкевича в 1738 году, не отверг его принципиально, а передал на заключение Шипова, которое имело в виду установить, не создаст ли новая фабрика каких-либо неудобств для казенной Почеповской мануфактуры. И в Глухове не нашли препятствий к открытию новой мануфактуры. Еще более интересно в этом отношении заведение „фабрики“ Артино в 1737 году. Коммерц-контора и Коммерц-Коллегия, к которым поступило заявление Артино, затруднились сами дать соответствующее разрешение потому только, что „малороссийские города в ведомстве состоять Малороссийской Генеральной Войсковой Канцелярии, и дабы позволением той фабрики тамошним правам в чем не учинить нарушение“. Коммерц-Коллегия, ссылаясь на Регламент Мануфактур-Коллегии 3/ХІІ 1723 года и другие указы, дала свое принципиальное согласие на заведение Артино „фабрики“ и просила Генеральную Войсковую Канцелярию „учинить позволение“, если только „по малороссийским правам затруднения от того не явится“. Генеральная Войсковая Канцелярия дала разрешение. Таким образом, не было формальных препятствий к распространению на Украину соответствующих законоположений Империи. Практически вопрос решался на месте — центральной администрацией Гетманщины.

Украинской старшине, таким образом, нетрудно было бы основывать фабрики. И если этого не было, то главная причина — чисто экономического характера. Мануфактура первой половины XVIII столетия была огромным, дорого

стоившим предприятием. В России, при господстве крепостного права, дворянство и отчасти купечество имело широкую возможность организации подобных предприятий. В Гетманщине почти не было крепостного труда. Вольный труд был слишком дорог, ввиду отсутствия рабочих рук. При таких условиях, учитывая еще отсутствие правильного кредита и недостаток больших капиталов, мануфактура была неосильной для большинства украинского шляхетства. Экономическая почва Гетманщины еще не умела выращивать крупной промышленности. Тем не менее, связи мануфактуры с украинским шляхетским хозяйством несомненны. Ей приходилось обращаться к этому хозяйству за сырьем. В свою очередь, шляхетское хозяйство нуждалось в некоторых произведениях мануфактур⁶⁶⁸). Мы можем проследить и некоторые личные связи. Николай Данилович Ханенко, генеральный хоружий и крупный стародубовский державца, бывает у Владиславичей в Топали, Москве и Петербурге и принимает их у себя. У него бывает и почеповский управитель Гаврило Лукин⁶⁶⁹). Другого почеповского управителя Ратманова Ханенко навещает в с. Покровском, под Москвой. С третьим лицом, близким Почеповской мануфактуре,—Чамовым у Ханенко тесные связи. Возможно также родство Чамова с Рославцами. Вполне естественны связи между мануфактурой и украинским купечеством. Не всегда отношения между мануфактурой и украинской средой были дружелюбны. Порой происходили очень резкие недоразумения на экономической почве. В этом отношении характерно столкновение рабочих и администрации Рясковской фабрики с Густынским монастырем, происшедшее в 1763 году⁶⁷⁰). Чужое растение—мануфактура постепенно и медленно прививалась на украинской почве; своеобразно измененная ею,

⁶⁶⁸) Ханенко, Дневник, 33; Маркович, Дневник, I, с. 197.

⁶⁶⁹) См. Дневник Ханенко, 122. Петр Данилович Апостол навещает Лукина в Глухове в 1725 году (Киевская Старина, 1895, VII—VIII, с. 110).

⁶⁷⁰) Лазаревский, Описание, III, 410—13. Материалы—протестное доношение Густынского монастыря в Прилуцкую полковую канцелярию 17/VIII 1763 и универсал гетмана 12/IX 1763—в собрании Лазаревского (№ 37, т. 4).

подчиняясь местному хозяйству, она входила в его инвентарь и во второй половине столетия стала его принадлежностью; она тесно соприкасалась с местным обществом, и в ежедневной будничной встрече оно привыкло глядеть на нее, как на явление, порой хотя и неприятное, досадное, может быть, несносное, но уже не чужое.

Мы рассмотрели те скудные известия, какие сохранили нам памятники о жизни мануфактур в Гетманщине, и в основных чертах те общие экономические условия, в каких довелось жить украинской мануфактуре. Она обязана своим возникновением правительственной инициативе, связана была теснейшим образом с русским землевладением на Украине и всеми превратностями его судьбы, облеклась в типичные формы ранней мануфактуры, обслуживая, в значительной степени, казенные нужды. Приходится признать бесспорную оторванность ее от местной власти. Украинская администрация имела к ней мало отношения, и автор исследования о „малорусском полке“ имел основания обойти ее почти полным молчанием и несколькими строками. Однако, мы ошибочно утверждали бы полную изолированность мануфактуры. Подчиненная имперским ведомствам, она все же входила в круг ведения местных представителей российского правительства, а через них ею интересовались и центральные учреждения Гетманщины. Нередко они имели ее в своем непосредственном ведении. Далее, всякие описи неизбежно захватывали и мануфактуры, сберегая, таким образом, драгоценные сведения о них. И эти мануфактуры были связаны с Гетманщиной не только через крупное землевладение, но гораздо более сложными и глубокими связями. Втягивая в свою работу население данной местности, создавая свой определенный промышленный район, используя местное сырье, мануфактура порождала целый ряд подсобных промыслов, которые занимали рабочие руки окружающей местности; распространяя технические навыки, создавала благоприятные условия для кустарных промыслов соответствующего производства. Наконец, она постепенно осваивалась с местным рынком. Мануфактура не проходила бес-

следно. Не случайно Кирилл Разумовский в 80-х годах организует в своем Почепе полотняную мануфактуру. Повидимому, меншиковский „завод“ оставил в местном населении определенные технические навыки, привычку к промышленной деятельности. Когда после 1750 года Почеповская мануфактура была переведена в Ревны, Чамову были отданы работные люди только „российского народа“. Очевидно, местные уроженцы (украинцы) были оставлены на прежних поселениях, и Кирилл Разумовский решил использовать технический опыт двух поколений. Характерно еще другое обстоятельство. Мимолетная Шептаковская мануфактура оставила по себе некоторые воспоминания и следы. На месте ее еще в первой половине XVIII столетия устроен был винокуренный завод, действовавший в 1781 году на 18 котлов⁶⁷¹). В конце XVIII столетия Кирилл Разумовский заводит здесь суконную фабрику; Алексей Кириллович уже в начале XIX в.—„медной котельной завод“. При селах Машеве и Жадове—той же волости—в 1810 году была устроена суконная фабрика. Это было очень непохоже на строгановскую мануфактуру, но питалось соками того промышленного района, в создании которого и она принимала участие. Еще сильнее и сложнее должно было быть влияние Топальской, Рясковской и, особенно, Путивльской мануфактур, просуществовавших долго и сравнительно благополучно. Мы не имеем, к сожалению, соответствующих данных, но то, что мы знаем относительно организации этих мануфактур, особенно во второй половине столетия, показывает нам, что местное население использовало их технический опыт, следы которого мы находим и в следующем столетии⁶⁷²). На смену им в конце XVIII и начале XIX столетия пришли многочисленные вотчинные фабрики, несравненно более близкие и более неприятные местному населению, и кустарные заведения. Впрочем, это была уже иная форма промышленной организации, возникшая на иной хозяйственной почве и развившаяся в иных исторических

⁶⁷¹) Лазаревский, Описание, I, 186.

⁶⁷²) См. Лазаревский, Описание, I, 440—65; Домонтович, 365—75; Русов, II, 255—95.

условиях. Мы должны отметить и то обстоятельство, что эти мануфактуры были слишком тепличными растениями, требовали особенного ухода за собой и особенной поддержки, были слишком грандиозными для тогдашнего украинского хозяйства и потому громоздкими и одинокими. Не случайно в списках украинских фабрикантов почти до самого конца XVIII столетия мы не встречаем местного шляхетства, и даже те немногие имена, которые известны нам в этом отношении во второй половине XVIII и начале XIX века, гораздо более связаны были с Петербургом, чем с Украиной. А в эпоху Гетманщины, все крупные мануфактуры ее связаны были с очень громкими именами, близкими Украине, но чуждыми ей. Громоздкость их организации, подчинение нуждам государственного хозяйства Империи, нередко отсутствие постоянного рынка и правильного сбыта, конкуренция русской промышленности, короче говоря, одинокое, обособленное положение ранней мануфактуры в украинском народном хозяйстве, одинокое еще более потому, что она была пасынком и российской экономической политики,—были причиной ее гибели. Отдельные предприятия прожили долго. И за свою долгую жизнь они, не выросшие из украинского экономического быта, сумели сжиться с ним, вращаться в ту промышленную почву, которую они нашли и обработали вокруг себя.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

№ 1.

Описание Почеповской мануфактуры 1727 года.

л. 68 об.

При томъ же городе Почепъ фабрика, в которой дѣлаетца парусное полотно, а что в той фабрике какова строения, и всякихъ припасовъ, и іструментовъ, и протъчего, значить ниже сего, а іменно.

При рекъ Судости, на берегу, каменного строения в одну линею, в немъ:

мыларня 1
сушилня 1
полать кладовихъ 2

кантора, где содержитца записка всякимъ оной фабрики припасомъ и протчему, одна.

Деревянного строения:

л. 69.

свѣтлѣцъ, которіе устроени для работнихъ людей, двадцать три;

изба, при ней сени да клѣтъ, в которой живутъ сталяри да мелникъ;

кладовихъ анбаровъ, где кладетца пенка і припаси, і работаютъ майстеровіе и работніе люди, восемь;

сараявъ, в которихъ, кладутца припаси и пряжи вивешиваютца, два;

кузница одна;

погребъ походной двойной с виходомъ деревяннымъ одинъ.

Котловъ мѣднихъ большихъ с кришками три;

малихъ меднихъ же два;

бердъ меднихъ ткацкихъ девяносто, в томъ числѣ в работѣ сорокъ восемь;
 становъ ткацкихъ сто одинъ, в томъ числѣ в работѣ сорокъ восемь;
 берднихъ меднихъ зубевъ одиннадцать фунтовъ;
 щетей желѣзныхъ чесаленныхъ четырнадцать;
 к темъ же щетямъ изготовлено желѣзныхъ зубевъ на тринадцать щетей;
 самопрядокъ с веретени и с круки желѣзными восемьдесятъ пять;
 уточныхъ колесъ с веретени жъ желѣзными двадцать два;
 колесъ цевочныхъ со вьюшки, и с крюки, и с веретени желѣзными пятнадцать;

л. 69 об.

щетей шлихтяныхъ пятьдесятъ пять паръ, в томъ числѣ в работѣ сорокъ семь паръ;

букъ деревянной с оковкою железною	1
лапатоковъ желѣзныхъ	2
станокъ, что ниченки вяжутъ	1
кочерга желѣзная	1
пешня одна	
станокъ, что берда вяжутъ	1
тиски	1
прибойниковъ	2
наковаленка малая	1
острогубецъ	1
циркаль	1
жомъ с крюками желѣзными	1
викалодковъ	2
трубка	1
молотокъ	1
сновалня с инструменти	1
запановъ коженныхъ ткацкихъ	53
топаровъ	14
ломъ желѣзній	1

л. 70.

такарнихъ, сталярнихъ, щетиннихъ и кузнечнихъ припасовъ, станковъ, колесъ, струговъ, молотковъ, клещей, ножницъ, пиль и протчихъ всякихъ разнихъ, к тому принадлежащихъ, и іструментовъ, числомъ девяносто восемь; терезей весовихъ;

веретенъ железнихъ три, в томъ числѣ у в одного цепи железные и доски вковани; при онихъ вѣсахъ гирь:

двупудовиковъ 5

пудовикъ 1

полпудовикъ 1

пудовикъ розбивной 1

фунтовъ мелкихъ 2.

Пенки толченой—1384 пуди 32 фунта;

пенки жъ нетолченой увоевъ 15 пудъ;

чесанихъ пенечнихъ тюковъ 742, вѣсомъ сто одиннадцать пудъ, дванадцать фунтовъ;

кудели пенечной—570 пудъ 19 фунтовъ;

пряжи основной суровой и митой—117 пудъ 32 фунти;

л. 70 об.

пряжи уточной суровой и митой 167 пудъ;

основъ 149;

ниченокъ тридцать двѣ пари;

здѣланого парусного полотна чотиреста пятьдесятъ девять кусковъ;

золи сѣмъ десять девять четвертей;

желѣза шинного три пуда;

проволоки желѣзной 22 фунта;

клею рябго одинъ пудъ восемь фунтовъ сполу;

сала гавяжя четири пуда одинъ фунтъ сполу;

дегтю сѣмъ ведръ сполу;

ремняй сиромятнихъ семъдесять чотири;

запановъ коженнихъ пятнадцать;

веревокъ пенечнихъ пудъ пять двадцать фунтовъ;

стали бочковой чотири фунти;

стали жъ плотковой осмнадцать плотокъ;

л. 71.

меди красной полъ. фунта;

желѣза бѣлого тридцать два листи;

оковки желѣзной на девять становъ ткацкихъ;
скла простого сто пятьдесятъ шибъ;
дровъ двѣстѣ пять возовъ.

При той фабрики майстеровихъ і работнихъ людей, мужеска и женска полу, великороссійскихъ і малороссійскихъ, двѣстѣ двадцать одинъ человекъ. Близъ той фабрики вновь построенной дворъ, в немъ корчма с харчевнею; близъ оногo двора пенечній дворъ, в немъ два онбара; во кругъ оногo двора сарай.

Да особливо на старомъ пенечномъ дворѣ припасовъ:
пенки чѣистой три тысячи сто сорокъ сѣмъ пудъ три четверти пуда;

пенки половой три тысячи пудъ;

пакли нечесаной сѣмъ сотъ сорокъ три пуда двѣ четверти пуда;

рагожъ—новихъ шестьсотъ десять,
ветхихъ двадцать пять;

л. 71 об.

щетей на доскахъ двадцать шесть, на нихъ зубьевъ железнихъ щотомъ пятьсотъ двадцать одинъ;

колесъ предилнихъ с крюками желѣзными три;

крюковъ желѣзнихъ болшихъ і малихъ двадцать два, в томъ числѣ малихъ семнадцать;

чепелей железнихъ двадцать шесть;

веретенъ железнихъ три.

(„1727 году ноября 18 (?)¹⁾ д. Книга описная маестностямъ городу Почепу и Почепскому уезду, что имѣеть бытъ князя Меншикова в Почепѣ, артилеріи, и домовъ, и хуторовъ, и заводовъ, и наличной денежной казни, и при техъ домехъ и хуторахъ наличного хлѣба, скота и птицъ и прочіихъ припасовъ; также что в Почепѣ и в Почепскомъ уездѣ подданническихъ дворовъ и собственныхъ князя Меншикова, заводовъ, мельницъ, сеннихъ покосовъ и рыбнихъ ловлевъ, о томъ явствуетъ нижей сего, а именно“.—
Отделъ рукописей Библиотеки Киевского Университета,

¹⁾ Описание имеет не вполне ясную дату 4/XI (л. 59). Но в то время оно не могло быть составлено. Мы считаем более правдоподобной дату 18/XI, указанную в копии описания (л. 177).

№ 247, сборник „Почепъ при Меншиковѣ“, л.л. 59—88 (о фабрике—л.л. 68 об.—71 об.); копия—л.л. 177—278 (о фабрике—л.л. 186—190).

№ 2.

Описание Топальской мануфактуры 1771 года.

л. 183.

„Вѣдомость парусинной фабрики“ (л.л. 1—14).

л. 184.

Опись купленному отъ графа Владиславъча парусинному заводу, кой принадлежитъ къ Великой Топалѣ; въ которомъ сколько какова строенія, парусинныхъ становъ и избъ, такожь и протчого, значить под симъ. 1771 года.

Фабрика парусинная въ грунтахъ Великотопалскихъ. при рекѣ Сновѣ, ничемъ неогороженная, разстояниемъ отъ Топали въ двѣ версты.

По правой сторонѣ избъ жилыхъ четыре:

1. Изба дерева соснового круглого; покрыта доромъ въ лотки, въ длину три сажни треаршинныхъ и два аршины, и въ ширь тожь, старая; въ оной избѣ двери на желѣзныхъ двоухъ завѣсахъ; пѣчь кирпичная варистая съ коменомъ; пѣчь изразцовъ простыхъ, зеленыхъ, до печи и груби двѣ желѣзные заслонки; мостъ третичной старой; чуланъ съ тертиць сосновыхъ, въ немъ двери на двоухъ завѣсахъ, зъ желѣзною защепкою и засовкою; оконъ простыхъ зъ обыкончинами три, въ каждомъ окнѣ круглихъ простыхъ шибъ по двѣнадцать; а четвертое окно, въ которомъ шибъ четвертковыхъ восьми, на обыконкахъ завѣсъ желѣзныхъ восьми, желѣзніе просовни два, столъ простой работы сосновой; шкапъ третичной простой работы, въ немъ на дверцахъ завѣсокъ желѣзныхъ четыре зъ защепкою; при той же избѣ сѣни, подъ одною кришкою, объ одной стенѣ, въ длину двоухъ саженей; при оной избѣ амбаръ, покрытъ лубьемъ и доромъ, въ длину три сажни и аршинъ, вширь трехъ саженей, дерева соснового круглого; въ ономъ мостъ дощатой сосновой, двери на двоухъ завѣ-

сахъ желѣзныхъ зъ защепкою и замкомъ висящимъ, засѣкъ дощатой викладенъ кирпичомъ.

2. Изба покрыта доромъ, въ длину саженой три, а въ ширь тожь, зъ дерева разного; въ оной на дверяхъ завѣсовъ желѣзныхъ двое; пѣчь варистая съ коменомъ кирпичная, въ трубѣ заслонка желѣзная; при оной сени обѣ одной стенѣ, сажней двохъ.

л. 184 об.

3. Изба покрыта доромъ въ лотаки бервенная дерева соснового, в длину и ширину по три сажни и два аршина, весьма ветхая; въ оной пѣчь варистая зъ коменомъ и груба съ трубою кирпичные, заслонки желѣзные двѣ; оконъ простыхъ безъ обикончинъ четыре; лавокъ двѣ; двери въ избѣ на двохъ желѣзныхъ завѣсахъ; чуланъ съ тертицъ сосновыхъ, въ немъ на дверяхъ завѣсокъ желѣзныхъ двѣ.

4. Изба съ коморкою покрыта дранью въ лотаки, въ длину саженой два съ аршиномъ, а въ ширь три и аршинъ, зъ брусся соснового, ветхая; в ней оконъ съ оболонками простого круглого стекла три, обыконокъ зъ четырема завѣсками желѣзными двѣ; в оной коморкѣ окошокъ маленькихъ простыхъ двое; въ той же избѣ двери съ тертицъ сосновыхъ, на желѣзныхъ двохъ завѣскахъ зъ челомъ и кручкомъ желѣзными; тамъ же въ коморкѣ двери на двохъ желѣзныхъ завѣсахъ зъ защепкою желѣзною; пѣчь варистая съ коменкомъ кирпичнымъ, груба изъ зразцовъ бѣлыхъ, въ коменку и до грубы заслонки двѣ желѣзные; между тѣхъ избъ ганки подъ одною драничною кришкою на столбахъ, досками малими оставленіе, и вимощены тертицами сосновими, въ длину пять саженой и одинъ аршинъ; въ тѣхъ ганкахъ амбаръ дерева круглого соснового старой, въ длину три сажни, а въ ширь два; потолокъ на немъ и мость тертицъ сосновыхъ; двери двойчастіе на двохъ желѣзныхъ завѣсахъ изъ внутреннимъ желѣзнымъ замкомъ; къ сему жъ амбару по обоимъ сторонамъ придѣланніе чуланы два, зъ дерева одинъ круглого соснового, въ длину сажней два, а въ ширь одинъ, двери на пятнику зъ засовкою желѣзною; другой чуланъ съ тертицъ сосновыхъ, въ длину одного сажня зъ аршиномъ, а въ ширь тожь, двери такъ же на пятнику зъ защепкою желѣзною. Въ оной

же избѣ станокъ, на которомъ делаются берди, деревянной зъ желѣзными неболшими четирма гвинтами; токаря одна, на коей посуда точится, зъ гвинтомъ желѣзнымъ.

л. 185.

По лѣвой сторонѣ въ томъ же заводѣ амбаровъ, въ одномъ мѣстѣ разноустроенныхъ, четыре:

1. Амбаръ для парусныхъ полотень, покрыть лубьемъ и доромъ подъ желѣзной гвоздъ, зъ бервення соснового, старой, въ длину саженой пять, а въ ширь четирѣ; въ ономъ двери тертичнѣ на завѣсахъ и кручьяхъ двоухъ и засовкою, бляхою защепкою и замкомъ висящимъ болшимъ желѣзными; окно зъ быкончиною простою, стекла въ шестнадцать шибокъ, къ тому окну обикончина на двоухъ желѣзныхъ завѣсахъ, въ ономъ окнѣ решетка желѣзная; да въ ономъ амбарѣ сосновыхъ дощокъ котокъ для мѣри и складки полотень одинъ, да на полатьяхъ для поклажи пряжи тертиць новыхъ сосновыхъ двадцать одна, мостъ тертичной; при томъ амбарѣ съ приходу повѣтъ покрыта доромъ; въ ономъ же амбарѣ вѣсы желѣзные коромисель подъ литерами жолтыми, написанными номеромъ—1741; къ нему доски деревяннѣ на веревкахъ, камней весовыхъ двопудныхъ чугунныхъ литыхъ восѣмъ, разбитныхъ желѣзныхъ камней двадцати фунтовыхъ, два въ десять фунтовъ, одинъ въ пять, одинъ же въ три, а два, съ коихъ одинъ безъ ушка, въ два фунты каждой, камней жолтыхъ мѣдныхъ по сорокъ фунтовъ два, разбитной пудовикъ мѣдной одинъ; бердъ праздныхъ, въ которыхъ зубъе меди жолтой, на фланскѣ и ллянѣ полотны, мѣроу въ полтара аршина шесть, для равендуковыхъ полотень бердъ въ одинъ аршинъ пятнадцать, для тонкихъ парусныхъ полотень пять, разныхъ старыхъ и новыхъ парусныхъ бердъ двадцать пять; итого въ амбарѣ мѣдныхъ бердъ пятьдесятъ одинъ; котель, въ коемъ шлифа варится, мѣдной старой зъ обручемъ въ кругъ и ушми желѣзными, вѣсомъ одинъ пудъ и двадцать девять фунтовъ; при немъ крукъ желѣзной вѣсомъ въ шестнадцать и полъ фунтовъ; до парусныхъ полотень клеймо на имѣя М. V. мѣдное, подъ желѣзнымъ гвинтомъ въ стайку утвержденное; лоциля деревянная дубовая, за гнилость валковъ разобранная, негодная одна, на ней въ деревянныхъ двухъ

гвинтахъ ручки желѣзные двѣ, въ срединѣ оныхъ утулковъ желѣзныхъ четыре, въ которыхъ ходили круглыя валки, на оныхъ по концамъ бывшихъ рихфъ четыре, вѣсомъ двадцать два фунты, на валкахъ же бывшихъ обручовъ
л. 185 об.

четыре, вѣсомъ тридцать четыре фунты; крѣпковъ, коими оныя валки вернуть, два, вѣсомъ сѣмь и полъ фунтовъ; особливо жъ крюкъ пожарной желѣзной одинъ, восемнадцатъ фунтовъ; обручовъ до валу толчейного новыхъ два, вѣсомъ одинъ пудъ двадцать девять ѳунтовъ; обручъ отъ валу жъ толчейного старой, сѣмнадцатъ ѳунтовъ; съ подъ валковъ толченскихъ лому шматковъ пять, два пуды (i) три фунты; подосокъ отъ валу толчейного жъ ломанныхъ, негодныхъ, вѣсомъ четыре пуды двадцать пять ѳунтовъ; чѣлюсниковъ зъ горновъ миларскихъ старихъ три, одинъ пудъ и тринадцатъ ѳунтовъ; отъ полотенныхъ навоевъ круговъ желѣзныхъ три, весомъ шесть и три чети фунтовъ, секѣра ломаная вѣсомъ три фунты; при амбарѣ жъ колесо, на коемъ веровки дѣлаются, зъ лебедемъ и крукомъ желѣзнымъ; къ нему цѣвокъ съ кручками и веретенами желѣзными среднихъ четыре да отсѣчка одна, болшихъ цѣвокъ четыре и отсѣчка одна; въ томъ же амбарѣ тюковъ вичесанныхъ отъ чоски толченой, которіе прядутся на самопрядки на основную пряжу, въ каждомъ по семи ѳунтовъ, числомъ 145, всего вѣсу двадцать пять пудъ пятнадцатъ ѳунтовъ; пряжи бѣлой самопрядочной, то есть основной, вязокъ по двадцать, мотковъ числомъ сто восемъдесятъ одинъ, вѣсомъ сорокъ пудъ тридцать фунтовъ; особливо въ сновалнѣ отданной таковой же пряжи вязокъ тридцать, шесть пудъ тридцать ѳунтовъ; основъ, на парусныя полотны здѣланныхъ, въ амбарѣ состоитъ числомъ тридцать одинъ, да на станахъ въ работѣ основъ сорокъ девять: пряжи уточной суровой шестнадцатъ ѳунтовъ, бѣлой уточной пряжи двадцать пудъ, да отданной въ работу на станы на сорокъ сѣмь кусковъ двадцать три и полъ пуды; ниччанокъ съ пряжи суровой тридцать паръ.

2. Амбаръ для поклажи пряжи, покрыть лубьемъ и доромъ въ латаки подъ жолубъ, зъ бервення соснового дерева, ветхій, въ длину сажней шесть и одинъ аршинъ, а въ

ширину два сажни и два аршина съ половиною, вымощенъ тесницами сосновими и липовими;

л. 186.

двери тертичные сосновые двойчатые на четырехъ завѣсахъ зѣ кручьемъ, зѣ защепкою и большимъ замкомъ изъ ручкою желѣзными, скованніе къ двернымъ шулакамъ для крепосты большими желѣзными бляхами.

3. Амбаръ покрытъ лубьемъ и доромъ въ лотки подъ жолубъ, дерева круглого соснового старой, въ длину сажней пять, а в ширь два и аршинъ одинъ; въ немъ двери болшіе зѣ дощокъ липовыхъ на пятнику, скованные на спускахъ большими желѣзными пятнадцатма бляхами, зѣ защепкою и замкомъ желѣзными; вымощенъ тертицами, засѣки тертичніе вымощены кирпичомъ; въ оныхъ засѣкахъ золы, выпаленной зѣ дерева ясеня, береста, илмины, для бѣленья полотень четвертей сто сѣмьдесятъ пять.

4. Амбаръ совсѣмъ ветхій, для клажи пенки и чоски, въ серединѣ съ перегородкою зѣ дощокъ сосновыхъ, покрытъ лубьемъ и доромъ въ лотки подъ жолубъ, въ длину востѣмъ сажней и два аршина, а въ ширь четыре сажни и одинъ аршинъ, зѣ дерева круглого соснового, вымощенъ досками сосновими; двери въхожіе зѣ дощокъ сосновыхъ двойчатые на завѣсахъ четырехъ желѣзныхъ въ пробой просовень желѣзной зѣ замкомъ большимъ высящимъ; зѣ другой стороны двери тертичніе на двухъ желѣзныхъ завѣсахъ зѣ внутреннюю засовкою и защепкою съ пробоями желѣзными; да въ показанной перегородкѣ двери дощатіе зѣ одною завѣсою и засовкою и пробоями желѣзными; въ немъ малое окошко прорубано и перегороджено желѣзною бляхою; вѣсѣ желѣзной большой одинъ; къ нему доски деревянные на веревкахъ; тамъ жѣ вѣсѣ желѣзной простой работы, на коемъ за несходность ничего не важится; щетокъ чесалныхъ старихъ, праздныхъ въ амбарѣ числомъ пятнадцать, въ ныхъ зубовъ желѣзныхъ отъ ста до ста тридцати; чоски нетолченой пудовъ востѣмнадцатъ и тридцать фунтовъ, чоски толченой пудовъ двадцать девять.

1. Корпусъ строенія фабричныхъ рабочихъ, ткацкихъ избъ одинадцать подъ одною простою кришкою дранич-

ною. на кручи деревяномъ въ лотоки прилаженные
л. 186 об.

жолубами; каждая изба въ ширину сажней четыре и аршинъ одинъ и въ длину сажней пять; увесь оной корпусъ въ длину сажней пятьдесятъ пять, строеніе старое дерева круглого соснового; въ каждой избѣ оконъ безъ обикончинъ по восѣмъ, во всякомъ окнѣ шибокъ простыхъ, круглихъ по двадцать четыре, по однимъ дверамъ сосновымъ тертичнымъ простой работы на завѣсахъ желѣзныхъ; въ оныхъ избахъ пѣчи кирпичные зъ выведенными наверхъ кирпичными трубами, до всякой печи въ трубахъ по одной простой желѣзной кришкѣ; въ каждой избѣ становъ ткацкихъ по шесть, толко з ныхъ въ одной, гдѣ сновальня, нумера осмого избѣ становъ три; всѣхъ становъ ткацкихъ, дѣйствительно рабочихъ, зъ бердами мѣдного зубья, всякое бердо въ ширь по одному аршину и два вершка, и совѣми къ работѣ ткацкой потребными матеріялами, пятьдесятъ два, а праздныхъ становъ безъ должныхъ матеряловъ и бердъ одиннадцать, а всѣхъ становъ въ ономъ корпусѣ фабричномъ состоитъ шесть десятъ три; самопрядокъ сто двадцать восѣмъ; оные жъ станы зъ нижеслѣдующихъ матеряловъ: дѣланы онѣ зъ дерева дубового, на каждомъ стану—навой, на коемъ основа звивается, зъ дерева соснового; на ономъ по два обручи желѣзные; навой, на котормъ полотно зъвивается, дерева дубового; гдѣ шokolда ходитъ—кругъ желѣзной; на концѣ новая рихфа желѣзная; по обоимъ концамъ оногo навоя два желѣзные шипы гнѣзды, въ коихъ тотъ навой утверждень, желѣзные два, шokolда желѣзная пробита гвоздомъ желѣзнымъ, ляди, въ коихъ бердо ходыть, дубовые, на вершняку оныхъ по концамъ рихфи желѣзные высулки до ниченокъ дерева дубового зъ ремнями, подъ ножокъ, на коихъ ткачъ стоитъ, деревяныхъ по двое, на коихъ желѣза гнезды два, и къ нымъ шворень одинъ; наличники на станахъ прибиты гвоздями, для цевокъ ящикъ двойчатій, зъбитый желѣзными гвоздами, одинъ; човникъ, что полотно тчется, одинъ; при каждомъ стану цевокъ точенныхъ зъ дерева по двадцать и тридцать; да въ каждого ткача изъ щетины свинной шетей пари по двѣ; на вышь писанныхъ праздныхъ оинадцати

станахъ материяловъ состоитъ: навоевъ, на коихъ основа звивается, сѣмъ, навоевъ, на коихъ полотна звиваются, л. 187.

одинадцать, лядовъ шесть, висулюкъ паръ три, подножковъ паръ три; въ каждой свѣтлицѣ по одному сукалу на коихъ ткачи цевки сучать, да ящиковъ дощастыхъ, въ которыхъ шлифа держиться, по одному жъ, въ осмой избѣ—сновалня круглая деревянная на валку, въ оной желѣза рихфи двѣ, шипъ и гнѣзды на станку сновалскомъ, гдѣ цевки ходятъ, веретень желѣзныхъ десять; колесъ маленькихъ, на коихъ цевочки сучать, съ кручками и веретенами желѣзными восьми; станокъ деревянной, на коемъ ниччанки дѣлаютъ, одинъ.

1. Отъ корпусу фабрическаго строенія, идучи въ Топаль, по правую сторону избы двѣ бывшіе ткацкіе пустіе, покрыты доромъ въ лотки под жолубъ, въ длину саженой пятнадцать, а въ ширину пять, дерева соснового круглого старіе, мосту и печей въ нихъ нѣтъ, и потолокъ отъ ветхосты и гнилосты обваливается; дверей въ нихъ двое сосновыхъ, на дверяхъ завѣсы желѣзныхъ четыре.

2. Амбаръ покрытъ доромъ и на одной половинѣ лубьемъ въ лотки, длиною саженой шесть и два аршины, а въ ширину два сажни съ аршиномъ, дерева соснового круглого, старой, вимощенъ тертицами сосновими, двери въ немъ съ тертицъ сосновыхъ двойчастіе, на четырехъ желѣзныхъ завѣсахъ зъ защепкою и замкомъ висящимъ желѣзнымъ; въ томъ амбарѣ становъ старихъ, разбитныхъ, къ подчинкѣ и передѣлкѣ подлежащихъ, сорокъ четыре, да къ нимъ съ колотынъ четыре навоевъ, на коихъ полотно зъ вивается, зъ кругами и шипками желѣзными четырнадцать, лядъ зъ дерева дубового, на широкіе полотны здѣланныхъ, безъ оковки десять, становъ сновальной и ниччаной разобранные деревянные два.

3. Сарай чесальной, безъ печи здѣланой, покрытъ доромъ въ лотки, длиною зъ одной прихожей стороны саженой восьми, а зъ задней стороны саженой пятнадцать, въ ширину жъ саженой четыре, дерева круглого соснового ветхой, въ немъ потолокъ зъ дощокъ сосновыхъ тесаныхъ отъ ветхосты и гнилосты обваливается, въ немъ оконъ

л. 187 об.

безъ обыкончикъ шестнадцать, оболонки старіе простого круглого стекла, во всякой оболонкѣ шибъ по тридцать, дверей двое на четырехъ желѣзныхъ завѣсахъ, на еднѣхъ же защепка одна желѣзная; въ томъ же сараи щотокъ желѣзныхъ, на коихъ чоска перечесивается, утвержденныхъ къ тертицамъ двадцать и одна, къ нымъ выколотка желѣзная одна.

4. При томъ сараѣ, для поклажи отъ чоски кудель, амбаръ тростянной, покрытъ лубьемъ и доромъ въ лотаки, въ длину и ширину по четыре сажни, дерева соснового круглого, ветхой; мостъ въ немъ согнилъ; въ стѣнахъ того амбара пять оконъ забито досками; двери одны на дву завѣсахъ желѣзныхъ зъ защепкою и замкомъ простымъ желѣзными; въ томъ же амбарѣ и въ чесалнѣ вѣсовъ деревянныхъ толко зъ дужками и кручками желѣзными двое, и къ тѣмъ вѣсамъ доски деревянные зъ веровками; кудель, отъ чоски вичесанныхъ, которые отдаются на уточную пряжу, пудовъ сорокъ.

За онымъ корпусомъ фабричнаго строенія въ лѣвую сторону:

1. Погребъ кирпичной пустой, въ длину сажней три и одинъ аршинъ, а въ ширину два съ половиною, вимощень тертицами, у дверей крукъ одинъ, завѣсовъ двое и защепка желѣзные; да наверху оногo погреба по той же мѣрѣ амбаръ порожжой дерева соснового круглого старой, вимощень тертицами сосновими, двери на двоухъ желѣзныхъ завѣсахъ зъ защепкою, завалкою и замкомъ желѣзными.

2. Избы двѣ, устроенные для сѣшки пряжи, покрыты были дранью, а нынѣ оной кришки нѣтъ, и совсѣмъ вѣтхне, длины пять сажень, а ширины трехъ с половиною.

3. Повѣта большая для провѣски пряжи на девяти дубовыхъ столбахъ, покрыта доромъ въ лотаки, въ длину сажней 7, а въ ширь пять, самая ветхая.

л. 188.

4. Бывшая миларня, въ коей випаривано и бѣлено пряжу, состоящая нынѣ въ пустѣ, подъ кришкою драничною, въ оной, гдѣ стоялы горны, стѣна картичная съ пристройкою тертичною, въ длину сажней пять и два аршины, а въ ширь

три сажни; дверей тертичныхъ двое, одны двойчастіе на четырехъ завѣсахъ зъ защепкою и замкомъ желѣзными, а другіе на двоухъ толко желѣзныхъ завѣсахъ изъ защепкою; да въ оной миларнѣ въ горну штаба желѣзная толстая, въ длину четири аршины съ половиною; при оной же миларнѣ котловъ чугунныхъ литыхъ болшихъ съ трубками четири, средней одинъ, да безъ дна малой одинъ, итого шесть.

5. Амбаръ, устроенъ было для золы, покрытъ лубьемъ и доромъ, въ длину пять сажней, а въ ширъ два съ половиною, зъ разного дерева, теперъ самой ветхой, вимощенъ тертицами сосновими; двѣри на троухъ завѣсахъ зъ защепкою и зъ замкомъ желѣзными; въ немъ золы четвертей десять.

При фабрикѣ жъ черезъ дорогу на правой сторонѣ:

1. Изба, покрытая доромъ, въ длину и въ ширину по полтреття сажня, зъ дерева соснового, старая; мостъ въ ней дощатой, печь варистая кирпичная, оконъ малыхъ простого стекла три, лавокъ двѣ, двѣри на завѣсахъ желѣзныхъ; при оной хатѣ сѣнцы и клетъ доромъ критіе, дерева разного мѣлкого, въ длину и ширину по два сажни, ветхіе; въ клетѣ двѣри зъ защепкою желѣзною.

2. Избы токарская и ковалская подъ одною драничною кришкою; токарня въ длину и ширину по четири сажни, дерева круглого соснового, старая, въ оной оконъ безъ затворовъ пять, оболочки простого круглого стекла, пѣчь варистая съ коменомъ кирпичнымъ, до оной печи заслонка желѣзная, двѣри на двоухъ завесахъ желѣзныхъ, потолокъ ветхой, станокъ токарской зъ желѣзными шипками одинъ, резцы два, проходникъ одинъ долотъ, косяковъ четири, шлихтули кругліе два, рѣзецъ трогранной одинъ, штилей два, шило одно, долотцо одно, острогубцы два, молотокъ одинъ.

л. 188 об.

3. Ковалская, въ длину и ширину по два сажни и одномъ аршину, ветхая, пѣчь простая кирпичная, оконъ малыхъ съ оболонками простыми четири, лавокъ двѣ, двѣри на завѣсахъ желѣзныхъ; къ тѣмъ избамъ сѣнцы дерева круглого старіе, въ нихъ стѣнъ три: одна съ приходу двоухъ сажней, другая сажень четири, третья два сажни; две-

рей двое на четырехъ желѣзныхъ завѣсахъ; за ковалскою жь избою къ сѣнечной стенѣ пристроенная клетка зъ старого дерева подъ доромъ, въ длину два, а въ ширь полтора сажня, двери на завѣскахъ желѣзныхъ зъ засовкою.

4. Напротывъ оной избы кузница дерева соснового мѣлкого, круглого подъ доромъ, въ длину сажней два, а въ ширину полтара, въ оной кузнѣ ковалскихъ инструментовъ: мѣхъ кожаной рабочей старой зъ желѣзною трубою одинъ, ковадло одно, клещей три, гвоздѣлня одна, молотковъ болшихъ и малихъ три, шрубъштакъ одинъ, клетки одни, пилокъ до желѣза двѣ, снайдеза на шесть гвинтовъ одна, для желѣза сѣкачъ одинъ.

Близъ фабрики подъ гаемъ въ правой сторонѣ:

1. Садокъ для рыбы обрубленной деревомъ сосновымъ круглымъ съ перегородкою, въ длину сажней десять, а въ ширину пять, огороженъ съ трехъ сторонъ до избы заборомъ тертицами сосновими въ шулы, въ окружности такова огорожа сажней двадцать девять, въ оной вода идетъ лотками из гаю чрезъ обдѣланные два деревяннѣ колодези, а изъ одного лотками жь прибылая вода въ рѣку исходитъ.

2. При садкѣ изба, покрытая доромъ, дерева круглого соснового, ветхая, въ длину и ширину сажней по четыре, оконъ съ оболонками стекла простого, круглого болшихъ четыре, въ оболонкѣ шибокъ по двадцать двѣ; печь вари-стая кирпичная; двери одны на двоухъ желѣзныхъ завѣсахъ, лавки двѣ; при избѣ сѣнцы съ коморкою зъ соснового брусья ветхѣе, въ длину сажней два и аршинъ одинъ, а въ ширину сажень одинъ, въ сѣнцахъ дверей дощатыхъ двое на четырехъ желѣзныхъ завѣсахъ, изъ ныхъ при едныхъ дверяхъ засовка

л. 189.

и защепка желѣзные; въ коморкѣ двери зъ защепкою желѣзною.

При садкѣ замковъ висящихъ два, пѣшенъ желѣзныхъ пять.

1. Въ рекѣ Снивѣ садокъ для рыбы, здѣланной зъ тертицъ сосновыхъ, въ длину три сажни и одинъ аршинъ, а въ ширину сажень и два аршины; зъ верху одного дверей двое

на четырехъ желѣзныхъ завѣсахъ и двѣ желѣзніе защепки безъ зачковъ.

2. Лодка болшая дубовая старая одъна.

3. Лодокъ дубовыхъ малыхъ рибалскихъ двѣ.

4. Идучи къ сажу, по лѣвой сторонѣ къ рекѣ огородъ господской, въ длину саженой сорокъ и одинъ, а въ ширь двадцать с половиною сажень, огороженъ отъ реки плетнемъ, а съ приходу въ трехъ стѣнахъ прясломъ, дерева мѣлкого соснового, саженой сѣмъдесять два; въ ономъ огородѣ засѣваются разные овощи.

5. Другой огородъ близъ токарнѣ къ рѣкѣ жъ огороженъ въ кругъ таковымъ же сосновымъ прясломъ, въ длину саженой двадцать, а въ ширину дванадцать; засѣвается разными овощами.

6. Между прописанныхъ огородовъ изба подъ кровлею драничною, въ длину и ширину саженой подва съ половиною, зъ дерева соснового круглого, старая; пѣчь въ ней простая кирпичная, лавокъ двѣ, оконъ малыхъ зъ оболонками четири, двери тертиць сосновыхъ; къ ней сѣнцы въ длину сажень двохъ, а въ ширь двохъ же съ половиною; въ сѣнцахъ чуланъ дощатой, въ длину и ширину по одному сажню и одному аршину; изба и сѣнцы вимощены досками тѣсанными; въ избѣ двери одны, въ сѣнцахъ и чуланѣ дверей двое.

7. Особливо жъ амбаръ дерева соснового, на половинки разбиваного, подъ кровлею драничною въ лотакъ, ветхой, въ длину саженой шесть и два аршины, а въ ширь трехъ и одинъ аршинъ, въ немъ двери одны тертичные двойчатіе, на дверяхъ желѣза завѣсъ четири, защепка одна; при амбарѣ сарай одинъ.

л. 189 об.

8. За рекою Сновью, идучи зъ фабрики, по лѣвой сторонѣ дворъ, въ немъ строенія владѣлческаго изба подъ кровлею драничною, въ длину и ширину равно по три сажни и одинъ аршинъ, дерева соснового круглого, въ самой ветхосты, печь варистая кирпичная съ коменомъ, оконъ съ оболонками битыми три, лавки двѣ, двери на двохъ завѣсахъ желѣзныхъ; къ ней сѣнцы, въ длину и ширину по три сажни, въ сѣнцахъ двери дощатіе.

При оной же фабрикѣ состоятъ молодые зарослые рошцы:

1. Рошца за рибнымъ садкомъ дерева олхового и соснового, длиною двѣстѣ пять десять, а шириною восѣмъ десять сажней.

2. Рошца по правой сторонѣ, идучи съ Топали на фабрику, березового молодого дерева, малая, въ длину тридцать, а в ширь сѣмнадцатъ сажней.

3. Рошца по лѣвой сторонѣ за фабрикою, березового дерева, малая жъ, въ длину тридцать, а въ ширь сѣмнадцатъ сажней.

4. Рошца за плотиною, при кладбищѣ по лѣвой сторонѣ, березового и олхового дерева, молодая, въ длину сажней девятыдесять, а въ ширь сорокъ пять.

Пахатной же земли къ оной фабрикѣ никакой не имѣется.

л. 190.

Вѣдомость, кто именно въ парусинной топалской фабрикѣ состоятъ работники зъ семействомъ и майстеровие, изъ ныхъ кто жителство имѣеть въ корпусѣ фабричного строення, такожъ кто имѣеть свои хаты и протчое строенне, и у кого сколко какова скота, значить ныже. 1771 года. (См. таблицу стран. 233).

л. 195.

1. Пры вышозначенной парусной фабрыкѣ плотына на реке Сновѣ, разстоянымъ отъ Топали въ двохъ верстахъ, въ длину сто сѣмъдесять, а вширь трехъ треаршинныхъ сажень, спусковъ на оной четыры: на первомъ толчея для толчення на порусныя полотна пенечной чоскы, о одномъ колѣ и двенадцаты ступахъ, з соснового бервенъя, покрытая дранью, в длину четырехъ сажень и одного аршина, а в ширь трехъ сажней, въ оной дверы двойчастые на четырёхъ желѣзныхъ завѣсахъ зъ защепкою и замкомъ всящимъ желѣзными, на дверми окно без стекла з дверцами на двохъ желѣзныхъ завѣсахъ; другой спускъ въ длину четырехъ, а в ширь двохъ сажень и полъ аршина, на которомъ—съ одной стороны мукомолной амбаръ з двома мукомелными колами соснового брусся, покрытъ дранью в лотакы, должыною трехъ сажней и одного аршина, а в ширь

№	Жытелствующе ра- ботные люде зъ се- мействомъ	От роду лѣтъ		въ корпусѣ фабрыч- номъ избы	Строевые у работниковъ					Разной скотъ								
		Мужескій	Женскій		Избы	Клеты	Сараи	Погребн	Бани	Лошадн	Жеребятн	Волы	Коровн	Телятн	Овцн	Козы	Свиннн	
71	Кожемяка Игнатъ Коно- новъ	68	—	1	—	1	1	1	1	2	—	—	3	1	—	—	3	
	жена его Настасья	—	48	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
	Дѣты ихъ {	1. Терентій	23	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
		жена его Евдокія	—	23	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
		дѣти ихъ {	3 1/2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
		Ныкифоръ		—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Татіяна	—	1 1/2		—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—		
Евдокія	—	9	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—		
Марѳа	—	6	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—		
2. Степанъ	4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—		
72	Феодоръ Корнѣевъ Ко- жемяка жъ	68	—	1	1	2	1	1	1	2	2	2	2	1	5	1	2	
	жена его Елена	—	48	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
	Дѣты ихъ {	1. Сыдоръ	21	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
		жена его Вера	—	21	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
		дочь ихъ Евфросі- нія	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
		2. Иванъ	18	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
		жена его Улиана	—	18	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
		Васса	—	13	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
		Агрыпина	—	11	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
		3. Антонъ	9	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Итого		166	165	20	23	23	58	15	3	20	5	4	74	42	39	25	46	

двоухъ и шести вершковъ, въ ономъ закромъ съ перегородомъ для зсыпки помолного хлѣба одынъ зъ висящимъ замкомъ; а на другой сторонѣ того жъ спуску амбаръ зъ соснового бервення покрытъ в лотакы дранью, должною и шириною двоухъ сажень и по одной четверти аршина, въ ономъ мукомолное колесо для вешняной воды; третей спускъ в длину 4 сажень и одного аршина, а вширь одного сажня и двоухъ съ половиною аршинъ; четвертой спускъ должною четырехъ, а в ширь двоухъ саженей. Плотины обыта отъ воды дубовими палями и оплетена лозою.

Мелница на реке Сновѣ, называемая толчаевская, отъ Топали въ трехъ, а отъ парусной фабрики в двоухъ верстахъ,

здѣланная зъ брусся соснового, покрытая в лотакы дранню, длиною и шириною треаршинныхъ саженой трехъ; пры оной спускъ брусованній и мукомолные два колеса; внутри ея закрошь для зсипкы размѣру перегороженной з висящимъ замкомъ еденъ.

л. 195 об.

Пры оной мелници дворокъ, въ коемъ изба одна, клетѣй двѣ, погребъ одынь, сарай одынь, огородчикъ для грядъ, и висѣвается конопель четверыкъ, да роши березовой, годящейся на дрова и латы, в должъ прымѣромъ до полверсты, а в ширь до четверты версты; въ ономъ дворѣ жителствуеть мирочникъ Илья Исаевъ зять, трыдцать шесть лѣтъ, жена его Анна, трыдцаты лѣтъ, сынъ ихъ Михайло, трынадцаты лѣтъ, дочери: Марѣа десяти, Татіяна шести, Устынья трехъ лѣтъ; з скота жъ в него лошадь одна, коровъ тры, свиней тры, бортныхъ деревъ безъ пчель десять, с пчелми одно, ульевъ два.

Надворный совѣтникъ Александръ Башиловъ.

Коллежский асесоръ Иванъ Миклашевскій.

Абшитованный сотникъ Михайло Рубецъ.

(„Отдточная книга... волости Великотопалской“, рукопись Библиотеки Киевского Университета, № 263, л.л. 183—196).

л. 295.

Вѣдомость хутора Дрегліовки, растоянїемъ отъ Внуковичъ версть тры.

л.л. 295 об.—296.

Оуторъ называемый Дрягліовка, растоянїемъ от деревни Внуковичъ въ 3 верстахъ.

Дворы и в нихъ жителствующие хозяева з семействомъ:

1. Василей Пастухъ—55 л., жена ево Евфросиния—50 л., дѣти ихъ: Василей—15 л., Улияна—15 л., Пелагия—17 л. Хоромное строеные: изба—1, клетъ—1. Скоть: коров—2, свиней—2. Сѣна накашиваетъ возовъ—3 (дубровного). Бобыль.

2. Семень Остапченкокъ—60 л., жена ево Ксения—60 л., (дети их?): Якимъ—16 л., Мария—7 л.; зять его Самойло

Слепой—30 л., жена ево Ирина—25 л., (дети их?): Григорий—3 л., Мелания— $\frac{1}{2}$ л. Хоромное строение: изба—1. Бобыль.

3. Семень Довгушь—26 л., жена ево Наталия—26 л., сестра ево Устиния—14 л. Хоромное строение: изба—1. Бобыль.

4. Нестерь Горохъ—50 л., жена ево Анна—49 л., синь ихъ Романъ—25 л., жена ево Матрона—23 л., дочь ихъ Татьяна— $\frac{1}{2}$ л. Хоромное строение: изба—1, погреб—1. Скотъ: лошадей—1, коров—1. Сѣна накашиваетъ возовъ—3 (дубровного)¹⁾. Бобыль.

л.л. 296 об.—297.

5. Леонъ Швець Авѣенокъ—30 л., жена ево Мелания—30 л., дѣти ихъ: Ларионъ—10 л., Параскевия—7 л. В той же избѣ сосиды: Давидъ Козаченокъ—25 л., жена ево Матрона—22 л., синь ихъ Петро—1 л.; Максимъ Николаенокъ—20 л., братъ его Сазонъ—15 л. Хоромное строение: изба—1, клетъ—1, сарай—1, погреб—1. Скот: коров—3, телят—2. Бобыль.

6. Ермолай Селедецъ вдовъ—40 л., дѣти ихъ: Акилина—8 л., Марина—6 л., Оедоръ—23 л., жена ево Устиния—20 л. Хоромное строение: изба—1, клетъ—1, сарай—1. Скотъ: лошадей—1, коров—2, телят—1, коз—1. Сѣна накашиваетъ возовъ—1 (болотного). Бобыль.

7. Степанъ Гутникъ—50 л., жена ево Евдокия—44 л., дѣти ихъ: Парфень—19 л., Димитрій—11 л., Апанась—9 л., Ирина—8 л., Параскевия—6 л., Устиния— $\frac{1}{2}$ л. Хоромное строение: изба—1, клетъ—1, сарай—1, погреб—1. Скотъ: лошадей—1, коров—1, свиней—1. Сѣна накашиваетъ возовъ—3 (дубровного). Бобыль.

л.л. 297 об.—298.

В вишеозначенной господской избе вместе с прикажчикомъ жителствующие:

8. Григорій Марченко—35 л., жена ево Устиния—33 л., дѣти ихъ: Тимофей—10 л., Сила—8 л., Анна—4 л., Параскевия— $\frac{1}{2}$ л. Скотъ: коров—1, телят—1, свиней—1. Сѣна накашиваетъ возовъ—3 (дубровного). Бобыль.

¹⁾ По ошибке писца цифра 3 попала в предыдущую графу (о пок).

9. Семень Селедецъ—30 л., жена ево Устиния—25 л., дѣти ихъ: Татияна—9 л., Анна—6 л., Федора—3 л. Бобыль.

Вышеозначенные фабриканты получаютъ за работу в день каждой взрослой—по 4 ко. и кормится отъ себе.

Да сверхъ фабрикантовъ бывшие при рудни жители из давнихъ летъ в особыхъ дворахъ рудники:

10. Антонъ Бозиленокъ—50 л., жена ево Татияна—48 л. Хоромное строение: изб—2, клетей—2, сараев—1, погреб—1, баня—1. Скотъ: коров—1, телят—2, свиней—1. Сѣна накашиваетъ возовъ—5 (дубровного). Бобыль.

11. Матвѣй Жигалской вдовъ—60 л., дѣти его: Алексѣй—25 л., Мартинъ—20 л., Мария—25 л. Хоромное строение: изба—1, клеть—1, сарай—1, погреб—1. Скот: лошадей—1, коров—2, телят—1. Сѣна накашиваетъ возовъ—5 (дубровного). Бобыль.

12. Яков Громика вдовъ—40 л., дѣти его: Мартинъ—10 л., Козма—20 л., жена ево Евфросиния—20 л. Бобыль.

Итого: 32 д. м. п., 32 д. ж. п.; 10 изб, 8¹⁾ клетей, 5 сараев, 7²⁾ погребов, 1 баня; 5³⁾ лошадей, 12⁴⁾ коров, 5⁵⁾ телят, 6⁶⁾ коз, 5 свиней; накашивается 32 воза сена (дубровного)⁷⁾; 12 бобылей.

л. 298 об.

При ономъ оуторѣ плотина господская на криницѣ называемой Король, текущей изъ деревни Внуковичъ. На плотинѣ мелничной амбаръ—первой о двухъ колахъ мучныхъ, другой амбаръ о двухъ сукновальныхъ а о четырехъ просяныхъ ступахъ.

При сей же плотинѣ миларня или белилня, гдѣ бѣлится для парусной фабрикѣ пряжа. Въ ней пять гарновъ съ котлами, въ коихъ варится пряжа и щолокъ.

При миларнѣ пристройка.

1) При подсчете в таблице— 7.

2) " " " " — 5.

3) " " " " — 4.

4) " " " " — 13.

5) " " " " — 7.

6) " " " " — 1.

7) " " " " — 22 в. дубровного и 1 в. болотного.

Изба жилая болшая для прикажчика и нѣкоторыхъ работниковъ одна.

Амбаръ небольшой для зсыпки золы.

Житовня, в которой вижимается мокрая пряжа.

Амбаръ для поклажи пряжи.

Изба о двухъ печахъ для сушеня въ зимѣ пряжи, въ длину четырнадцать, а въ ширину пять сажень.

Надворный совѣтникъ Александръ Башиловъ.

Коллежскій ассессоръ Иванъ Миклашевскій.

Абшитованный сотникъ Михайло Рубецъ.

(Отдочная книга волости Великотопалской, л.л. 295 — 298 об.).

№ 3.

Промемория изъ Генералнаго Военнаго Походнаго Камисариата в Генералную Войсковую Канцелярию. Понеже сего июля 13 дня, по присланному ко мне ея императорскаго величества имянному указу за подписаниемъ господъ кабинеть министровъ, велено по представленію гдн генерала еелтмаршала и ковалера графа еон-Миниха, для удоволствия полковъ приуготовити противъ здѣланной при арміи на одинъ пехотной полкъ пробы из бѣлой парусины или палаточныхъ полотень десяти тысячъ сертуковъ с красными обшлагами, с воротниками и ординарными мелкими пуговицами, того ради, по ея императорскаго величества указу и по определению генерала лейтнанта генерала криксъ камисара и лейб гвардіи Преображенскаго полку мозора князя Трубѣцкаго, велено в Генералную Войсковую Канцелярию послать сию промеморию, которою требовать, дабы оная Канцелярия благоволила учинить немедленное описание, сколько ныне имѣетца какъ в Почепской і протчихъ всехъ состоящихъ в Малой Росіи фабрикахъ ¹⁾ налицо приуготовленнаго парусиннаго полотна и заложено поставовъ для приуготовления на сколько аршиновъ, и при томъ фабриканомъ подтвердить, дабы они оное, заложеное на поставахъ полотно, і впредь велели делать со всякимъ крайнимъ по-

¹⁾ На поляхъ противъ этой строки: „на казенныхъ такъ і порткулярныхъ“.

спешениемъ и запретить им, чтобъ с техъ фабрикъ означенного полотна кромѣ на строение вышеозначенного мундира, пока оной надлежащимъ числомъ темъ полотномъ будетъ удовлетствованъ, отнюдь никуда не отпускали, а вышеобявленное ныне наличное на оныхъ фабрикахъ плотно для делания, по силе вышеозначенного имянного ея императорского величества указу, ко имеющемуся в здешнихъ цейгаузехъ наличному вприбавокъ собравъ все, и означенное описание прислать в Генералный Походный Камисариатъ во всякой скорости і впредь, сколько когда приуготовлено будетъ, оное присылать же безъ всякого умедления, за которое плотно надлежащая по указу плата отъ Камисариата произведена будетъ немедленно, и Генеральная Войсковая Канцелярия да благоволитъ учинить въ томъ по ея императорского величества указу. В лагире при Переволочнѣ июля 17 дня 1738 году. Князь Н. Трубецкой. Секретарь Данила Григорьевъ. Канцеляристъ Илья Оеларенский (?)

(Румянцевский Музей, Архив Марковича, № 1364).

№ 4.

В Воисковую Енералную Канцелярію предложене. Понеже сего октября 22 д. гѣднѣ генераль лейтнантъ и генераль крикскоммиссаръ князь Трубецкій писменно мнѣ объявлялъ, что де того ж октября 13 д. в ордере его високографского сіателства гѣдна генерала еелдмаршала и кавалера еонъ Мініха къ ему, гѣдну генералу лейтнанту, предложено: дабы изъ зделанныхъ, по силѣ імянного ея імператорского величества указу, исъ парусинного полотна готовыхъ сертуковъ пять тысячъ да полотна съ надлежащимъ числомъ красного подбою и пуговицъ отдать на ланцмілицкые полкы, заплатя денги исъ коммиссаріатской сумми, а присланною де на требованіе его, гѣдна генерала лейтнанта князя Трубецкого, промеморіею зъ оной Енералной Канцеляріи жъ объявлено: отъ графа де Владіславича писменно в ту Канцеллярію показано, яко на его фабричномъ заводѣ имѣется налицо парусинного полотна семсотъ кусковъ, мерою кусокъ по пятидесять аршинъ с четвертью, ценою

аршинъ по четырнадцать копеекъ, и требовалъ онъ, гѣднъ генераль лейтнантъ князь Трубецкый, дабы оное полотно нарочно присланному отъ его, гѣдна генерала лейтнанта, за объявленную цену, с котормъ де на заплату за оное и за прежде присланное полотно посланны будутъ денги, отдано бѣ было безъ всякого замедленія; того ради зъ оной Генеральной Воисковой Канцеляріи к помянутому графу Владиславичу предложить, дабы онъ, егда от гѣдна генерала лейтнанта и генерала крикскоммиссара князя Трубецкого нарочный за тѣмъ паруснымъ полотномъ присланъ будетъ, отдалъ тому нарочному по настоящимъ ценамъ безъ задержанія, а до того употреблять оногo парусинного полотна не дерзалъ бы. А сколько оногo парусинного полотна и когда по требованію его, гѣдна генерала лейтнанта князя Трубецкого, отправлено и впредь отправиться и по какимъ ценамъ, ко мнѣ репортовать. Румянцевъ. Октября д. 26 1738 году. Переясловль.

(Румянцевский Музей, Архив Марковича, № 1352).

№ 5.

Исъ Канцеляріи Министерского Правления Малоросскихъ Дѣлъ в Войсковую Генералную Канцелярію извѣстие. Сего апреля 16 дня в предложеніи его превосходительства господина генерала аншева и ковалера Александра Ивановича Румянцева в Канцелярію Министерского Правления объявлено, что на строенные лантъмилицкихъ полковъ сертуковъ определено гѣиномъ генераломъ лейтенантомъ и генераломъ крикъкамисаромъ княземъ Трубецкимъ взять с Почепской парусной фабрики парусного полотна двадцать девять тысячъ триста шесть аршинъ, а об отпуске же оногo писано отъ него, господина генерала лейтнанта, в Войсковую Генералную Канцелярію, и на заплату за оное полотно отправлено с капитаномъ Владыкинымъ дѣгъ двенатцать тысячъ двѣстѣ восемьдесятъ одинъ рубль сорокъ девять копѣекъ, точию же оное полотно пойнѣ не отпущено, а к выступленію полка в компанию осталось время самое краткое, чего ради нѣнѣ для скорейшего помянутого числа полотна привозу отправленъ отъ него господина генерала и

ковалера прямо на Почепскую фабрику прапорщикъ Нагаткинъ, і велено оное препроводить прямо к рандеву х Каневскому перевозу; а понеже в Канцелярию Министерского Правления объ отправленіи помянутого парусного полотна с Почепской фабрики ни откуда никакова предложения понынѣ не имѣлось, а в Войсковую Генеральную Канцелярию объ отправленіи показанного полотна откуда какие предложения есть ли, и что по нихъ учинено, и то полотно отправлено ль, в Канцелярии Министерского Правления извѣстия нетъ; того ради в Канцелярию Министерского Правления отъ Войсковой Генеральной Канцелярии потребно обстоятельное извѣстие об отправленіи вышепомянутого числа с Почепской парусной фабрики парусного полотна откуда и какие предложения і в полученіи имѣлись ли, и то полотно в надлежащѣе мѣсто откуда отправлено, и дѣги за то полотно отъ капитана Владычина приняты ль, или паче чаяния того полотна еще неотправлено, і капитанъ Владычинъ з денежною казною гдѣ нынѣ имѣется, почему в Канцелярии Министерского Правления по силѣ вышепоказанного предложения надлежащѣе ісполнение учинить было возможно. Апреля 16 дня 1739 году. Секретарь (подпись). Канцеляристъ (подпись).

(Румянцевский Музей, Архив Марковича, № 1350).

№ 6.

По указу ея императорского величества, присутствующіе Войсковой Генеральной Канцелярии члены, слушавъ предложения гѣдна генерала аншева и кавалера Румянцова, в которомъ изображено, понеже де онъ, гѣднъ генеральаншевъ и кавалеръ Румянцовъ, из ордера гѣдна генерала велтъ маршала и кавалера графа еонъ Минѣха могъ усмотреть, что объ отправленіи с Почепской фабрики на строеніе на лантъ милицкіе полкы сертуковъ парусного полотна двадцаты девяты тысячъ трехъ сотъ шести аршинъ отъ гѣдна генерала лейтнанта и генерала криксъ комисара князя Трубецкого в Генеральную Войсковую Канцелярию писано, и на заплату на то полотно с капитаномъ Владикиномъ, которій де и нынѣ в той канцелярии обрѣтается, отправлено денегъ

дванадцать тысячъ двѣстѣ восемьдесятъ одинъ рубль сорокъ девять копѣекъ, точію де, за нескоримъ в той канцеляріи отпращивеніемъ, и понынѣ в привозе того полотна не имееся, и велено дабы, ежели паче чаянія и донынѣ оное парусинное полотно, куда надлежитъ, не отпращивено, то б объ отпращивеніи оногo в помянутый Генералній Походный Криксъ Комисаріятъ и объ отдаче, куда подлежитъ, за то полотно денегъ в самомъ скоромъ времени учинить в Енералной Войсковой Канцеляріи надлежашое исполненіе, дабы затемъ в приуготовленіи исъ того полотна сертуковъ к будущей компанѣи на лантъ милицкіе полки в техъ полкахъ и малѣйшой не послѣдовало остановки, а буде б оной капитанъ Владикинъ понынѣ з денгами в Глуховъ не бываль и в Войсковой и Минѣстерской Канцеляріяхъ не явился, о томъ тотчасъ к ему, гѣпдну генералу аншефу и кавалеру Румянцову, репортовать; если же оный капитанъ прибыль, то для чего та остановка учинена отпращивать; согласно приказали к нему, гѣпдну генералу аншеву и кавалеру Александру Ивановичу Румянцову, писменно в отпращивъ з Войсковой Енералной Канцеляріи представить, что вишеобъявленный лантмилицкогo Курскогo полку капитанъ Владикинъ еще минувшогo генваря 4 числа с присланными с Военногo Походногo Генералногo Комисаріята на заплату за парусинное полотно денгами, а имянно дванадцать тысячъ двѣстѣ осмидесятъ однимъ рублемъ и сорокъ девять копѣекъ, в Енералную Войсковую Канцелярію прибыль, исъ которихъ денегъ тогда ж за забратое ис Почеповской фабрики парусинное полотно в вишеозначенный Генералній Походный Комисаріятъ, какъ и в присланной з оногo Комисаріята в Енералную Войсковую Канцелярію того ж генваря 4 д. промеморіи показано, с капитаномъ Кусаковымъ девять сотъ кусковъ мерою сорокъ чотири тысячи восемь сотъ семнадцать аршинъ по показанной с Канцеляріи Минѣстерскогo Правленія Малоросійскихъ Дѣлъ цене, на чотири тысячи восемьсотъ осмнадцать рублемъ на тридцать пять копеекъ, за рогожи на обгортку того полотна на тридцать на восемь рублемъ, да с ундеръ офицеромъ Сергиемъ Савиновимъ четириста сорокъ восемь кусковъ мерою двадцать две тысячи двѣстѣ двадцать чотири аршина с полу, по цене на

две тысячи триста девяносто восемь рублей сорок восемь копеек, за провозъ на прогони девяносто одинъ рубль двадцать восемь копеек, за рогожи десять рублей, ітого за оба отпуса семь тысячъ триста пятьдесятъ шесть рублей девяносто девять копеек, в Канцелярию Министерского Правления Малоросійскихъ Дѣлъ с нимъ, капитаномъ Владикиномъ, з Войсковой Енеральной Канцеляріи отправлено, которіе тамо и приняты, и в приемъ онихъ ему, Владикину, обстоятельная квѣтанція дана, а осталніе денги чтири тысячи девятсотъ двадцать чтири рублѣ и пятьдесятъ копѣекъ с онимъ же капитаномъ Владикиномъ к иллирическому графу Гаврилу Владиславичу на заплату имѣющогося на фабричномъ его заводе парусинного полотна, мерою за тридцать пять тысячъ сто сѣмдесятъ пять аршинъ, того ж генваря 24 числа з оной же Енеральной Войсковой Канцеляріи отправлены, на что отъ него, капитана Владикина, что онъ вишеобъявленное число парусинного полотна отъ его, графа Владиславича, принялъ и тѣ денги ему отдалъ (токмо что к отвозу оногo, за неимѣніемъ на обгортку того полотна рогож и веровокъ, учинилась была остановка) и репортъ в Енеральную Войсковую Канцелярию минувшого марта 18 д. присланъ, такожъ де о томъ же всемъ и отъ помянутого графа Владиславича того ж числа в Генеральную Войсковую Канцелярию репортовано ж, а по оному его, капитана Владикина, репорту, того ж марта 20 числа на покупку для обгортки того парусного полотна рогожъ и веровокъ да вдобавку на прогоны, по состоявшомуся в Енеральной Войсковой Канцеляріи опредѣленію, з Канцеляріи Малоросійскихъ Зборовъ тридцать семь рублей денегъ (в силѣ его ж требования) на шеть Походного Комисаріята, чрезъ нарочно отъ него, капитана Владикина, присланного лантмилицкого Курского полку ротного квартирмистра Дремова, к нему, капитану Владикину, отслано, и о томъ всемъ со обстоятельствомъ в Генеральный Криксъ Комисаріятъ отъ Войсковой Енеральной Канцеляріи за извѣстіе промеморія послана; почему всему в оной Енеральной Войсковой Канцеляріи упователно было, что оное парусинное полотно давно уже в означенной Генеральной Походный Комисаріятъ привезено, а чтобъ з По-

чеповской фабрики вновь парусинное полотно, кромѣ вишеобъявленного, куда отправлять, о томъ ниоткуда требованія в Генералную Войсковую Канцелярію и доселѣ не было, такожъ что в томъ же предложеніи предложено, яко Войсковая Генеральная Канцелярія за таковое нерадѣтельное по нынѣшнимъ обращеніямъ в дѣлихъ своихъ отправленіе не токмо ответа, но и штрафа подлежить, то она Генеральная Канцелярія якъ по протчѣимъ его, гдѣна генерала и кавалера Румянцова, предложениямъ и протчѣго генералѣтета требованіямъ всекрайное попеченіе имѣеть, дабы и малѣйшей в интересѣ ея императорского величества остановки быть не имѣло, такъ и по вишеписанному всему, что до оной Генеральной Канцеляріи касалось, в непродолжительномъ времени надлежащее исполненіе учинила. Априля 17 д. 1739 году. (подпись).

(Румянцевский Музей, Архив Марковича, № 1360).

№ 7.

Указъ ея императорского величества самодержици все-россійской ись Правителствующаго Сената данъ города Брянска гостинной сотни купцу Тихону Чамову для того: в нынѣшнемъ 1750 году в Правителствующемъ Сенатѣ оной Чамовъ просилъ, чтобъ Почепскую полотняну парусную фабрику (которую по імянному ея императорского величества указу, состоявшемуся минувшого іюня 5 д., велено вывести ись того города вонъ), для лутшаго к ползѣ и приращенію високого ея императорского величества интереса, съ мастеровичи и работными людьми, ись наличными матеріяли, инструменти, отдать ему в вѣчное потомственное владѣніе, которую онъ ізь города Почепа выведетъ на вновь обисканніе впредъ имъ мѣста своимъ коштомъ, и для того отдать ему имѣющіяся на той фабрики наличніе парусніе полотна, оцѣня ихъ, чего стоятъ, і какъ о покупке в Великой Россіи способныхъ к переводу той фабрики у охочихъ людей земли з деревнями и протчихъ угодей с людьми и крестяни, такъ і о покупке жъ на произвожденіе той фабрики всякихъ потребныхъ матеріяловъ и протчѣго ему и прикажчикамъ ево поволною ценою у всякого чина

людей дать позволеніе, и противо протчихъ фабрикантовъ пожаловать ему и прикажчикамъ ево отъ гражданскихъ всякихъ служебъ увольненіе, и домъ его отъ постою свободить, и во всемъ вишшеписанномъ привилегіею снабдить; и, по указу ея імператоръского величества, Правителствующій Сенатъ, слушавъ учиненной о томъ виписки, приказалы: вишшеписанную імѣющуюся в малоросійскомъ городѣ Почепѣ казенную полотняную фабрику со всемы находящимися при той фабрике наличными материялами, припасами, інструментами, мастеровими і работними россійского народа людмы, окромѣ тамошнихъ малоросійскихъ обивателей и пришлихъ безъ пашпортовъ, на основаніи блаженнія і вѣчной славы достойния памяти государя імператора Петра Великаго 1723 году декабра 3 дн. указу і Манифактуръ-Коллегіи Реглямента 15 пункта описавъ, а наличніе материяли, інструменти и припаси, кромѣ здѣланныхъ на той фабрике паруснихъ полотень, оценя настоящею отъ Манифактуръ Кантори оценкою, отдать вишшеписанному просителю Чамову в вѣчное потомственное владѣніе съ роспискою, и для описѣ и отдачи той фабрики послать исъ той Манифактуръ Кантори нарочного исъ канцелярскихъ служителей, на коштѣ его, Чамова, и на сколько отдано будетъ, толикое число денегъ заплатить ему, Чамову, в Манифактуръ Кантору съ отдачи онихъ в пять лѣтъ, і в томъ платеже обязать его Чамова той Манифактуръ Канторі поруками; а пришлихъ всехъ тому жъ посланному переписать, чіи они прежде были, и давно ли на ту фабрику пришли, и в какихъ кто майстерствахъ и работахъ находятця, и переписавъ, до указу объявить ихъ при фабрике его, Чамова, и отдать ихъ в смотреніе ему жъ, Чамову; и ту фабрику ему жъ, Чамову, исъ помянутого малоросійского города Почепа, в силѣ состоявшогося имянного ея імператорского величества минувшого іюня 5 д. указу, в нинѣшнее лѣто вывести своимъ коштомъ в великоросійскіе города, в чемъ его, Чамова, и подпискою съ крепкимъ подтвержденіемъ обязать (которой в Сенатѣ и обвязанъ), и для того подѣ строеніе той фабрики и подѣ поселеніе мастеровихъ и работнихъ людей, по силѣ імяннихъ 1721 генвара 18 и 1744 годовъ іюля 27 д. чисель указовъ и Ма-

нифактуръ-Коллегіи Реглямента 17 пункта, позволить ему, Чамову, в великороссійскихъ городѣхъ, гдѣ онъ, Чамовъ, проискать можетъ, купить поволюю ценою принадлежащую землю и к произведенію той фабрики деревню со крестьяни мужеска полу до трехъ сотъ душъ, и по желанію его, Чамова, позволить же ему при той полотняной фабрики завести и бумажную фабрику, і на онихъ фабрикахъ дѣлать ему какъ парусніе полотна, такъ и бумагу самимъ добрымъ майстерствомъ, а при томъ к распространению и прочихъ манифактуръ усердное свое стараніе прилагать, и во всемъ томъ, что до распространенія и приведенія тѣхъ фабрикъ в доброе состояніе принадлежитъ, поступать, какъ Манѣфактуръ-Коллегіи Регляментъ повелѣваетъ, подъ опасеніемъ за неприлежное смотреніе и произвожденіе штрафа; а чтобы при томъ онихъ фабрикахъ, яко вновь начинающихся, произведеніи никакого ему, Чамову, помѣшателства воспослѣдовать не могло, для того оногo Чамова, также и прикажчиковъ его, которіе при тѣхъ его фабрикахъ дѣйстви-тельно и не болше пяти человекъ находится будутъ, судомъ и росправою (кромѣ государственныхъ і криминальныхъ дѣлъ) вѣдать ихъ в одной Манифактуръ Коллегіи, гдѣ и тѣмъ его, Чамова, фабрикамъ в вѣдомствѣ состоятъ; і смотреть той Коллегіи по силѣ даннаго ей Реглямента и указовъ, дабы тѣ фабрики имъ, Чамовимъ, всемѣрно были распростра-нены и умножены; чего ради и отъ гражданскихъ служебъ его Чамова прикащики уволить; такожь и в домѣ его, Чамова, гдѣ оная фабрики дѣйствительно производится будутъ, постою не ставить; понеже вишшеписанная парусная фабрика по причинѣ той, что оная із города Почепа в другое мѣсто его, Чамова, собственнымъ коштомъ переведена и построена, и мастеровіе і работніе люди будутъ поселени, за вновь заведенную почитатся должна, а принадлежащая до тѣхъ его фабрикъ матеріали, інструменти и припаси покупать ему, Чамову, и посланнымъ отъ него в силѣ торговыхъ правъ вездѣ безъ всякаго препятія; что же принадлежитъ до наличныхъ, здѣланнихъ на вишшеписанной фабрики парусныхъ полотень, то онихъ ему, Чамову, не отдавать, о чемъ в Манифактуръ Коллегию и оной Коллегіи в Кантору и куда надлежало указы ізъ Сената послани; и гдѣ сей ея імператор-

ского величества указъ имъ, Чамовимъ, или посланными отъ него объявленъ будетъ, то по оному чинить надлежащее исполненіе і по исполнении отдавать обратно безъ всякаго удержанія. Данъ в Санктпѣтербурге юля 31 д. 1750 года.

(Журналъ делопроизводства гетманской канцелярии 1750 г., л.л. 213—214 об.,—рукопись собрания Лазаревского, № 19, т. III).

№ 8.

Графъ Кирилль Разумовскій, гетманъ и кавалеръ. Высокороднымъ господамъ Генеральной Старшинъ, в ѣней Генеральной Войсковой Канцелярии присутствующимъ. З ѣней Генеральной Войсковой Канцелярии отъ васъ прошедшаго ноября отъ 23 д. сего году доношеніемъ намъ представлено: Гдѣрственной де Манифактуръ Коллегіи юнкеръ Яковъ Чириковъ, которій оттоль присланъ для описѣ имѣющейся в городѣ Почепѣ парусной фабрики и отдачи оной со всѣмъ, что есть, с матеріяли и припаси, кромѣ здѣланнихъ паруснихъ полотень, брянскому купцу Тихону Чамову, в той Генеральной Канцелярии доносилъ, что управитель тамошній почеповскій Зубрицкій в отдачу всего требуемого имъ не попустилъ, почему де и изъ Генеральной Канцелярии к помянутому почеповскому управителю указомъ предложено, всѣ имѣющіеся на той фабрики припаси и матеріяли, выключивъ изъ онихъ толченую и нетолченую пенку, по описѣ и оценкѣ отдать оному купцу Чамову или повѣренному отъ него до разсмотренія ѣшего, подъ такою токмо писменною обвязкою, что ежели мы тѣ всѣ припасы причтемъ оне в принадлежность с протчими наличности себѣ, а не в отдачу Чамову, то по оценки надлежащіе денги не в Манифактуръ Коллегію, но до скарбу двору ѣшего взять, и онъ, Чамовъ, тѣ денги всѣ отдать имѣетъ безъотговорочно. А понеже сего 1750 году имянными высочайшими ея императорскаго величества указами всемилостивѣйше между протчимъ повелено, первымъ юня в 5 д. изъ города Почепа, которой намъ пожалованъ со всѣми принадлежностями и доходи, полотняную фабрику, отискавъ на то какъ найскоряе удобнія мѣста, в нинѣшнее лѣто заблговременно вывести; другимъ юля в 24 день тѣ доходи, которіе в Малой Россіи в надлежащихъ на урядъ нашъ гетманскій маетностяхъ, до кон-

фѣрмаціи ея императорскаго величества на избраніе насъ гетманомъ, денгами, хлѣбомъ, виномъ и протчими припасами собраны и налицо находятся, всѣ отдать намъ; с числа которыхъ и имѣющіеся нинѣ у той полотняной фабрики всѣ припасы и матеріялы, з доходовъ оной нѣшей Почеповской волости собраніе, по силѣ тѣхъ імяннихъ высочайшихъ ея императорскаго величества указовъ, надлежать ко двору нѣшему, а не к той фабрики, ибо в тѣхъ высокопомянутыхъ указахъ повелено, одну толко тую фабрику вывести, а чтобъ к ней изъ доходовъ почепскихъ какіе припасы и матеріялы забирать и изъ Почепа увозить, того в тѣхъ указахъ ниже упомянуто; потому к показанной фабрике ничего болшъ не принадлежитъ, какъ толко единые инструменты, к дѣланію паруснихъ полотень служашіе, какъ о томъ и в вашемъ мнѣніи, в помянутомъ присланномъ к намъ отъ васъ доношеніи, показано, которое мы апробуемъ. Того ради нѣшей Генеральной Войсковой Канцеляріи велѣть оную полотняную парусную фабрику и всѣ к ней принадлежащіе инструменты, яко то жомы, кадкы, веси, казаны, топоры, корита, пилы, ткацкіе станы, берда, ступы, стругы и другіе тому подобніе в милярнѣ, в сушилнѣ, в казенной палатѣ, в токарнѣ, в погребѣ, в кузницы, в шлихътоварнѣ, в столярнѣ, в сновалнѣ, в чесалнѣ, в толчеи и в протчихъ у той фабрики мѣстахъ имѣющіеся, такіе жъ вещи присланному изъ Мануфактуръ Коллегіи юнкеру Якову Чирикову, для врученія бранскому купцу Тихону Чамову или повѣренному отъ него, отдать безъ малѣйшаго удержанія; припасовъ же и матеріяловъ изъ доходовъ волости нѣшой Почепской, тамо имѣющихся (яко оніе по висшеписанному в силѣ высочайшихъ ея императорскаго величества імяннихъ указовъ принадлежать ко двору и скарбу нѣшему), никакихъ не отдавать, и о томъ к главному маетностей нѣшихъ эконому бунчуковому товаришу Ломиковскому и к почепскому управителю Зубрицкому указами предложить приказуемъ і поручаемъ васъ в сохраненіе бѣжіе. В Санктпѣтербурхе, декабря 22 дня 1750 года. Гетманъ.

(Журнал делопроизводства гетманской канцелярии 1750 года, л.л. 361—361 об.,—рукопись собрания Лазаревского, № 19, т. III).

№ 9.

Промемория із Государственной Камерцъ Колегіи в Генералную Войсковую Канцелярію. Сего 1738 году февраля 4 дня, в доношеніи в Камерцъ Колегію із Москвы іс Камерцъ-Канторы писано: в прошломъ де 1737-м году октября 13 дня, в поданномъ в Камерцъ-Кантору прошеніи нежинскихъ жителей Юря да Павла Алексѣевыхъ детей Артиныхъ написано, чтоб по силѣ манифактурной инструкціи по желанию ихъ позволить имъ построить кожевной заводъ в городе Нежинѣ, или гдѣ удобное мѣсто будетъ в Малой Россіи, для дѣлания юети мастерской і пудовой ради продажи і поставки в армію и в протчии мѣста и отпускать для продажи ж за границу с платежемъ пошлинъ х которому заводу удобное мѣсто і лесныя припасы у нихъ уже искуплены: и дабы в отпуску за границу от нежинской ратуши и от полковой канцеляріи запрещенія имъ не было о том, також и о небраніи с нихъ правянта и лошадей в подводы і о увольненіи от постою дать имъ указъ с прочетомъ; и требовала оная Кантора, что бъ вышеписаннымъ просителямъ в заведеніи в Малой Россіи кожевной фабрики с показанными увольнениями позволенія дать не можетъ, для того что малороссіскія города в ведомствѣ состоятъ Малороссіской Генеральной Войсковой Канцеляріи, и дабы позволениемъ той фабрики тамошнимъ правамъ в чемъ неучинить нарушение; а по справке в Камерцъ Колегіи імянными блаженныя і вечнодостойныя памяти его імператорского величества Петра Перваго 715 и 718 годовъ указами повелено юеть, которая употребляется на обувь и дѣлается з дехтемъ, такой во всемъ государстве не дѣлать под жестокимъ наказаніемъ; а дѣлать с ворваннымъ саломъ и инымъ порядкомъ по обученію ревелскихъ мастеровъ; а которая юеть ідетъ в окресныя государства, такожъ здесь для обитія и оклеиванія, такую делать по старому; а в Инструкціи Манифактуръ Колегіи, за подписаніемъ блаженныя ж і вечнодостойныя памяти его імператорского величества Петра Великого собственной руки, 1723 году декабря 3 дня в сѣдмомъ пунктѣ напечатаномъ его імператорское величество соизволяетъ всѣмъ, какого б чина и достоинства кто ни былъ, во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ за благо обрящеть, ма-

Мануфактура в Гетманщинѣ.

мануфактуры і фабрики заводять; и о томъ публиковать всенародно, і кто такие явятца, о тѣхъ Коллегіи вначалѣ смотритъ о пожиткахъ і достоинствахъ и потомъ не токмо скорое решение учинить, но и всякие способы показать, коимъ образомъ с тою мануфактурою ноилутче ему поступать і в доброе і, неубыточное состояние привести; а 731 году указомъ ея імператорского величества повелено впредь ни для какихъ фабрикъ і заводовъ от служебъ не выключать, дабы протчимъ купцамъ тягости не было, развѣ кто вновь знатную і государству полезную фабрику или заводъ заведетъ, такому от служебъ давать увольнение первому фабрикану і заводчику, а другим, кои послѣ такую ж фабрику заведутъ, увольнение в службахъ не чинить, а чтоб і впредь всегда действительно всѣ фабриканы свои фабрики производили, а не под однимъ імянемъ, о томъ смотреть ратушамъ и по усмотрению о недостойныхъ писать в Мануфактуръ Кантору. Того ради по указу ея імператорского величества в Камерцъ Коллегіи сего марта 2 дня определено: в Генералную Войсковую Канцелярію послать промеморию, дабы она благоволила вышеозначеннымъ просителемъ, нежинскимъ жителемъ Артинымъ в построении того кожевного завода (ежели по малороссіскимъ правамъ затруднения от того не явится), по силѣ его імператорского величества імянныхъ указовъ і Мануфактуръ-Коллегіи инструкции, учинить позволение, и производили бѣ надлѣжащимъ образомъ, какъ указы о томъ повелевають; і что учинено будетъ, в Камерцъ-Коллегию для ведома сообщить—і Генералная Войсковая Канцелярія о вышеписанномъ да благоволишь учинить по ея імператорского величества указу. Марта 3 дня 1738 году (подписи).

(Румянцевскій Музей, Архивъ Марковича, № 1362).

№ 10.

Промеморія из Государственной Комерцъ Коллегіи в Генералную Войсковую Канцелярію. В прошлом 1738 году марта 3 дня по опредѣленію Комерцъ Коллегіи послана во оную Канцелярію промеморія и требовано дозволѣнія нежинскимъ жителемъ Юрьѣ да Павлу Алексѣевымъ детямъ

Артинымъ построить имъ кожевенной заводъ в городе Нежинѣ или гдѣ удобное будетъ место в Малой Россіи, ежели в томъ по малороссійскимъ правамъ затрудненія не явитца; а нынѣ поданнымъ в Камерцъ Калегію прошеніемъ означенныи Артины объявляютъ, что де по той посланной промеріи определеніемъ генерала и ковалера гдѣна Румянцова с присутствующи члены, тотъ кожевенной заводъ в городе Нежине построить имъ велѣно, и о томъ, со объявленіемъ Генеральной Войсковой Канцеляріи открытого указа, из месскихъ (!) кнѣгъ дана имъ выпись, и тотъ заводъ они построили и размножили, і изделанной де юети к приуготовленію на армію продажа имелась, а за продажею де и остаточная есть, токмо той остаточной без данной имъ ис Камерцъ Калегіи привилегіи и указа за границу не пропускать (!), а в Малой де Россіи, за неименіемъ купцовъ, употребить ее невозможно; а в томъ де чинитца имъ убытокъ, такожь пріезжающіи афицеры и салдаты и всякого званія люди берутъ подводы, и от нежинскихъ гражданъ и всякихъ чиновъ людей чинятца обиды, а заводу ихъ ко умноженію и распространенію оstonовка; и требуютъ, чтоб в заведеніи и в содержаніи того заводу и в продаже зделанной пудовой и мастерской юфти к арміи и в малороссійскихъ городѣхъ, а достальной в отпускъ за границу с платежемъ пошлинъ и в покупке на тотъ заводъ людей до ста душъ за прещенія б и остановки, а имъ разоренія, такожь и от пріезжавшихъ и отезжавшихъ афицеровъ и салдатъ и разныхъ чиновъ и от неженской полковой канцеляріи и магистрата и гражданъ обидъ и препятствія, а паче в отпуску за границу юети чинено не было, и судомъ бы и росправою ихъ і мастеровыхъ и работныхъ людей и прикащиковъ ихъ вѣдать в Камерцъ Калегіи и в Малороссійской Генеральной Войсковой Канцеляріи, и для новости б того ихъ заводу, лошадей в подводы, и валовъ, и правіанту, и другихъ градскихъ податей с нихъ не брать, и постовъ в домѣхъ ихъ и на заводе не ставить, и о томъ дать бы им привилегію; и при томъ прошеніи с помянутой данной ихъ выписи приложили копію, в которой написано: по опредѣленію де Генеральной Войсковой Канцеляріи вѣлено имъ, Артинымъ, по силѣ имянныхъ состоявшихся в прошломъ 715-мъ и 718-мъ

годехъ Манифактуръ Колегіи инструкціи, кожевенной заводъ в помянутомъ городе Нежине построить, и о томъ данъ имъ тотъ указъ, чрезъ которой предлагается, дабы старшины малороссійскіи, а особливо полковникъ нежинской, войтъ магистрату нежинского и всякого званія люди, в построеніи имъ, Артинымъ, в городе Нежинѣ, на собственной ихъ землѣ юфтяного заводу и в деланіи оной юети раді продажи и поставки в армию и в протчіе места и во отпуске оной, куда похотятъ, никакой не чинили препоны и трудности, а о незанимани дому ихъ для постоевъ и о неимани ж лошадей в подводы и в протчемъ чинено было по силѣ імянныхъ указовъ непремѣнно; а по справке в Камерцъ Колегіи о состояніи того заводу извѣстія нѣтъ, и подлинно ль они завели, и в какомъ оной размноженіи имѣтца, о томъ из Генеральной Войсковой Канцеляріи в Камерцъ Колегію не писано. Того ради, по ея императорского величества указу и по опредѣленію Камерцъ-Колегіи, вѣлено, ежели помянутыми просителми кожевенной новоманерного дѣла заводъ в городе Нежине заведенъ и в добромъ порядке имѣется, то о продаже со оногo здѣланныхъ кожъ к арміи ея императорского величества и внутри Малой Россіи и въ протчемъ во всемъ, по силѣ учиненного в Генеральной Войсковой Канцеляріи опредѣленія и данной им выписи, благоволила бы оная Канцелярія в подчиненныя места подтвердить указами, дабы впредь напрасныхъ имъ никакихъ обидъ, а фабрики помешательства и оstonовки чинено не было, а в какомъ оная фабрика размноженіи имѣтца, и сколько капиталу положено, и матеріаловъ и товару зделанного порознь по сортамъ налицо, и по какимъ ценамъ в продаже бываетъ, и сколько жъ при томъ мастеровыхъ людей имѣтца, о томъ о всемъ повелѣно б было тамошнему магистрату освидѣтельствовать, и что по свидѣтельству явится, писать в Камерцъ Колегію немедленно, ибо бес того по вышеозначенному ихъ прошенію какъ о покупке людей, такъ и о протчемъ требуемомъ, не выдавъ, в какомъ размноженіи та фабрика имѣтца, ршенія учинить не можетъ; что же требуютъ они позволѣнія об отпуске зделанной на томъ ихъ заводе юфти для продажи за границу, и в томъ имъ отказать, для того что по состоявшимся імяннымъ указомъ 714

апреля 6 и 723 годов ноября 26 чисел купцамъ какъ из великороссійскихъ, такъ и из малороссійскихъ городовъ, кроме россійскихъ пристаней, такой юфти за рубежъ отвозить запрещено; и Генералная Войсковая Канцелярія да благоволятъ о томъ вѣдать и учинить по ея императорского величества указу. Июня 10 дня 1740 году. (Подписи).
(Румянцевский Музей, Архив Марковича, № 1384).

№ 11.

Указъ ея императорского величества самодержици все-россійской зъ Войсковой Енеральной Канцелярії полковниковъ Лубенскому господину Марковичу. Сего сентеврія 17 въ полученной зъ Малороссійской Коллегіи въ Войсковой Енеральной Канцелярії промеморіи написано: прошедшого августа 29 дня сего 1726 году, по присланному изъ Кабънета ея императорского величества указу, велено Малороссійской Коллегіи Путивлской суконной манифактури кампанѣйщика Ивана Дубровского (пропуск) и манифактурніа и протчіе заводи, которими онъ Дубровскій владѣль, и всякіе пожитки и протчіа отписать на ея императорское величество, а о протчихъ его Дубровского поступкахъ изслѣдовать, и для описи тыхъ деревень и протчего посланъ изъ оной Коллегіи порутчикъ Вейстовъ, и требовано, чтобъ малороссійскимъ жителямъ объявить ея императорского величества указомъ, ежели кто отъ его Дубровского имѣеть какіе обиди, то тіе люде въ обидахъ своихъ были бѣ чоломъ въ Малороссійскую Коллегію, по которомъ по ея императорского величества указу учинено будетъ немедленое слѣдствіе. И сего жъ сентеврія 17 дня 1726 году, по указу ея императорского величества, по приговору Енеральной Войсковой Канцелярії, велено, противъ присланнихъ зъ Коллегіи Малороссіи промеморіи, сей ея императорского величества къ вамъ послать указъ, дабы вы во всемъ полку Лубенскомъ оній указъ опублѣковали, чтобъ, если кому отъ означенного Дубровского здѣлани якіе обыди, тіе безъ всякого опасенія въ обыдахъ своихъ были бѣ чоломъ въ Малороссійскую Коллегію, где по ихъ челобитю учинена будетъ резолюція. И вамъ бы, полковниковъ Лубенскому го-

сподину Марковичу, о высшеписанномъ учинить исполне-
ніе по сему ея императорского величества указу въ самой
скорости, а что учинено будетъ, о томъ репортовать Ене-
ралную Войсковую Канцелярію безъ замедленія. Данъ въ
Глуховѣ септеврїа 17 дня року 1726.

(Разные указы Генеральной Войсковой Канцелярии с
3 генваря 1726 г. по 17 декабря того же года,—рукопись
(XIX в.) Библиотеки Киевского Университета, из коллекции
Судиенко, № 101, т. IV, л.л. 29—30).

№ 12.

Пану полковниковѣ N, старшинѣ его полковой, сотни-
камъ и всѣмъ градскимъ и сѣлскимъ урядникамъ и кому
бы колвекъ о томъ вѣдати надлежало, симъ унѣверсаломъ
нашимъ ознаймуемъ; ижъ принесена до насъ монаршая все-
пресвѣтлѣйшого імператорского величества грамота зъ Го-
сударственной Иностранныхъ Дѣлъ Коллегіи, на імя еще
покойного ясневелможного его милости пана гетмана Ско-
ропадскаго писанная¹⁾, зъ тимъ объявленіемъ, что его імпе-
раторское величество указалъ компанѣйщикамъ Сидору То-
милину и Панкрату Рюмину въ Россійскомъ своемъ госу-
дарствѣ, въ уездѣ Рязанскомъ или где похотять, размно-
жити іголний заводъ и оніе ігли во всей его величества
державѣ продавати одни, а другихъ зъ заграницы, изъ ин-
шихъ порубѣжныхъ мѣсть отнюдь не вивозити, подъ запрѣ-
щеніемъ взяты тихъ иголь въ казну и зверхъ того наложе-
ніемъ великого штрафа; а поневажъ помянутий компанѣй-
щикъ Сидоръ Томилинъ въ Государственную Бергъ Кол-
легію подавалъ доношеніе таковое, что хочай іменнимъ его
імператорского величества указомъ заприщено игли зъ іно-
странныхъ государствъ привозити, однакъ многіе, тотъ
імператорский его величества указъ презрѣвши, зъ Гданска
и зъ Шліонска и зъ протчихъ порубѣжныхъ мѣсть въ
Россію и чрезъ малороссійскіе города, отъ Азова въ Чер-
касский городъ игли тайно привозять и въ продажу употре-
бляютъ, отъ чѣго ихъ компанѣйщиковъ россійского дѣла
игламъ продажи нѣтъ, и чрезъ тое имъ немалая есть оста-

¹⁾ Лет. зан. Арх. Ком., XVII. 149. № 302 (14 VI. 1722).

новка и убитокъ; того ради его імператорское величество яко повелѣлъ везде въ государствѣ своемъ и до насъ въ Малую Россію одправити монаршіе свои указы, чтобъ такихъ иголь разныхъ чиновъ люде зъ зарубежа не привозили, но всеконечно покупали бы оныя россійского дѣла, въ вѣдомѣ предречонныхъ компанѣйщиковъ будущою. Такъ мы, на мѣстцу гетманскомъ правленіемъ всякихъ россійскихъ (!) дѣлъ нинѣ вѣдающе, дозлетворачи тому премошнѣйшому его імператорского величества указовѣ, и по оному во всѣ полки надлежащіе наши унѣверсали одправивши, предлагаемъ симъ же унѣверсаломъ и въ полкъ N и вишеизображеннымъ монаршимъ указомъ всякимъ торговимъ и гандлями бавлючимъся людемъ, якіе въ томъ полку N суть, зъ заграниць иголь отъ сего времени вивозить весма запрещаемъ, а вмѣсто оныхъ въ Малую Россію ввозити бѣ и продавати игли россійского дѣла, которые дѣлаются на заводахъ вишеобъявленныхъ компанѣйщиковъ, а хто зъ нихъ торговиковъ до сего настоящего указу вивозити зъ заграници имѣеть у себе игли, тимъ на спродане оныхъ дается сроку, въ той же монаршой грамотѣ означенного, на полгода; ежели жъ и въ полгода будутъ неспроданы, то послѣ того сроку оніе игли торговимъ малороссійскихъ заводовъ промишленникамъ вивезти за границу или тыхъ же заводовъ компанѣйщикамъ Томилину и Рюмину продати самимъ (пропуск) по вийстю полрочного сроку отнюдь уже чужо-сторонними иглами не торговать подъ штрафомъ, а если хто нинѣшному явиться въпредѣ въ преступленіи, таковой всякъ, узнавши якую за тое себѣ непомильную истрату, не отговорувалъ ся невидѣніемъ оноу указу, чого ради абы панъ полковникъ N заразъ въ полку своемъ сей унѣверсаль нашъ везде опублѣковалъ и особитый вираженного въ немъ монаршого его імператорского величества указу тщательное имѣлъ и подкомендной своей старшинѣ приказалъ имѣти должное прилѣжаніе, пилно жадаемъ. Данъ въ Глуховѣ, зъ Войскоу Енеральной Канцелляріи августа 15 дня року 1722.

(Разные указы Генеральной Войскоу Канцелляріи с июля по 28 декабря 1722 года,—рукопись (копия XIX в.) собрания Судиенко в Библиотеке Киевского Университета, № 101, т. I, л.л. 21—22).

№ 13.

Божією поспѣшествующею милостію мы, Елисавета Первая, императрица и самодержица Всероссійская, Московская, Кіевская, Владимирская, Новгородская, царица Казанская, царица Астраханская, царица Сибирская, гдѣня Псковская и великая княгиня Смоленская, княгиня Эстляндская, Лифляндская, Карелская, Тверская, Югорская, Пермская, Вятская, Болгарская и иныхъ, гдѣня и великая княгиня Новгорода Низовския Земли, Черниговская, Рязанская, Ростовская, Ярославская, Белоозерская, Удорская, Обдорская, Кондинская и всея Сѣвернія страны повелительница и гдѣня Иверскія земли карталинскихъ и грузинскихъ царей и Кабардинскія земли черкасскихъ и горскихъ князей и иныхъ наследная гдѣня и обладательница, объявляемъ чрезъ сіе: понеже наше всемилостивѣйшее намереніе и соизволеніе есть не токмо заведенія при жизни вселюбезнѣйшаго нашего родителя блаженія и вечной славы достойнаго памяти гдѣря императора Петра Великаго разнія манифактури и фабрики в найлучей порядокъ привести и онимъ всякое надлѣжащее вспоможене чинить, но такожде и въновь всякія художества, манифактури и фабрики распространить, а паче суконія умножить, дабы войски наши безъ вывозу чужестранныхъ суконъ россійскими сукнами удовольствовувать; а понеже нашъ сенаторъ, дѣйствителной тайнной советникъ, дѣйствителной камергеръ, Кадетского корпуса и Ладожскаго канала главной директоръ и обоихъ россійскихъ ординовъ кавалеръ князь Юсиповъ (!) просилъ об отдачи ему имевшейся въ ведомстве Манифактуръ Коллегии на казенномъ нашемъ содержаніи въ Малой Россіи, в Прилуцкомъ полку, в селѣ Ряшкахъ суконной фабрики, того рады, усмотря мы ево, князя Юсипова, къ распространению той фабрики охоту, оную фабрику всемилостивѣйше ему пожаловали зъ станами и всякого званія фабричними инструментами, с мастеровими и работними людьми и канторскими служителями, кои нинѣ на той фабрики находятся, и со всѣми принадлежностями, зъ селомъ Ряшками, с людьми и со крестьяны, землями и со всѣми угоди, со всякимъ скотомъ, зъ дворомъ и хороннимъ и фабричнимъ строеніемъ, с мельницами,

винокуренными заводами, не включая ничего, но все то, что понинъ находится въ ведомстве при той фабрике, в вечное и потомственное владѣние; а имѣющіеся на той фабрике готовія материалы и при винокуренныхъ заводахъ вино с припаси, такожь наличной и въ земле посѣянной хлѣбъ, кромѣ отъдѣланныхъ суконъ и каразей, отъдать ему, князю Юсупову, а именно: материалы, шерсть и прочее, кои для употребленія в дело суконъ на ту фабрику куплены, по той цѣнѣ, почему онія куплены, шерсть зъбиранную с тамошнихъ овецъ—по покупной тамошней; вино—по подрядной отъ той фабрики, а пиво, медъ, такожь и неотъделанія суровія сукна и каразей—по истинной, почему на той фабрике стало, хлѣбъ—по продажной цѣнамъ, а за оное по вступленіи ево, князя Юсупова, в ту фабрику принять отъ него годными на нашу армию сукнами и каразеями в пять лѣтъ, вычитая по равному числу; а имѣющіеся на той фабрике по отдачу совсемъ отъделанія сукна и каразей отъдать с той фабрики кромѣ ево, князя Юсупова, на полки; а мастеровимъ и работнимъ людямъ и канторскимъ служителямъ, такожь сель и деревнь подданимъ быть во всехъ ево, князя Юсупова, и определенныхъ отъ него приказаніяхъ безъпрекословно послушнымъ; буди по отдачу ему, князю Юсупову, той ряшковской фабрики явятся с чего нибудь прежде вступленія ево прошлыхъ лѣтъ какія доимки, то оныхъ с него, князя Юсупова, не взыскивать, и буды оны не плачены были прежде изъ сказны, то онія заплатить отъ Манифактуръ Коллегии, а ему, князю Юсупову, по самое вступленіе ны до какихъ платежей дела нетъ; такожь, ежели кто станетъ той фабрики в подданныхъ мастеровихъ и работнихъ людей и крестьянъ въ казенія земли, кои ему, князю Юсупову, с тою фабрикою и съ селомъ Ряшками отъданны, вступатся, или въ пожилыхъ годахъ будетъ отъ кого челобитье, то ево, князя Юсупова, кому платежу и ны к какому отъвету не привлекать и отънятіемъ оныхъ земель и людей обыдъ и убытковъ никакихъ не чинить, чтобъ отъ того деланія суконъ и каразей помешательства не было, и въ томъ удовольствіе чинить Манифактуръ Коллегии, не отъемля отъ него отъ даного ему ничего; понеже онъ, князь Юсуповъ, обязался к лутчему

ту фабрику в надлежащей порядокъ привести и выписать галанскихъ овецъ и барановъ, чтобъ оными полировать шерсть и размножить въ Россійской Имперіи, дабы со временемъ миновать покупки турецкой шерсти, того для по приеме той фабрики, в силу Манифактуръ Коллегии Реглямента 9-го пункта и указовъ, виданно ему, князю Юсупову, изъ оной Коллегии денегъ десять тысячъ рублей въпредъ на десять лѣтъ, безъ проценту, и за такую высочайшую нашу мѣсть по обязательству ево на помянутой фабрикѣ неотъменно делать и отдавать на нашу армию суконъ белихъ и крашеннихъ разныхъ цветовъ в первыхъ двухъ годехъ по семнадцати, а в третьемъ, в четвертомъ и пятомъ годѣхъ по двадцати тысячъ, а потому в другіе пять лѣтъ до тридцати тысячъ аршинъ, а отъ время до времени и болѣе,—а караеи по пропорціи суконъ, употребляя прилежное стараніе, и тѣ сукна и караеи принимать по асигнаціямъ отъ Главного Комисаріата на нашу армию, сколько всего здѣлано будетъ, все безъ остатку какъ на ландмилицкія полки белия, а крашенныя на армейскія полки, противъ опробованныхъ образцовъ, и дѣнги за те сукна и караеи платить по приеме тѣмъ приемщикомъ безъ продолжения, и ту выдачу чинить, вичитая изъ выдатою сумми десятую часть, и брать сукнами; а егда по размноженію фабрики делатся будетъ суконъ и карезей сверхъ вышеозначенного числа, то в такомъ случае по представленію его приемъ онымъ чинить же и денги за те сукна платить потому же безъостановочно, дабы въ фабрики не могло последовать в денгахъ нужды, но имѣла бѣ всегдашнее обращеніе и отъ времени до времени приходитъ в наилучшее состояніе. Ему жъ, князь Юсупову, при той фабрикѣ для крашения деланихъ суконъ и карезей зделать красилню и выписать по обещанію своему галанскихъ овецъ и барановъ и онихъ размножить, чтобъ со временемъ возможно делать кромѣ турецкой шерсти сукна изъ собственныхъ при фабрикѣ снятыхъ с овецъ шерстей; по той фабрике мастеровихъ и работнихъ людей судомъ и расправою, кромѣ государственныхъ и кременалнихъ дѣлъ, ведать в одной нашей Манифактуръ Коллегии и никому ни в чемъ утеснения и обидъ ни чинить, но в потребномъ случае

возможное вспоможеніе показивать; помещскіе жы доходы за хлебъ и протчее для размноженія той фабрики и дѣланія суконъ и умноженія овецъ и барановъ пожаловани ему, князю Юсупову, вечно безъ платежа за те доходы в казну, напротивъ чего и ему, князю Юсупову, ту фабрику размножить и въ порядки содержать, за что всемѣлтивейше обнадеживаемъ ево, князя Юсупова, высочайшаю нашею милостию, что, ежели та фабрика содержана отъ него будетъ в добромъ порядки, то оная изъ селомъ у него, князя Юсупова, и у наследниковъ ево отънята не будетъ, и ныже что малое въ ево потребностяхъ какое поврежденіе учинится; и во утвержденіе всего вишеписанного ему, сенатору, дѣйствителному тайному советнику и действителному жъ камеръгеру и обоихъ россійскихъ ординовъ кавалеру, Кадетского корпуса и Ладожского канала главному директору князю Юсупову, для произведенія и содержанія вышеписанной суконной фабрики мы сію привиллегію нашему Правительствующему Сенату подписать и нашею гдѣрственною печатью укрепить повелели. Данна въ нашей резиденціи в Санктѣтербургѣ, лета отъ Рождества Хрѣстова тысяча семьсотъ пятьдесятъ седмаго, марта второгонадесять дня, государствованія нашего шестагонадесять года.

(Копія 1791 года с копии 1768 года.—Киевский Центральный Архив, губернаторский архив, № 181, „дѣло по указу Правительствующаго Сената о доставленіи свѣденія о суконныхъ фабрикахъ, получившихъ на завѣденіе изъ казны деньги или приписныхъ крестьянъ, или же, бывъ основаны казеннымъ капиталомъ, отданы въ содержание частнымъ людям. Декабря 13 дня 1790 года“).

ОГЛАВЛЕНИЕ.

В в е д е н и е.

1. Библиографическая справка 7
2. Терминологические заметки 15

Глава I. История мануфактур в Гетманщине.

1. Общие условия развития крупной промышленности в Гетманщине в первой половине XVIII века 30
2. Почеповская парусно-полотняная мануфактура 47
3. Шептаковская парусно-полотняная мануфактура 66
4. Топальская парусно-полотняная мануфактура 73
5. Путивльская суконная мануфактура 87
6. Рясковская суконная мануфактура 109
7. Ахтырская табачная мануфактура 122
8. Шостенский пороховой завод 128
9. Различные предприятия крупной промышленности в Левобережной Украине XVIII века. Купеческая фабрика в Гетманщине 136
10. Эпоха „национальных строений“ 143
11. Промышленная политика Румянцева 154
12. Вотчинная фабрика в Гетманщине 159

Глава II. Организация мануфактуры в Гетманщине.

1. Управление мануфактурами 166
2. Организация мануфактуры 173
3. Хозяйство мануфактуры 180
4. Условия работы мануфактуры 194
5. Рабочие мануфактур 199
6. Мануфактура и украинское общество 209

- П р и л о ж е н и я 217
-

Важнейшие опечатки:

<i>Стран.:</i>	<i>Строка:</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Должно быть:</i>
12	18 сверху	Германна	Германа
23	5 "	однозначущими	однозначащими
24	20 "	требуются	требуется
"	" "	йолоты	молоты
"	23 "	суконная	суковая
26	3 снизу	1898),	1898,
30	7 сверху	затеей	затея
"	8 "	личным капризом	личный каприз
49	6 снизу	с. 123.	с. 123; Рум. Муз., Арх. Марковича, № 1995.
61	16 сверху	за-границном	заграничном
69	3 снизу	Курсив, как везде, наш.	Разрядка, как везде, наша.
72	12 "	Разумовскоум	Разумовскому
77	9 сверху	1742 г.	в 1742 г.
86	10 снизу	25).	251).
107	1 сверху	342).	343).
109	13 "	вселе	в селе
114	13 снизу	в XVII—XVII	в XVII—XVIII
119	11 сверху	895).	395).
120	19 снизу	211 ³)	211 ⁴)
121	5—6 сверху	мануфактуры удвоилась	мануфактуры удвоилась
"	17 сверху	промышленности, 185.	промышленности, I, 185.
"	13 снизу	17 3	1783
123	2 "	314, 1724 г.	314 1724 г.,—
129	1 "	435)	436)
"	15 "	434)	435)
"	16 "	433)	434)
"	18 "	432)	433)
130	12 сверху	вновь,	вновь
131	18 "	410)	411)
"	25 "	412)	413)
"	27 "	413)	414)
"	1 снизу	443)	411)
"	2 "	442)	443)
"	3 "	441)	442)
"	4 "	440)	441)
"	5 "	439)	440)
132	2 "	441)	449)
133	5 "	450)	451)
"	17 "	449)	450)
146	15 сверху	руководящая-	руководящая

<i>тран..</i>	<i>Строка:</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Должно быть:</i>
147	19 снизу	материалы	материалы,
148	2 сверху	незначительны	незначительны.
"	1 снизу	I 354 356	I, 354—356
"	3 "	Черн.	(Черн.
149	8—9 снизу	20/V 1785 (15/VII, 1785;	20/V 1785; 15/VII 1785;
"	10 "	1793)	1793),
150	16 сверху	шерсти	шерсти
"	18 "	бездействовала 51 ¹⁾	бездействовала 51 ²⁾
151	25 ")517.	517).
152	4 снизу	см.	(см. ↘
153	9 "	чт.	(чт. ↘
156	4 "	632)	532)
157	6 "	335)	535)
158	1 "	ляной	ляной
164	19 сверху	XVII	XVIII
"	3 снизу	вероятно.	вероятно,
165	24 "	92	92;
"	11 "	с;	с.
"	4 "	специальную;	специальную
167	4 сверху	предположения	предположения
168	6 "	учреждений	учреждений.
170	6 "	иногда	иногда,
"	19 "	украинские мануфа-	украинских мануфа-
		ктуры	ктур
171	21 "	мастерская	мастерская
"	23 "	близкая	близко
175	15 "	быть можем	быть может,
176	26 "	Большая	Большая
180	2 снизу	с. 42),	с. 42).
181	5 сверху	кошарах	кошарах,
186	20 "	года,	года)
198	33 "	расположениях,	расположениях
203	1 снизу	II.	(II.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО УКРАИНЫ

- Балабанов М.** История рабочего класса в России Ч. I.
Стр. 177 1 р. 20 к.
- Борхардт Ю.** История хозяйственного быта Германии Ч. I. Стр. 144 80 к.
- Жигалко П.** Очередные вопросы промышленности.
Стр. 43 17 к.
- Жигалко П.** Железная промышленность С. С. С. Р.
Стр. 91 1 р. 75 к.
- Кечеджи-Шаповалов, проф.** Организация промышленности и торговли. Стр. 215 1 р. 25 к.
- Качинский В.** Очерки аграрной революции на Украине.
Вып. I. Уравнительный раздел земли. Стр. 108 50 к.
Вып. II. Обобществление сельского хоз. Стр. 112 50 к.
- Нейрат О.** История античного хозяйства 75 к.
- Павлович М. и Рафанл.** Очерки современной Румынии.
Стр. 162 90 к.
- Промышленный план Украины.** История, экономические основания, методология и анализ. Составлен по программе и под ред. председателя В. С. Н. Х У. С. С. Р. *К. Г. Максимова.* Стр. 140 + СХХIV. 2 р. 50 к.
- Перцович Н.** Советские тресты и синдикаты. Организация крупной промышленности С. С. С. Р. 1 р. 10 к.
- Сальвиоли Г.** Капитализм в античном мире. Этюды по истории хозяйственного быта. Стр. 187 1 р. 50 к.
- Слабченко.** Организация хозяйства Украины, т. I 1 р. 25 к.
- Слабченко.** Организация хозяйства Украины, т. II 1 р. 25 к.
- Слабченко.** Организация хозяйства Украины, т. III 1 р. 50 к.
- Турченко-Тур.** Труд в сахарной промышленности.
Стр. 97. 55 к.
- Фомин П., проф.** Экономика горной промышленности.
Конспект-справочник. Стр. 47. 30 к.
- Его-же.** Каменноугольная и антрацитовая промышленность Донецкого бассейна. Стр. 240. 1 р. 45 к.
- Л'Эспаньоль Пьер.** Мировая война за нефть. Стр. 100. 60 к.
- Янжул И.** Организация торговой к-ры Запада. Вып. I.
Продажа. Закупка. Стр. 129 80 к.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО УКРАИНЫ

ТРУДЫ того же автора

ВЫШЛИ В СВЕТ:

Очерки истории украинской фабрики. Предкапиталистическая фабрика.

Содержание: Глава I. Общие условия развития фабрично-заводской промышленности в первой половине XIX века. I. Историографические заметки. II. Борьба польского и русского капитала из-за украинского рынка. III. Русский капитализм и Украина. IV. Условия экономического развития Украины в середине XIX века. Крымская война. Промышленный подъем и кризис конца 50-х годов. V. Рост промышленного капитализма в последнее крепостное десятилетие. VI. Статистика фабрично-заводской промышленности в первой половине XIX века. Глава II. Фабрика с вольнонаемным трудом. I. Иностранная промышленная колонизация в первой четверти XIX века. II—III. Торговый капитал и фабрично-заводская промышленность. IV. Клинцовская суконная промышленность V. Фирма бр. Яхненко и Смирненко. VI. Борьба купеческой и дворянской фабрики во второй четверти XIX века. VII. Изменения в организации вотчинной фабрики в середине XIX века. VIII. Дворянская фабрика накануне крестьянской реформы. IX. Вопрос о вотчинной промышленности в губернских дворянских комитетах 1858—59 г.г.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

Очерки истории украинской фабрики. Крепостная фабрика.

Содержание: Введение Глава I. Мануфактура второй половины XVIII века в Правобережной Украине. I. Изменения в экономической жизни Правобережной Украины в последней четверти XVIII века. II. Главные течения польской экономической мысли эпохи разделов. III. Правобережная мануфактура. История и организация ее. Глава II. Вотчинная фабрика первой половины XIX века. I. Вотчинная фабрика в области суконной промышленности (первая треть XIX века). II. Вотчинная фабрика в области свеклосахарной промышленности (вторая треть XIX века). III. Размеры вотчинных предприятий. Крупные вотчинные предприятия. Глава III. Казенная фабрика. I. Казенные предприятия в первой половине XIX века. Довецкая промышленность. II. Киево-Межигорская франсовая фабрика.

ГОТОВИТСЯ К ПЕЧАТИ:

Очерки истории украинской фабрики. Организация дореформенной фабрики.

Очерки истории украинской фабрики. Капиталистическая фабрика. Вып. I—II.

